

П. ШЕСТАКОВ

ЧЕРЕЗ ЛАБИРИНТ

П. ШЕСТАКОВ

ЧЕРЕЗ ЛАБИРИНТ

П О В Е С Т И

**Издательство ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»
1971**

П О В Е С Т Ь **ЧЕРЕЗ
ЛАБИРИНТ**

I.

В котельной было сумрачно. Покрытые темной пылью лампочки слабо освещали низкие своды, кучи штыба и грязный бетонный пол. По стенам щупальцами ползли горячие трубы.

Мазин подошел к топке и заглянул внутрь — туда, где гудело красное пламя. Казалось, что он просто любит пляшущими огненными языками. Потом посмотрел вокруг себя. Длинная стальная кочерга валялась рядом. Мазин взял ее и снова нагнулся над пламенем. Черный, загнутый на конце прут вошел в топку, нащупал какой-то предмет и вытолкнул его из огня. Это была небольшая железная коробочка, покорежившаяся от жара и немножко оплывшая по краям. Она быстро темнела, покрываясь серой окалиной.

— Если не ошибаюсь, футляр от очков.

— Точно, — торопливо подтвердил Семенистый. — Дедовы глаза...

Семенистый пришел в Управление, когда рабочий день уже заканчивался.

— К вам тут человек, Игорь Николаевич, — доложил дежурный. — Семенистый...

— Какой? — не понял Мазин.

— Семенистый по фамилии. Говорит, знает вас.

Мазин пожал плечами и покосился на циферблат старинных карманных часов, лежавших на столе. Они достались ему от отца, а того наградили еще в гражданскую. Мазин постоянно носил часы с собой: ему казалось, что они приносят удачу.

— Семенистый? Не помню. Ну ничего. Пусть войдет.

Однако узнал он его сразу, едва тот переступил порог.

— Разрешите, товарищ начальник?

— Входите.

Еще бы не узнать эти кустистые бачки на розовых толстых щеках! Физиономию Семенистого можно было бы печатать на обложке журнала «Здоровье», если бы не глаза. Глаза были мутноватые и заметно отечные.

— Ну как телевизор, товарищ начальник? Претензий не имеете к нашей конторе?

— Вы это пришли узнать?

— Да нет. Насчет телевизора я между прочим, — сказал Семенистый, усаживаясь на стул. — История тут одна произошла.

Мазин ждал, стараясь угадать, какая же история могла привести в его кабинет этого деятеля политической инициативы.

С месяц назад у Мазина поломался телевизор, пришлось вызвать мастера из ателье. Так он впервые встретился с Семенистым. Тот пришел, попахивая шипром и дешевым портвейном, назвался Эдиком, открыл заднюю стенку телевизора, постучал по ней отверткой и сказал, блеснув золотым зубом:

— Ну и дела! Без пол-литра не разберешь...

Мазин вздохнул и, стыдясь своей слабохарактерности, достал из холодильника бутылку.

Семенистый повеселел. В два счета справившись с пустяковой, видимо, работой, он заявил, что «бандура будет работать как часы», и главное — не деньги, а взаимное уважение, потому один он пить ни за что не будет. Мазин проглотил рюмку, надеясь, что Эдик не узнает, где он работает.

Но Эдик узнал и вот сидит напротив и наверняка собирается о чем-то просить, потому что такие люди, как он, хоть и чтут уголовный кодекс, но на мелочах ловятся непрерывно, а поймавшись, долго и от души обижаются и ищут «правды».

Вспомнив все это, Мазин еще раз пожалел о выпитой рюмке.

— Так что же за история случилась с вами? — спросил он сухо.

— Да ничего особенного. Я, собственно, для порядочка. Чтоб недоразумения не получилось.

— Хорошо, хорошо. Рассказывайте.

— Хозяин мой квартирный пропал, Укладников Иван Кузьмич.

— Пропал? Когда же это случилось?

— Да вроде ночью сегодня.

Мазин взял авторучку.

— Давайте по порядку. Вы где живете?

— Магистральная, шестнадцать, квартира шестидесят четыре.

Эту новую улицу Мазин знал: два ряда пятиэтажных кубиков вдоль полосы недавно уложенного асфальта и тоненькие топольки, гнущиеся на ветру, — так приблизительно выглядела Магистральная.

— Вы снимаете комнату? С семьей?

Семенистый потер блестящее колечко на пальце.

— Один в настоящее время.

Мазин мельком глянул на его тщательно подбритые усики и подумал, что Эдик, наверно, пользуется успехом у неумных и нетребовательных женщин.

— Кто еще живет в квартире?

— Борька, геолог, но тот не в счет, с недельку как в Крым подался. А так только старик. Короче, по комнате на нас.

— Трехкомнатная квартира принадлежит одному человеку?

— Не... Квартиру его зятю дали. Зять у него тоже геолог... Он с жинкой на Север уехал. Даже обставиться не успел. А старика из деревни выписали, хату сторожить.

— Так, так... — Мазин делал короткие пометки. — Из чего же вы заключили, что старик исчез?

— Нету его — и все.

— Но прошло совсем немного времени. Даже суток не прошло.

— Для старика это что год. Он, кроме котельной да магазина, никуда не выходил. Сторожил, как верный пес Ингус государственную границу.

Мазин невольно улыбнулся.

— А что он делал в котельной?

— Истопником работал. Как дочка с зятем уехали, он туда. Они не разрешали, стеснялись, что папаша будет по двору чумазый ходить. А дед — борец за повышение жизненного уровня. Меня на квартиру пустил, в котельной подрабатывал. Откуда и не вернулся. Ночная смена у него была. Я утром встал — деда нема. Умылся, собрался на работу — нема. А пора бы и быть. Спустился в котельную, чтоб ключ отдать, а его напарник меня матюгом: «Где, говорит, твой хрыч шляется? Ушел со смены, чуть котел не запорол».

— Следовательно, Укладникова напарник в котельной не застал. А когда вы видели его в последний раз?

— Как он уходил, с вечера. Надел свою робу и пошел.

— Так. Что же вы сделали, узнав, что Укладников исчез из котельной?

Семенистый пожевал мясистыми губами.

— Да я тогда не подумал, что он совсем исчез. Думаю: вот чудик! Куда это его понесло неумытого? Я больше подумал, что мне с ключом делать...

— Разве у Укладникова не было своего ключа?

— В том-то и дело. У нас такой замочек, что любой сейф позавидует, и к нему вот этот единственный и хитрый ключ.

Семенистый достал большой, с замысловатыми бороздками ключ.

— Никому чужому не давал. Нам с Борькой только на ночь, когда на смену шел. Потому я его и взял с собой на работу. Думал, старик придет за ключом. А он не пришел. Тут я и стал соображать, что дело пахнет керосином. Ну и двинул сюда.

— Вы дома после работы были?

— Был. Все заперто. Соседи тоже не видели его.

— Еще один вопрос. Вы уверены, что ночью Укладников не заходил в квартиру? Вы крепко спите?

Что-то вроде сомнения мелькнуло на толстом лице Семенистого, но лишь на секунду.

— Да как же он мог зайти, если хата заперта?

Мазин посмотрел на ключ.

— Ладно. Поедем, посмотрим вашу «хату»...

В машине уже он подумал, что вся эта история, возможно, ломаного гроша не стоит, и старик никуда не исчез, а просто хлебнул лишнего с каким-нибудь случайным или не случайным дружкой-собутыльником, и он зря тратит время.

Однако спросил у Семенистого, с которым сел сзади:

— Укладников пьет?

— По субботам...

— А по пятницам?

Но Эдик не шутил.

— Да нет... Точно, по субботам. В баню ходит и четвертинку позволит себе. Ванной-то он не пользовался и нас не пускал. Говорит: «Поломаете еще, а мне перед хозяевами отвечать...» Дочку с зятем он хозяевам называл... Вообще-то старик жмот был...

— Почему вы говорите «был»?

Мазин не ловил Семенистого на слове. Вопрос этот пришел ему в голову неожиданно, хотя Эдик с самого

начала упоминал об Укладникове в прошедшем времени.

— Почему?

— Да, почему?

Может, машина повернула слишком круто, а возможно, Эдик слишком сильно нажал на спичку, которой как раз собирался зажечь сигарету, но спичка переломилась и упала на резиновый коврик на полу машины. Семенистый опустил голову, нагнулся, поднял спичку и засунул ее под донышко коробки. Потом только ответил:

— Да ведь пропал он...

И еще раз не увидел, а скорее почувствовал Мазин какую-то маленькую, почти неуловимую заминку в его ответе. Но могла она и показаться.

«Пропал»...

Из-под колес «Волги» прыскали грязные струйки. Снег уже стоял, но настоящее тепло еще не пробилось в город через плотные весенние тучи, нависшие над почерневшими за зиму крышами. Было сыро и зябко. Перед тем как выйти из машины, Мазин поднял воротник своего негреющего короткого пальто.

По хлюпающим доскам они перешли разрытую мостовую и вошли во двор, сразу за которым начиналась бурая степь, где через год или два должны были появиться кварталы многоэтажных домов, а пока гулял ветер да тащился одинокий самосвал, покачиваясь, как пьяный, на скользких ухабах.

Семенистый первым вошел в подъезд, за ним — лейтенант Козельский, который вел машину, а потом и Мазин, поеживаясь от холода и все еще не уверенный в том, что Укладников исчез.

Замок оказался действительно «хитрым». Чтобы открыть его, нужно было поворачивать ключ справа налево. Кроме того, на дверях были набиты цепочка и щеколда. Мазин отметил все это мельком и прошел в коридор. Сюда выходили двери из комнат.

«Хорошая планировка», — подумал он, вспомнив свою большую неудобную комнату в старом доме, и взялся за среднюю дверь.

— Нет, нет, — остановил его Эдик. — Здесь никто не живет. Здесь хозяйские вещи свалены. Она заперта.

Возможно, Мазин и послушал бы его, если б «за-

пертая» дверь не подалась легко внутрь. Он вопросительно глянул на Семенистого, но тот и сам как будто удивился:

— Всегда заперта была...

В комнате действительно никто не жил. Там в беспорядке были нагромождены немногие вещи, в основном книги, связанные, очевидно для перевозки, пачками и обернутые старыми газетами. Мазин надорвал одну пачку, ожидая увидеть что-нибудь по геологии, но это оказалось собрание сочинений Достоевского. Другая сплошь состояла из детективов.

Семенистый, стоявший на пороге, настойчиво как-то пояснял:

— Они только получили квартиру и через три дня уехали. Ничего разобрать не успели. Видите, пылища какая. А дед на кухне жил.

— Зажгите свет, — попросил Мазин.

Семенистый щелкнул выключателем. Теперь стало ясно видно то, что было почти незаметно в вечерних сумерках. На покрытом пылью полу отчетливо выделялись следы. Они тянулись от двери к одному из шкафов — большому застекленному книжному шкафу.

— Вы входили в комнату сегодня или вчера? — спросил Мазин, поворачиваясь к Семенистому.

— Я же говорю, она заперта была.

— А в шкафу что было, не помните?

— Пустой был. — Эдик во все глаза смотрел на шкаф.

Мазин потянул дверцу. Полки в самом деле оказались пустыми. Присев на корточки, он стал рассматривать след. Простым глазом был виден и отпечаток подошвы, и мелкие, засохшие куски глины, которую растаскали по всему двору от разрытой канавы, и кое-что еще, заинтересовавшее Мазина больше всего.

— Вадим Сергеевич! — позвал он Козельского.

Тот вошел в комнату, старательно обходя следы.

— Как вы думаете, что это такое? — Мазин показал на темный комочек, прилипший к глине.

Козельский нагнулся.

— По-моему, уголь... Кто-то пришел сюда из котельной?

— Видимо, Укладников, раз наш друг Эдуард... Как вас по батюшке, Семенистый?

— Тарасович, — буркнул Эдик.

— ...Эдуард Тарасович сюда не заходил.

— Интересно.

— Может стать интересным, если только старик не пьянствует где-нибудь с приятелями. Я пока придерживаюсь этой наиболее простой версии.

Но, сказать по правде, Мазин уже сомневался в ней.

Ничто больше в квартире не бросилось им в глаза. В комнате геолога господствовал спартанский порядок. Железная койка была заправлена по-солдатски, чемодан с небогатым скарбом заперт. У Семенистого же преобладал холостяцкий хаос. К нему Мазин заглянул ненадолго, скользнув взглядом по стене, куда хозяин обильно накопил кинодив, вырезанных из заграничных журналов. Спросил только:

— Вы здесь постоянно прописаны?

— Куда там! Не знаете вы нашего деда... Три месяца.

— И геолог на три месяца?

— Нет, Борька постоянно. Его еще зять прописал.

Мазин кивнул и вышел из комнаты.

Внимательно осмотрел он пожитки Укладникова в стенном шкафу:

— Вы знали его вещи, Семенистый? Все здесь?

— Вроде все.

Эдик явно помрачнел и отвечал неохотно и коротко, совсем не так, как говорил до сих пор.

— В чем он чаще ходил?

— Вот в этом. — Эдик качнул потрепанный пиджачок.

В кармане нашелся паспорт и две рублевые бумажки.

— Не знаете, где он хранил деньги?

— Какие?

— Ну, зарплату, пенсию, то, что от вас получал. Вы же говорите, что деньги у него водились.

— Водились, да нам он про них не докладывал.

— Ладно, потом посмотрим повнимательнее. Если не вернется ваш дед жив-здоров да не выругает нас. А пока спустимся в котельную.

Дорогу опять показывал Эдик. Его первого и увидел напарник Укладникова.

— Ты мне скажи, где твой старый? Сколько я за него торчать должен? Нашли ишака... Мне тут премия не идет, понял?

Мазин, спускавшийся следом по крутой железной лестнице, остановился, слушая сиплую ругань истопника.

— Да помолчи ты, папаша, — перебил Семенистый. — Жалуйся в домоуправление. Вот люди с тобой потолковать хотят.

— Пошел ты со своими людьми знаешь куда...

— Куда же, если не секрет? — спросил Мазин.

— А туда... — начал было истопник, но осекся, заметив за его спиной шинель Козельского.

Это был человек неопределенного возраста. Может, ему было и сорок, а может, и все шестьдесят. Но силенка чувствовалась в нем несомненная, крутые плечи распирали черную латаную рубашку. Низколобое лицо выглядело недружелюбно. Угол редкозубого рта и часть выступающего подбородка прикрывал грязный пластырь.

Пластырь этот и заметил вначале Мазин, а потом уже свежую ссадину на щеке и синяк под глазом.

— Вы здесь работаете?

— Работаю. Это работа разве? Каторга...

— Об этом потом. Как вас зовут?

— Харченко зовут меня. Василий Прокофьевич.

— Вы знали Укладникова?

— А то нет!

— Когда вы видели его в последний раз?

- Вчера сменялись в это время.
- Ясно. Он не говорил, что собирается уйти раньше обычного?
- Ничего он не говорил.
- И вы не знаете, где он находится сейчас?
- Это вы мне скажите, где он находится. Вы ж милиция.
- Скажем со временем. Покажите котельную.
- Смотрите, мне не жалко.

И вот Мазин держит в руках горячую еще коробочку.

Потом он поддел край футляра перочинным ножом. Внутри можно было узнать остатки дужек и расплавившихся стекол. Мазин протянул футляр Харченко:

- А вы что скажете? Вы работали вместе. Видели вы у Укладникова такие очки?
- Да разве их разберешь?
- Пойдемте в вашу комнату.

В маленькой рабочей комнатухе с засиженным мухами небольшим окошком стояли старая железная койка, тумбочка и небольшой столик. На крючке висело серое длинное пальто.

— Ваше пальто?

— Мое.

Харченко загородил вешалку спиной.

— Разрешите.

Мазин снял пальто с крючка, а Козельский, опустив руку в карман, стал рядом с Харченко.

— Отчего эти пятна на пальто?

— Ну, кровь это, кровь, — зло ответил Харченко. — Подрался я спяну, вы ж видите...

Он показывал на свое побитое лицо.

— Придется кое-что уточнить. Поедете с нами.

— Да как же я котельную брошу? Я ж сказал — подрался.

Харченко потянул из рук Мазина пальто. Что-то звякнуло. Мазин слегка отстранил истопника и полез в карман. Там оказалась только дырка. Тогда он тряхнул пальто, и снова что-то звякнуло. Мазин просунул пальцы в дыру и, пошарив за подкладкой, достал серебряные часы на цепочке.

— Дедовы! — выкрикнул Эдик.

А Харченко замотал вдруг головой и завопил:
— Подстроили, душегубы! Пейте кровь с инвалида, расстреливайте!
И начал рвать на себе рубаху.

II.

Валерий Брусков спал беспокойно, хоть дежурная по гостинице и обещала разбудить вовремя. Проснулся он в половине четвертого, посмотрел на часы, обругал себя — ведь спать можно было еще целый час, решил больше не спать, а полежать просто — и заснул так, что будить все-таки пришлось.

— Молодой человек. Пора...

Валерий бросился умываться.

Из гостиницы он вышел бодрым и, перекинув через плечо спортивную сумку, зашагал по светлеющим улицам поселка к вокзалу.

Прошлой весной Валерий еще был студентом, а сейчас работал в редакции областной молодежной газеты и никак не мог привыкнуть к тому, что он взрослый, что два раза в месяц расписывается в ведомости, получая зарплату, а не стипендию, что иногда фамилия его появляется на газетной полосе и ее читают тысячи людей.

Каждая командировка волновала Брускова: то он боялся, что не соберет материала, то — что плохо напишет, а еще хуже, если ошибется и придется давать опровержение. Более опытные ребята посмеивались над его страхами, но Валерий не мог переломить себя. Был он человеком впечатлительным и часто нервничал по мелочам.

Даже сейчас, хотя ехал он домой и до отхода поезда оставалось около часа, а билет лежал в кармане, Валерий спешил. Вышел он на перрон, когда малоразборчивый голос только хрипел над немногочисленными платформами: «Объявляется посадка на поезд номер двести двенадцать, следующий до...»

Возле состава переминались с ноги на ногу заспанные проводники. Валерий протянул билет и вошел в вагон вторым. Раньше него проскочил юркий паренек в стеганке и кепке. Вагон был новым, с мягкими голу-

быми креслами самолетного типа и большими зеркальными окнами. Брусков подумал, что обязательно опишет этот вагон в своем очерке. У него даже наметилась первая фраза: «Я вспомнил, как несколько лет назад по заданию редакции ехал в тот же город в старом рабочем поезде...» Но тут он вовремя сообразил, что несколько лет назад никуда по заданию редакции не ездил.

Между тем парень, прошмыгнувший впереди Брускова, задержался в проходе, выбирая место, и Валерию пришлось приостановиться позади него на секунду или две, не больше. Парень прошел вперед, но не сел, а только положил на облюбованное кресло кепку и вышел в передний тамбур. Все это Брусков отметил между прочим, не подозревая еще, что скоро эти вроде бы незначительные детали сыграют свою роль в деле очень серьезном.

Наполнялся вагон постепенно, людей оказалось не так уж много. Почти половина мест осталась свободной, когда загудела сирена электровоза и поезд покатил, раскачиваясь на рессорах и убаюкивая недоспавших пассажиров. И тут Брусков снова заметил парня в стеганке. Тот вернулся из тамбура, сунул в откидную пепельницу окурки и, придерживаясь за спинки кресел, прошел на свое место.

Валерий прикрыл глаза, но спать не хотелось. Он думал о своих очерках: о том, что ему было поручено написать, и о другом, о чем еще не знали в редакции.

Написать было поручено о молодом рабочем с химкомбината, построенного недавно в Береговом. Задание это Брусков выполнил добросовестно, придумал удачное, как казалось, название — «Ему послушны молекулы», посмотрел комбинат, побеседовал в комитете комсомола с секретарем. Секретарь рассказал Валерию все толково: «Хороший парень. Аппаратчик, заочник, спортсмен — короче говоря, наша гордость. На комбинате с первого дня и даже раньше, в том смысле, что еще до пуска работал на строительстве. Сейчас ударник и дружинник».

Ударника и самого привели в комитет, и он все подтвердил: да, и заочник, и аппаратчик, и дружинник, и разряд есть по настольному теннису. На вопросы он отвечал лаконично, а больше кивал и вроде бы смущался. Но его скоро отпустили, а секретарь сказал Брускову:

— Ты не думай... Он парень железный.

Валерий пожал плечами. Парень вел себя, как полагалось, хотя на самом деле он, может, и не был таким уж скромным, а просто злился, что его отрывают от дела, чтобы написать то, чему сам он не поверит. И Брусков чувствовал это. Конечно же, ему хотелось написать не так, как писали уже тысячу раз, а как-то иначе. Но как именно, он не знал, потому что был еще молодым, застенчивым и не умел находить в разговоре с людьми того несходимого ключа, без которого невозможно узнать ничего, кроме того, что парень — аппаратчик, заочник и так далее.

Об этом он думал и в рабочей столовой, куда пришел из комитета, чтобы перекусить. И еще он поглядывал на молоденьких прядильщиц, что ели булочки с кефиром за соседним столиком. Но поглядывал осторожно, чтобы не показалось, что он на них пялится. Девушки же посматривали на него гораздо смелее и, когда Валерий отворачивался, посмеивались потихоньку.

Вдруг одна из них поднялась и направилась прямо к Валерию. Брусков вспомнил, что эта темненькая и разбитная, как видно, девушка заглядывала в комитет, когда он вытягивал «показания» из своего образцово-показательного парня.

— Товарищ корреспондент, вас можно на минутку?

Валерий глотнул чаю, чтобы протолкнуть застрявший в горле кусочек антрекота.

— Пожалуйста.

Девушка села за столик и придвинулась к Брускову так близко, что он уже и не мог разобрать, какая же она собой. Видел только, что глаза у нее смеются. Но, в общем, она старалась держаться серьезно.

— Товарищ корреспондент, вы в стихах разбираетесь?

Этого Брусков не ожидал.

— В стихах? Почему в стихах?

Наверно, выглядел он глуповато, потому что девушка не выдержала — хохотнула. И этим помогла Брускову. Он и сам засмеялся, и смех разрядил смущение.

— Да вы ж из газеты. Там и стихи печатают.

— Да, конечно. А что вас интересует?

— Меня-то? Меня ничего. Вот девчонка у нас одна есть. Подружка моя. Она пишет. Может, посмотрите?

Девчонку, которая писала стихи, звали Майкой. Она

пришла к Брускову в гостиницу вместе со своей разбитной подружкой — Жанной. Еще в номере Валерий услышал, как Жанна громко спрашивает у дежурной в коридоре:

— Где тут у вас корреспондент живет? Молодой такой, симпатичный. А вы его не вызовете? Мы договорились... Нет, нет, сами мы не пойдем. Мы девушки гордые...

«Без костей язык», — подумал Валерий, открывая дверь.

Майка оказалась совсем не похожей на подругу — беленькая, тихая, немного болезненного вида. В руке она держала свернутую трубочкой ученическую тетрадку и смущалась совершенно откровенно. Жанна почти силой втокнула ее в комнату и тут же заторопилась:

— Ну, теперь вы тут сами. А то меня Нелька ждет. — И убежала.

Девушка сидела на стуле, опустив голову.

— Покажите ваши стихи.

Она подняла бледное лицо и виновато заморгала.

— А может, не нужно?

Брусков разозлился:

— Девушка, я тут в командировке нахожусь. Мне каждая минута дорога. Давайте-ка ваши стихи.

Майка протянула ему тетрадку. Наверно, она привыкла, что мужчины разговаривают с ней только о делах и поспорес.

Стихи, как и ожидал Брусков, были не блеск: аккуратно выписанные чернилами строчки с правильными рифмами и всем известными истинами. Он перелистал несколько страниц и не знал, что сказать. Было жаль бледненькую Майку. «Может, попадется что-нибудь среднее, чтоб к дате какой-нибудь напечатать? Все-таки от станка. Редактор это любит». Одно стихотворение было с посвящением — «Розе Ковальчук». Чтобы не сразу говорить о главном, Брусков спросил:

— Кто эта Роза? Ваша подруга?

— Что вы! Это же партизанка. Вы разве не видели памятник на площади?

Памятника Валерий не видел.

— Здешняя партизанка? Интересно.

— Конечно, интересно! Она ж настоящая героиня. А я о ней нигде ничего не читала. Послушайте, товарищ

корреспондент, напишите лучше о Розе. Это такая история...

Майя не преувеличивала. История Розы Ковальчук могла заинтересовать не только областную газету, и сейчас, в вагоне, Валерий уже мысленно разглядывал свой очерк об отважной подпольщице.

Поезд вдруг сильно качнуло, и Валерию пришлось, прервав размышления, открыть глаза. Парень в стеганке устроился впереди. Кепку свою он швырнул на узкую багажную полку. Рядом с кепкой на полке лежал новенький чемодан с блестящими ремнями. «Интересно, чей это? — подумал Валерий, потому что рядом с парнем никто не сидел. — Может, хозяин вышел поку-

пить? Кажется, чемодан уже был на полке, когда Валерий вошел в вагон. Был или не был?»

Станция мелькала за станцией, в вагоне выключили электричество, ехать оставалось немного, а Брусков сидел и думал уже не о Розе Ковальчук и своем очерке, а о чемодане, лежавшем на полке. «Наверно, кто-то заскочил в вагон первым, бросил чемодан и вышел, а потом закрутился и отстал от поезда. Нужно будет сказать проводнику».

Рельсы за окном разбежались в разные стороны, начали двоиться, множиться. Мимо окна потянулись товарные вагоны. Поезд входил на большую станцию. Отсюда до города оставался один перегон. Но попасть в тот день домой Валерию так и не удалось.

Как всегда перед остановкой, в вагоне началось движение. Люди собирали вещи, некоторые заранее столпились у выхода. Поднялся и парень в стеганке. Он поднял руку и... взял с полки чемодан. Валерий оглянулся по сторонам, но на парня никто не обратил внимания. А тот поставил чемодан на соседнее кресло и снова сел. Но перед тем как сесть, коснулся по вагону настороженным взглядом.

«Вор», — решил Валерий и испугался.

Испугался потому, что вора нужно было задержать, а этого ему никогда не приходилось. Что же делать? Конечно же, выйти следом и сообщить милиционеру. На вокзале обязательно должен быть милиционер. А вдруг чемодан принадлежит самому парню? Валерий понимал, что мысль эта предательская и если он поверит в нее, то никогда не простит себе трусости.

Люди заспешили к выходу, но парень не торопился. «Может быть, он и не думает брать чемодан? — еще раз надеялся Валерий. — Он же только переложил его с полки в кресло. Буду выходить — скажу проводнику — и все». Но тут парень двинулся, подхватив чемодан в опущенной руке так, что и не видно было, что он несет по проходу.

Валерий встал и пошел за парнем. Тот рассчитал правильно — оказался у выхода последним, но еще до того, как в вагон хлынули встречные пассажиры. Валерий, однако, успел выскочить следом и окончательно растерялся — милиционера нигде не было видно. А вор (Валерий уже не сомневался, что парень в кепке — вор) быстро пересек ближний свободный путь и перешел на соседнюю платформу. Брусков шел за ним, все еще оглядываясь в поисках милиционера, но парень шагал широко и вот-вот мог скрыться из виду. Да и время шло. «Стоянка поезда — двенадцать минут».

И тут Валерий не то что решился, а как будто бросился впервые с вышки в воду. Раз — и все!

— Послушай, друг. Постой.

Сказал — и не узнал своего голоса: такой он получился жидкий и противный. Брусков подумал даже, что вор и не обернется на такой голос, но тот сразу остановился, потому что давно заметил Валерия:

— Тебе что?

— Да вот чемодан вроде бы...

Лицо вора было совсем рядом. Он оказался не та-

ким уж молодым, торчащие скулы были обтянуты желтоватой, нездоровой кожей, а узкие глазки смотрели зло и ничуть не испуганно:

— Что «вроде бы»? Твой это чемодан?

По свободному пути, медленно пыхтя белым паром, приближался паровоз. Вор скосил на него прозрачные глаза.

— Твой, говорю, чемодан?

— Не мой, но...

— Так чего ж ты к человеку привязался, падло?

И прежде чем Валерий успел сообразить, что происходит, вор резко ударил его тяжелым ботинком по ноге, в самую кость, так что Брусков даже присел от боли. А парень, не оглядываясь, как кошка, кинулся под самый нос паровоза и перемахнул путь, едва не попав под колеса. Пыхтящий состав отрезал его от Валерия.

«Ушел», — подумал Брусков и почувствовал себя таким несчастным, что даже боль стала тише. Но тут мимо броском пролетел человек в сером пиджаке, схватился за поручни проходящего товарного вагона, перескочил на ходу через площадку и спрыгнул с той стороны.

«Держи этого в стеганке!» — услышал Валерий. И вслед за криком — свисток. Он поднялся и заковылял по платформе туда, где кричали.

А позади Брускова уже набирал скорость пассажирский поезд. Валерий увидел, как покатились по рельсам и его вагон, но бежать за ним был не в силах. Боль становилась мучительной. Он махнул рукой и остановился, совсем расстроившись. Что с ногой? Как он доберется теперь домой? Да и его собственная сумка осталась в вагоне.

— Молодой человек! Вы что, идти не можете?

Перед ним стоял тот самый, в пиджаке, что бросился за воров. Под пиджаком был тонкий спортивный свитер.

— До железнодорожного отделения дойти сможете? Знаю своего повидать?

— Задержали его?

— Взяли. Старшина как раз оказался. Помог. За что это он вас?

— Чемодан у него?

— Есть и чемодан.

— Краденый. Да вы, собственно, кто такой?
— Кучеренок, капитан милиции. В Минск из отпуска возвращаюсь.

— Значит, и вы отстали?

— Что поделаешь. С нами и похуже бывает.

Брусков как-то сразу успокоился.

— А я журналист. Здорово вы подросли. — И поковылял за капитаном в отделение.

Там за выдавшим виды двухтумбовым столом сидел старший лейтенант, а напротив его, на скамейке, — задержанный парень. Немолодой уже старшина снял фуражку и вытирал платком лоб. Чемодан вор все еще держал в руках. Увидев хромящего Брускова, он скрикнул губы в ухмылке и отвернулся.

— Ага, пришли, — обрадовался старший лейтенант. — Так что там произошло?

— Вот товарищ журналист видел, как этот парень украл чемодан, — пояснил капитан.

— А больше ваш товарищ ничего не видел? Он же спал всю дорогу. Мало ли что во сне увидеть можно.

— Замолчите, — перебил старший лейтенант. — Как ваша фамилия?

— Музыченко.

— Покажите документы.

— Я их с собой не ношу: потерять боюсь.

— Зачем сюда приехали?

— Приехал — и все. Что, ездить нельзя, что ли?

— Чемодан ваш, вы говорите?

— А то чей, Пушкина?

— Расскажите, пожалуйста, как было дело, — обратился старший лейтенант к Валерию.

Брусков начал по порядку:

— Я возвращаюсь из Берегового, в командировке был...

Вор смотрел на него злобно, и Валерий, рассказывая, малодушно думал: «Отпустят его сейчас, так не миновать мне ножа в бок. Вот попал в историю». Но отступать было невозможно. Да и боль в ноге не располагала к мягкости.

— Значит, хозяина чемодана вы не видели? — спросил старший лейтенант огорченно, и Валерий опять подумал: «Отпустит он его».

Музыченко сплюнул на пол:

— Напел байку. Сразу видно, журналист.

— Помолчите, Музыченко, — прервал снова старший лейтенант. — Скажите-ка лучше, что у вас в чемодане?

Впервые вор ответил не сразу.

— Да разве все запомнишь...

— А вы не все, вы хоть что-нибудь.

— Я знаю? Сестра собирала в дорогу. Баракло разное, харчишки.

Старший лейтенант недоверчиво покосился на желтые ремни.

— Вот что, Музыченко. На столе лист бумаги и ручка. Напишите-ка, что, по вашему мнению, сестра могла положить в чемодан. Садитесь.

Писал он долго, выводя на бумаге круглые ученические буквы. Всем уже надоело ждать, но его не торопили. Вдруг Музыченко так нажал на перо, что чернила брызнули во все стороны. Он перечеркнул лист крест-накрест и швырнул ручку на стол:

— Считайте, что попутали, гражданин начальник. Не знаю я, что в этом сундуке, сами смотрите.

И он швырнул чемодан на стол.

Старший лейтенант спокойно взял его и отстегнул хрустящие ремни. Глянул внутрь и медленно и удивленно вытащил измятую мужскую рубашку. Светлая рубашка была измазана красным. Вслед за ней на стол легли пиджак и большие ботинки из свиной кожи. Но не они доконали Музыченко, а маленький туристский топорик с присохшими к лезвию короткими темными волосами.

Последнее, что запомнил Брусков из этой сцены, был панически жалкий крик Музыченко:

— Вор я, гражданин начальник, вор! Чемодан этот в поезде взял. Вот и человек подтвердить может. — И тыкал пальцем в бок Валерию.

III.

— Так что же нам известно, Вадим Сергеевич? — спросил Мазин Козельского.

Они сидели в кабинете Мазина и мучились от жары. Несмотря на открытые форточки, было душно. Отопительный сезон продолжался согласно плану, а солнце, не зная об этом, светило по-летнему.

— Пока ничего, Игорь Николаевич.

Козельский был из тех людей, которые склонны уменьшать успехи.

Мазин расстегнул пуговицу под галстуком.

— Ну, это вы слишком... Мы знаем, например, что Харченко непричастен к убийству.

— А что это нам дало?

— Отсечен один из неверных путей, которым мы могли увлечься. Снято обвинение с невинного человека.

Козельский покачал головой:

— Совсем невинная овечка. Пьяница, вор и хулиган.

— Но не убийца. В этом есть разница, Вадим. Одно дело, если у вас вытащили часы, а другое, когда вам режут горло.

— Такие и режут.

— Хорошо, не будем спорить. Я знаю, что вы плохо переносите жару. Но все-таки смотреть на вещи нужно оптимистичнее. Вы ведь заочник? Студент? Смотрите же, какой классический случай нам встретился. Целая цепь серьезных улик. А что оказалось? Харченко действительно подрался, был задержан и провел ночь в вытрезвителе. Кровь на пальто одной группы с его собственной. И наконец, часы Укладникова, которые тот во время смены вешал на гвоздик над койкой, Харченко попытался присвоить, лишь узнав об исчезновении хозяина. Впрочем, сам Харченко уверяет, что взял часы с целью сохранения, а под подкладку они провалились случайно...

— «Случайно»! Жулик старый.

— Опять вы бурчите, Вадим? Зачем? Лучше приведите этот случай на экзамене. Получите пятерку, а какой-нибудь профессор затащит его в учебник, где наш общий неприятный знакомый Харченко будет фигурировать как «гражданин X». Таким образом вы обогатите науку.

— Шутите, Игорь Николаевич.

— Стараюсь. Знаете, Козельский, врачи однажды изучили сто больных атеросклерозом. И что же? Восемьдесят из них были мрачными, унылыми личностями, не признающими никаких шуток. Поэтому я и шучу, Вадим. Так сказать, в порядке профилактики. Берегу сердце. Однако пойдем дальше. Мы знаем еще целую кучу вещей.

Мазин пробарабанил пальцами по синей папке с надписью «Дело».

— Мы знаем, что в ночь, когда, по категорическим утверждениям достойного во всех отношениях Эдуарда Семенистого... Надеюсь, против Семенистого вы ничего не имеете?

— Имею. Барыга самый настоящий.

— Да? Кто бы мог подумать, — Мазин усмехнулся. — А ведь он в ателье на Доске почета числится. Но не будем судить его слишком строго. Он жертва человеческих слабостей. Кто устоит, чтобы не отблагодарить человека? Скажу по секрету, Вадим, я сам однажды угощал его водкой.

По лицу лейтенанта Мазин понял, что и это Козельский принял за шутку, но не стал разубеждать подчиненного.

— Вернемся же к нашим овечкам. Итак, ночь... Хотя Семенистый и утверждает, что в комнату ночью никто не входил, след, который мы обнаружили на паркете, наталкивает на другие мысли. Входил человек, незадолго перед тем побывавший в котельной. Но как он мог проникнуть в квартиру? Я вижу четыре возможности. Первая — был еще один ключ. Вторая — замок был открыт без помощи ключа. Третья — дверь была не заперта. Две последние возможности маловероятны, особенно вторая, ведь на замке мы не обнаружили никаких следов отмычки. И все три возможности предполагают, что Эдуард Семенистый, этот, по мнению общественности, ударник труда, спал сном невинного младенца и ничего не слышал.

— Вам бы, Игорь Николаевич, адвокатом быть. Говорите вы убедительно.

— Ага, Вадим. Вы начинаете иронизировать. Прекрасно. Четвертая возможность предполагает, что Эдуард Тарасович бодрствовал и сам открыл дверь. Кстати, вам не показалось, что, когда я наткнулся на след, он посерьезнел?

— Показалось. Как сын напыжился.

— Заметим это обстоятельство, которое вы выразили в образной форме, хотя фактом оно и не является и не убедит ни судью, ни адвоката. Но нам может пригодиться. Заметим и пойдем дальше. Удалось нам в некоторой степени обнаружить и зачем этот неизвестный входил в комнату. В пустом шкафу оказалось двой-

ное дно. Причем второе дно, а вернее имитирующий его лист фанеры, установлено в шкафу, несомненно, не на фабрике. Кто мог сделать этот тайник?

— Укладников, наверно.

— Да, это наиболее вероятно, но к шкафу имели доступ и другие люди. И эти люди располагали временем в отсутствие Укладникова.

— Вы имеете в виду квартирантов?

— Прежде всего Стояновского и Семенистого. Но не только их.

— Кого же еще?

— Шкаф стоял на старой квартире у зятя Укладникова. И неизвестно, купил он его в магазине или по случаю. Круг расширяется, как видите. Поэтому оставим его пока. Плохо, что мы не имеем ни малейшего намека на то, что могло храниться в тайнике. Деньги? Пистолет? Документы, наконец? Правда, труп туда не войдет. Но зато он вошел в топку. И тот, кто втолкнул его туда, по всей видимости, интересовался и тайником. Судя по обуви, это был не Семенистый.

— Точно. Здесь нам повезло. У Семенистого обувь меньше, чем ботинки, оставившие след.

— Ну вот. А вы о нем плохого мнения. Да еще говорите, что мы ничего не знаем. Мы знаем, Вадим, достоверно, чтобы составить рабочую версию. Выглядеть она будет приблизительно так. Человек в больших ботинках, знавший, что Укладников работает ночью в котельной, пришел туда, убил Укладникова, втолкнул его труп в топку, поднялся наверх, открыл входную дверь, скорее всего ключом, о котором не знал Семенистый, после чего проник в нежилую комнату. Ключ от комнаты убийца взял у Укладникова. Там он осмотрел тайник...

— Почему «осмотрел»?

— Потому что только это известно достоверно. Может быть, тайник был пуст. — Мазин сделал паузу: — В этой версии я вижу пока лишь один недостаток.

— Какой?

— Тот, что она, в сущности, вторая. Первая была с Харченко. Так что не исключено появление и других. Но это уж издержки нашего производства. А вы что скажете?

— Меня, Игорь Николаевич, смущают следы.

— Чем именно?

— Уж больно прекрасные следы. Как будто он нарочно для нас старался, пропечатывал.

— В вашей мысли есть резон. Но попробуем думать иначе. Убийца не заметил, что пол покрыт толстым слоем пыли. Он спешил и нервничал — ведь рядом спал Семенистый. Некогда ему было разыскивать тряпку и затирать пол. Попробуем пока думать так. Хотя ваших сомнений я и не отвергаю. Возможно, и они пригодятся. А сейчас выводы. Что же дает наша версия? Главное — убийца не был случайным человеком. В котельную он мог еще забрести случайно, но не в квартиру. Искать его надо среди знакомых Укладникова. Кстати, вам известно, что семьдесят пять процентов убийц знают своих жертв до преступления? Запомните на всякий случай. Блеснете эрудицией на экзамене.

Козельский вытащил записную книжку.

— Хотите записать процент?

— Нет, эти цифры я знаю. Хочу составить список знакомых Укладникова.

— Боюсь, писать придется не так уж много.

— Да, человека три-четыре.

— Нет. Только одного.

Мазин вышел из-за стола и прошелся по комнате. Постоял у окна, посмотрел, как парует на солнце соседняя крыша. На подсохшем асфальте, внизу, две девочки собрались играть в «классы»: одна, старательная, видно отличница, тянула через тротуар белую черту, останавливалась недовольная, стирала мел подметкой маленькой красной туфельки и начинала чертить снова, молча, сосредоточенно. А подруга ее прыгала на одной ножке рядом и смеялась.

— Как вы думаете, Козельский, хорошо быть маленьким?

— Что хорошего? — удивился неожиданному вопросу лейтенант. — Гулять хочется, а тебя уроки учить заставляют.

— Верно. Но все-таки, когда вырастешь, плохое забывается... Ну ладно. Так вы поняли, кого я имею в виду?

— Семенистого?

— Почему?

— Да ведь нужно, чтоб этот человек знал Укладникова, знал расположение квартиры и мог знать о существовании тайника. А таких только трое — Семени-

стый, Стояновский и зять Укладникова. Стояновского и зятя в городе в этот день не было, остается Семенистый.

— Логично. Хотя и не наверняка.

— Почему?

— По двум причинам. Одну я вам назову. Она простая. Мы только предполагаем, что Стояновский и зять Укладникова, Кравчук, кажется, не находились в этот день в городе. Что вы сделали, чтобы удостовериться их алиби?

— По месту работы Кравчука послан запрос, но ответа еще нет.

— А Стояновский?

— Тут хуже. По словам Семенистого, он выехал в отпуск двенадцатого апреля. Но куда именно, выяснить пока не удалось.

— На работе не знают?

— Сказал: «Побродить по Крыму еду, весну посмотреть».

— «Побродить»... Это довольно неопределенно. Так говорят случайному знакомому. Мне кажется, что в Геологическом управлении, где Стояновский, кстати, работает второй год, у него должны быть и более близкие люди. Вам следовало поискать их, Вадим.

Мазин сказал это не строго, но все-таки суховато и тут же заметил, как лейтенант по-детски надул губы.

— Ну-ну, Вадим! Я понимаю, что у вас было мало времени.

Но Козельский не обиделся. Он огорчился. О Стояновском Вадим узнал почти все, что можно было узнать за такой короткий срок. И то, что Мазин не понял этого сразу, расстроило лейтенанта. «Значит, не доказал я еще, что на меня можно полностью положиться».

— Кое-что я все-таки узнал, Игорь Николаевич.

По этому «кое-что» Мазин догадался, что Козельский узнал немало, и пожалел о своем упреке.

Вадим он любил и только поэтому изредка позволял себе подтрунивать над ним. Временами ему казалось, что лейтенанту не хватает инициативы — вернее, расторопности, живинки. Тогда он иронизировал, стараясь делать это не обидно. «Парня нужно будоражить, пробуждать честолюбие, слабенький раствор кислоты очищает металл, полирует его».

— Что же вы узнали, Вадим?

— Дело в том, Игорь Николаевич, что у Стояновского действительно нет близких людей в управлении. Вспыльчивый он, неуживчивой...

— Характер мешает?

— Нет. Думаю, что обстоятельства. У меня сложилось впечатление, что Стояновский недоволен своей работой.

— Бродить любит, а геология не нравится?

— Геология как раз нравится. Но работать ему приходится не в партиях, а в конторе. Вот это не нравится.

— Почему же он сидит в конторе?

— По болезни. С легкими неполадки. Мечтал, конечно, о тайге, пустынях, джунглях, может быть, а тут сиди, смотри в окошко на стенку соседнего дома.

— Невесело. Здоровые же товарищи, которые сидят по доброй воле, уважением Стояновского не пользуются. Так?

— Вот именно, — обрадовался Вадим тому, что Мазин поддержал его мысль. — Ругается он со всеми. А отпуск все-таки проводит поближе к природе. Может, он и сам не знал точно, куда едет.

— Возможно. Хотя было бы лучше, если б Стояновский взял путевку в санаторий, а не шатался черт те где. И ему было бы лучше и нам. Впрочем, Стояновский пока фигура второстепенная, и я надеюсь, что он дей-

ствительно на юге. Но мы немножко отвлеклись. А говорили мы о том, что интересующий нас человек — обязательно Семенистый. Вы согласны с этим, Вадим?

— Конечно. Но вы сказали: «по двум причинам». Какая же вторая?

— Вторую, Вадим, простите, я сейчас не назову. Она немного несерьезная. Не хочу подрывать свой авторитет в ваших глазах.

— Хотите, чтоб я сам догадался?

Мазин усмехнулся:

— Нет. Пока у нас достаточно и реальных предположений. Все мы вспомнили?

— Как будто.

— «Как будто» мало. Нужно точнее.

Он вернулся к столу и перелистал «Дело».

— Кое-что мы, несомненно, знаем, но, хотя я и доказывал вам обратное, не очень много. Поэтому приходится дорожить каждой крупницей собранного. Может быть, нужная ниточка потянется через этот лабиринт от мелочи, которую мы не заметили. Всякие смешные истории бывают. Недавно мой сын притащил журнал «Знание — сила» с криминалистическими задачами. Одна такая: украдена ценная вещь из шкафа. Подозревают брата хозяина и постороннего. Отпечатки пальцев тщательно затерты. Кто украл?

— Дайте сообразить...

— Да нечего соображать, посторонний украл. Брату-то не надо было свои отпечатки затирать. Сын это раньше меня сообразил. Вот видите! Кстати, наш «друг» в больших ботинках тоже отпечатков пальцев не оставил. Да, вот еще...

Мазин достал из папки синий конверт.

— Вы ничего не нашли странного в этом письме?

— Если только оно не зашифровано.

— Нет, оно, конечно, не шифрованное. Обыкновенное. Послано Укладникову из Тригорска, — Мазин посмотрел на штемпель, — двенадцатого апреля, то есть в тот же день, когда Стояновский выехал в Крым, и получено здесь пятнадцатого апреля. Вернее, не получено, а изъято нами из почтового ящика в квартире Кравчука через два дня после того, как адресат, скажем так, лишился возможности его получить. Содержание простое: «Здравствуйте... как живете... что делаете... в гости больше не зову, но всегда буду рада... дай бог здо-

ровья...» Пишет Дубинина В. И пишет, между прочим, вот что: «В прошлом письме я вам уже сообщала, Иван Кузьмич, что взяла сторожа...» Имеется в виду собака Рекс, но не в ней дело. Важно — «в прошлом письме». И основной пока наш свидетель, Семенистый, подтвердил, что Укладников получал письма от Дубининой из Тригорска. Он сам не раз брал их из почтового ящика. Значит, писем было несколько. Но ни одного из них мы в квартире не нашли.

— Может, письма такие были, что хранить не стоило?

— Не похоже это на Укладникова. Он человек обстоятельный. Например, от дочери все письма собраны в порядке поступления и лежат в шкатулке. А от Дубининой — ни одного.

— Да кто она ему, Дубинина?

— Это нужно узнать. Во всяком случае, единственный, кроме дочки, человек за пределами города, с которым Укладников поддерживал отношения.

— Выясним, Игорь Николаевич. — Лейтенант сделал пометку в записной книжке.

— Обязательно. И здесь может найтись интересная ниточка, хотя сама Дубинина к последним событиям отношения, видимо, не имеет.

Мазин посмотрел на часы:

— Ого! Засиделись мы с вами, Козельский. В общем, как говорилось в одном фильме, популярном в дни моего детства, — дело ясное, что дело темное. Работать нужно, Вадим. Потеть. Когда человек много над чем-то потеет, ему начинает везти. Даже счастливые случайности появляются.

Он еще не сказал этого слова — «случайности», когда зазвонил телефон. Мазин взял трубку, глядя на Козельского с улыбкой.

— Слушаю.

Вадим поднялся, одергивая китель.

— Что, что? — посерьезнел вдруг Мазин. — Чемодан из Берегового? Так, так... Какие вещи?

Он прижал трубку плечом и тихо попросил Козельского:

— Вадим. Карандаш и бумагу, скорее!

И, продолжая придерживать плечом трубку, начал быстро записывать.

— Окровавленная рубашка... ботинки лыжные сорок

четвертого размера... топорик туристский... Так. Ну конечно. Немедленно.

Пока Мазин разговаривал, Козельский чуть не сгорел от нетерпения.

— Что произошло, Игорь Николаевич?

Вместо ответа Мазин сказал:

— Немедленно вызовите Семенистого. Если он опознает вещи, придется заняться Стояновским. На рубашке метка из прачечной — «Б. С.».

IV.

Еще лет десять назад Береговое было небольшим шахтерским поселком с черными терриконами, по склонам которых неторопливо ползли маленькие вагончики с породой, и тихими улицами, где возле выбеленных домиков горняки заботливо растили неприхотливые степные сады. Но вот потянулись на станцию возле шахты составы, приехали в поселок новые люди, и в стороне, где зеленые улицы упирались в крутой берег реки, руки человеческие разбросали по полю огромные и причудливые сооружения, переплетенные змеями труб, — появился химкомбинат. За рекой встал новый город, непохожий на старый поселок: многоэтажные дома для рабочих, итээровские коттеджи, клуб с колоннами, магазины с зеркальными витринами и, наконец, первая гостиница, обильно оснащенная плюшем и «мишками на лесозаготовках».

В гостинице этой и остановился лейтенант Козельский, похожий в штатском костюме на молодого командированного инженера. Но в папке у лейтенанта находились не чертежи и не сметы, а несколько крупных фотографий, на одной из которых был снят Борис Стояновский, подозреваемый в убийстве Укладникова.

Впрочем, первое, что пришло в голову, когда они с Мазиным увидели чемодан, была мысль о том, что убит и сам Стояновский. Принадлежность вещей не вызвала сомнений. Подтвердил это Семенистый:

— Борькино хозяйство. И топорик его.

— Обоих убили! — ахнул Вадим.

Мазин рассматривал окровавленную рубашку.

— Не многовато ли? Может быть, все-таки одного? Посмотрите на эти пятна.

— Мы же не знаем группу крови.

— Я не про группу. Обратите внимание на характер пятен. Рубашка не залита, а испачкана, даже вымазана кровью.

Однако самой веской уликой оказался топорик: маленький, с металлическим топорником и острым, недавно заточенным лезвием, к которому прилипло несколько волосков. Коротких темных волосков, которые никак не могли принадлежать рыжему Стояновскому.

— И все-таки, Игорь Николаевич, почему он все это не сжег в топке?

— Ну, топорик, положим, жечь бесполезно, а ботинки... Не мог же он уйти из котельной босиком? Холодно, да и подозрительно.

— А зачем было везти вещи в Береговое?

— Нужно было избавиться от них. Не так уж глупо сунуть чемодан в пустой вагон на небольшой станции. Его могли обнаружить и за тысячу километров отсюда.

— Хитро придумано. Значит, Стояновский убил?

Мазин пожал плечами:

— С уверенностью можно сказать только одно: следы в комнате оставлены его ботинками. Все остальное — предположения. И очень много совершенно неясного. Ведь, по нашим данным, Стояновский уехал в отпуск двенадцатого, но в этот день Укладников был еще жив и здоров, и в чемодане Стояновского никак не могли находиться вещи, связанные с убийством. Остается предположение, что он вернулся с дороги (или совсем не уезжал), убил Укладникова и снова уехал. И тогда уже подбросил чемодан в пустой вагон в Береговом. Очень сложно. Но ничего проще, к сожалению, не приходит в голову. Пока Стояновский — наиболее реальная версия. Ею и придется заняться.

Так начался поиск.

Начало пути обычно кажется легким. Повезло на первых порах и Вадиму. Эдик Семенистый определенно подтвердил, что геолог уехал двенадцатого: «Это точно. Мягким махнул. Так и сказал: «Гулять так гулять!» И хотя лейтенант полагал, что никуда Стояновский двенадцатого не уезжал, он все-таки разыскал на вокзале проводницу вагона, в котором мог ехать геолог, и вернулся перед ней веер фотоснимков, почти уверенный

в том, что проводница не найдет среди них знакомого лица.

Получилось совсем не так.

— Этот, рыженький. — Она без всяких колебаний ткнула пальцем в нужное фото, хотя Стояновский на снимке выглядел скорее темным.

Поговорить тетка любила.

— Моя б воля, молодой человек, я б вашего брата, одинокого мужика, вообще б в поездах не возила. Самолетом летайте лучше. Стоит столько же, летит быстро, девки смазливые пассажиров обслуживают — чего лучше? А у нас как сядет такой — хоть в отпуск, хоть в командировку, — сразу либо в купе бутылки тащит, либо в ресторане наберется так, что и нам беспокойство одно и другим пассажирам, особенно если люди пожилые, покой любят...

— Значит, этот тоже напился? — прервал словоохотливую проводницу Козельский.

— Да ты знаешь, парень, как тебе сказать... Может, он бы и не напился, если б его тот хромой не разыскал.

— Что еще за хромой?

— Будто я знаю. С другого вагона. Пришел к нам и заглядывает по купе. А я эту публику сразу вижу. Спрашиваю: «Вам кого здесь, гражданин, нужно?» Он тогда: «Я тут одного молодого человека ищу». — «Что за человек, какой из себя?» — «Рыжеватый должен быть», — говорит. Я его проводила, конечно. Правда, сначала они так устали друг на дружку, вроде бы и не знают один другого. А потом хромой спрашивает: «Ваша фамилия будет?» Ну, фамилию я, парень, запомнила. Да и вообще тут я из купе вышла, потому что не деликатно при чужом разговоре присутствовать.

— Как выглядел хромой?

— Обыкновенно. Немолодой уже, в годах мужчина, хотя и не толстый.

— Хорошо, — лейтенант вздохнул. — Напились они, значит, вместе?

Проводница проявила некоторое колебание:

— В ресторане они пили. Посидели в купе немножко, а потом рыженький высказывает, веселый такой, и ко мне: «Мамаша, в какой стороне ресторан у вас?» Ну, думаю, вырвался, голубь. Показала, конечно. По-

шел он с этим хромым. Пошел — и негу. Пассажиров-то немного было, каждого видно. «Ай-я-яй, — думаю, — на ногах не вернется». А он еще лучше отмолил. Почему я его и запомнила. Один вернулся и говорит: «Дайте билет, мамаша, мне в Береговом сойти срочно нужно...»

— Где? — изумился лейтенант.

— А в Береговом, в Береговом, — охотно подтвердила женщина. — И вроде не очень пьяный. Да ихнего брата разве поймешь, алкоголиков проклятых? Другой и на ногах стоит, а такое устроит. Вот был со мной случай...

Но случай Козельского не заинтересовал. Он и так узнал много. Даже то, что проводница не запомнила, куда был билет у «рыженького», не особенно огорчило его.

Мазин тоже казался довольным:

— Эффектное начало. И так, Береговое из случайности начинает перерастать в нечто закономерное. Придется вам туда отправиться, Вадим, и покопать на месте поглубже. Но сначала сходите-ка в вагон-ресторан. Иногда официанты запоминают интересные вещи.

И действительно, официантке из крымского поезда лицо Стояновского тоже оказалось знакомым.

— Был у нас этот парень. Долго сидел, помню.

— Много пил?

— Нет, не так чтоб очень...

— Не запомнили, с кем он сидел?

— Кажется, пожилой такой мужчина. Прихрамывал. А может, и не прихрамывал. Нет, толком не помню. Много их у нас бывает.

— Разговаривали между собой?

— Да все разговаривают. Ресторан же. Но нам их слушать некогда.

Ничего больше о пожилом прихрамывающем человеке, которого Козельский мысленно прозвал «инвалидом», узнать не удалось. Но в Береговом лейтенанта ждала еще одна удача. Стояновский останавливался в гостинице. В книге, куда администратор каллиграфическим почерком записывал приезжих, черным по белому значилось — Стояновский Борис Витальевич. Приехал двенадцатого апреля, выехал — четырнадцатого. Цель приезда — командировка.

Отсюда и начались осложнения. Ни на одном пред-

приятии о Стояновском, разумеется, никто не слышал. Не мог он приехать и к близкому человеку. Зачем было бы тогда останавливаться в гостинице? Что же делал здесь два дня Борис Стояновский?

Об этом думал Козельский, лежа на неразобранной постели и рассматривая фото геолога. Снимок он изучил до мельчайших деталей и не сомневался, что легко узнал бы Стояновского при встрече, но что-то беспокоило в нем лейтенанта, много неясного оставалось в этом снимке. Насколько определенны были внешние черты, настолько не улавливался характер. А Козельскому хотелось представить себе этого человека изнутри, его мысли, желания. Но не тут-то было! Стоянов-

ский терялся за своей фотографией — самое обыкновенное, заурядное лицо. Мазин говорил: «Поймите преступника — и вы уже наполовину поймали его». А Козельский лежал и не мог понять, кто же перед ним — расчетливый убийца и грабитель, человек, мстящий за несмываемую обиду, или просто неуравновешенный субъект, случайно погубивший чужую и свою жизни? Все это предстояло выяснить, но пока что поиск, кажется, зашел в тупик.

Надев пиджак и подтянув галстук, Козельский спустился на первый этаж к администратору.

Администратор, видимо, не так давно демобилизовался из армии. Это заметно было и по его новому офицерскому кителю без погон, и особенно по его ма-

нере держаться — умению слушать и отвечать на вопросы ясно и коротко.

— Простите, пришлось вас еще разок побеспокоить.

— Прошу, пожалуйста.

— Мне бы хотелось узнать, Стояновский останавливался в отдельном номере или в общем?

— Одну минутку. — Администратор полистал книгу приезжих. — Вот и соответствующая запись: номер двадцать три, второй этаж, двухместный.

— А нельзя ли взглянуть, кто жил вместе с ним?

— Конечно, можно. Прошу, пожалуйста. Брусков, корреспондент областной молодежной газеты.

При упоминании этой газеты Козельский поморщился. Вспомнил заметку, касавшуюся его лично. «На пути опасного преступника, — писал корреспондент, — вырос лейтенант Козельский». А дело-то было пустяковое. Потом ребята долго смеялись: «Вырос, а ума не вынес». Может быть, поэтому Вадим и не обратил внимания на фамилию Брусков, хотя она и показалась ему знакомой. Главным было то, что человека, жившего в одной комнате со Стояновским, можно разыскать.

— Разрешите записать? — Лейтенант протянул руку за книгой.

— Прошу, пожалуйста. Если желаете, вы этого товарища повидать можете. Товарищ Брусков сейчас живет в тридцать втором номере. Он работает над очерком о наших подпольщиках периода Великой Отечественной войны.

— Спасибо.

Козельский ринулся на третий этаж.

Тридцать второй номер оказался местным «люксом». Душ в нем, правда, временно не работал, зато плюща было больше, чем в комнате Козельского. Лейтенант ожидал увидеть пишущую машинку, пожелтевшие документы и стопку исписанных листков, но на столе у Брускова стояла обыкновенная банка с кабачковой икрой и лежало полбатона. Журналист подкреплял силы.

— Извините за вторжение.

Брусков смутился и стал сгребать со стола хлебные крошки.

— У меня к вам один вопрос.

Козельский протянул служебное удостоверение.

Валерий попытался накрыть икру и батон газетой.

— Очень приятно, очень приятно...

— Нужна ваша помощь. Конкретно вот что. Не встречался ли вам один из этих людей?

Вадим положил на стол фотографии.

Брусков перебрал их, поднося близко к носу, и после некоторого раздумья отложил снимок Стояновского.

— Это лицо мне знакомо.

— Где вы с ним встречались?

— Здесь, в гостинице. Мы жили в одном номере. Я тогда очерк писал — вернее, материал собирал, на химкомбинате. Это когда я узнал о Розе Ковальчук...

— Кто такая Роза Ковальчук?

— Героическая девушка. Разведчица партизанская.

— А... А об этом парне вы что-нибудь знаете?

— О нем ничего не знаю. Даже как зовут, не знаю. Да мы и не разговаривали ни разу. Он приехал, я спал. Утром ушел рано. Потом я видел его у дежурной. Вот и все. Больше не видел.

— И все-таки запомнили его неплохо?

Брусков потер пальцами подбородок.

— Видите ли, когда я увидел ботинки...

— Какие ботинки?

— В чемодане, в поезде...

Козельский даже хлопнул себя по лбу. Как же он сразу не вспомнил. Ну конечно, Брусков! Тот самый Брусков.

— Так это вы нашли чемодан?

— Ну да, я.

— Здорово! Меня зовут Вадим, между прочим.

Это «между прочим» Козельский позанимствовал у Мазина.

— А я Валерий.

— Слушай, Валерий, я читал твои показания, но там ни слова насчет ботинок, что они тебе известны.

— Я это сам только сейчас понял. Тогда я переволновался. Впервые пришлось с живым вором дело иметь. Да и огрел он меня так, что нога до сих пор болит. Так что про ботинки эти я тогда и не вспомнил. А потом стало что-то мерещиться. Как будто видел я где-то эти ботинки. Понятно, сначала подумал, что воображение разыгралось — мало ли таких «сапог»! А сейчас точно вспомнил, когда фото увидал. Я спал, а он вошел, то-

пал этими ботинками, разбудил меня. Я лежал, злился. Ну вы-то хоть убийцу его нашли?

— Вот что, Валерий, — Козельский не ответил. —

Я тебе, понимаешь, всего рассказать не могу. Но очень важно, что этот парень здесь делал, в Береговом. Может, что мелькнет у тебя в памяти, а?

Брусков покачал головой:

— Ничего. Если б знать такую петрушку...

Козельский засмеялся.

— Все так. «Если б знать...»

— Постой. Кажется, мелькнуло немного. Он у дежурной насчет оранжереи спрашивал. «Где у вас в городе оранжерея? Цветы там купить нельзя?» Я только обрывки разговора слышал.

Оранжереи в Береговом не оказалось. Было «Парниковое хозяйство химкомбината», которое Козельский обнаружил на самой окраине после долгих поисков. Когда он вошел под стеклянную крышу, где выращивали красивые, похожие на лотос белые цветы с незнакомым названием «калы», то вспомнил самшитовую рощу под Хостой. Было жарко и сыро. Толстая женщина в грязном платье с короткими рукавами разгребала жирную черную землю.

— Простите, мне нужно поговорить с вами.

Женщина глянула на него недружелюбно.

— Вы работали здесь тринадцатого апреля?

— Если не воскресенье, так работала.

Мимо прошла девушка в розовом платочке и пальто — видно, собралась уходить. Но приостановилась, прислушиваясь к разговору.

— В этот день у вас покупал цветы один молодой человек...

— Никто у нас ничего не покупал. Мы только для организаций цветы продаем.

Девушка пошла к выходу.

— Ему были очень нужны цветы.

— Понятия не имею. Мы такими делами не занимаемся.

— Но, может, не вы, а кто-нибудь другой из ваших работников?

— Без меня тут никто не распоряжается.

Осечка вышла полная. Козельский, ругаясь про себя, вернулся на автобусную остановку. Там под навесом стояла девушка в платочке.

— Товарищ, вы не рыженького такого спрашивали?
— Вот этого. — Козельский от волнения забыл вернуть весь веер. Достал одну карточку.

Девушка закивала:

— Покупал он цветы, покупал. Только Матрене не говорите, что я сказала. Это ж не полагается, отдельным гражданам продавать. Она не хотела сначала, а он говорит: «Мне очень нужно, я заплачу, сколько вы скажете». Кажется, по рублю за цветок с него содрала.

— Золото мое! — обрадовался Козельский. — Как вас зовут-то?

— Я не скажу. Матрену боюсь.

— Ладно. Пусть это будет наша тайна. А для чего ему цветы нужны были?

— Не знаю. Не говорил. Сказал, очень нужны — и все. Я рядом работала, весь разговор слыхала. За чем — не говорил.

— Ну и за то спасибо.

Подождал автобус. Козельский хотел было посадить девушку, но она замотала головой:

— Мне другой нужен.

Козельский уехал один. Он был доволен собой. Нитка тянулась.

Сошел лейтенант на главной площади, где на бетонном постаменте зеленый танк с пробойной в борту указывал на запад коротким оружейным стволом. Рядом стоял памятник погибшим подпольщикам-комсомольцам. Список фамилий на гранитной плите и даты: первые цифры разные, вторые одинаковые — 1942. «Моложе меня ребята были», — подумал Козельский. И пошел через площадь к гостинице, представляя, как закончит свой доклад Мазину словами: «Думаю, Игорь Николаевич, что, как говорят французы, нужно искать женщину».

V.

С вободными вечерами Мазин любил бродить по городу. Был у него и любимый маршрут. Через шумный, в разноцветных неоновых бликах центр, где люди всегда спешат — кто на встречу

со счастьем, а больше на очередной сеанс в кино, он спускался к набережной и шел вдоль реки, мимо остановившихся отдохнуть у стенки теплоходов, слушал, как где-нибудь в тесной рубке вахтенный крутит со скуки старые пластинки, смотрел, как светятся из глубины отражения звезд и огней на мачтах, дышал сырым, набегавшим со стороны моря воздухом и у железнодорожного моста поднимался снова наверх, проходил тихими старыми улочками, где под акациями, на самодельных скамеечках, судачили уставшие за день женщины. А потом перед ним вырастало большое, построенное почти сто лет назад здание вокзала, и он опять попадал в мир суеты, шума, мчащихся машин, кафе-териев с прозрачными стеклянными стенками, где пили вино, смеялись и не обращали внимания на человека, который шел неторопливым шагом, держа руки в карманах плаща.

Маршрут этот был любимым, потому что Мазин знал здесь каждое здание и ничто не отвлекало его, не мешало думать. Такая уж у него была работа, и он никогда не жалел, что выбрал ее. В свое время ему предлагали и аспирантуру, и другие более спокойные и лучше оплачиваемые места. Он отказывался, хотя друзья сочувствовали и посмеивались над «увлечением детективнойной». Его считали чудачком, но все это было в прошлом. Друзья разбрелись по свету. Мазин давно уже не числился в молодых, никто больше над ним не смеялся, потому что никто не смеется над человеком, выбравшим трудную и нужную профессию на всю жизнь и оказавшимся, как говорится, на своем месте.

И сам Мазин хорошо знал, что он «человек на месте», как знали это и те, кто руководил им, и те, кем руководил он. Знал и от этого чувствовал ту необходимую уверенность в себе, без которой немисливо любое большое дело. Он умел не обольщаться легкими удачами и не падать духом, когда, казалось, заходил в тупик. Мазин всегда ощущал превосходство над своим противником, потому что человек, у которого чиста совесть, сильнее в поединке с тем, кто вынужден запутывать следы, преследуемый страхом. Он не может не сделать той единственной ошибки, без которой не обходится ни одно преступление. И каким бы сложным ни казалось ему дело об убийстве Укладникова — а Мазин полагал, что оно принесет еще много неожиданностей, —

он не сомневался, что нужная нитка в конце концов попадет ему в руки и он выберется по ней из лабиринта. Правда, кого он встретит на выходе, Мазин еще не знал, потому что даже то «фантастическое» предположение, о котором он не стал говорить Козельскому, пришлось оставить после находки чемодана.

Об этой находке думал Мазин и в тот вечер, когда изменил проторенному маршруту. Изменил не намеренно. Он почти с удивлением обнаружил, что идет не по набережной, а в сторону Магистральной, где жил Укладников. Свернул, сам того не заметив, потому что делать там, в квартире, Мазину было нечего. Но, свернув, он подумал, что место событий может натолкнуть на какие-то дополнительные мысли, и не стал исправлять ошибку, а пошел дальше, повинаясь подсознательно принятому решению.

Новый район начинался сразу, без подготовки. По одну сторону улицы, бывшей еще недавно последней в городе, тянулись маленькие, построенные три-четыре десятка лет назад домики с садиками и покосившимися заборами, а напротив уже выросли первые постройки опытного микрорайона, опоясанные гирляндами светящихся окон. Мазин прошел через два двора, чтобы сократить путь, и вышел на Магистральную. За последнее время он бывал здесь не раз и легко узнал окна на первом этаже, на углу. Три окна выходили на улицу, а два — в проход между домами.

Окна светились обычным желтоватым светом, как и десятки других выше и рядом, но Мазин ощутил тревогу и замедлил шаг: свет горел не в той комнате, где жил Семенистый, а в другой, центральной, где нашли тайник. Впрочем, она не была опечатана. И к окну Мазин подошел не для того, чтобы подсмотреть, а потому, что дорожка асфальта вплотную прижималась к стене. На окне не было штор, и все, что происходило в комнате, было видно каждому прохожему. Но прохожих не могло заинтересовать то, что увидел Мазин. А он увидел такое, что заставило его быстро шагнуть в сторону, хотя находившийся в комнате человек и не мог его заметить, даже если б он смотрел в окно. Но тот и не думал этого делать. Нагнувшись и открыв застекленные дверцы, он внимательно рассматривал шкаф с двойным дном. И даже не шкаф, а именно дно.

Почувствовал ли человек в комнате взгляд Мазина или просто уже выяснил все, что ему требовалось, но он резким движением распрямил крупное тело и зашагал к двери. И тут же Мазин принял решение. Он быстро обошел дом и вошел в подъезд.

Открыли ему сразу, не спрашивая, кто пришел. Перед Мазиним стоял незнакомый человек с широким лицом и густой черной бородой. Он смотрел на Мазина довольно хмуро.

— Если не ошибаюсь, товарищ Кравчук?

— Не ошибаетесь.

И продолжал стоять, загородив дверь своим массивным туловищем.

— Разрешите войти. Я не хотел бы представляться через порог.

Кравчук сдвинулся с места:

— А-а... Вы откуда?

— Оттуда.

— Тогда прошу на кухню. Приехал час назад. Еще не успел разобраться.

В кухне на полу лежал расстегнутый чемодан на «молнии», а на столе стояла бутылка портвейна и банка рыбных консервов.

— Даже не поужинал... Составите компанию?

— Спасибо. Я посижу немного. А вы ешьте. Вы получили телеграмму?

— Да. На работу пришла. Неожиданно и непонятно. Что тут произошло? Все правда?

— Правда.

Кравчук кашлянул сердито:

— Черт! Какая сволочь могла?

— Пока не нашли. Вы приехали один?

— Понимаете, получилось как обухом по голове. Растерялся просто. И ничего не сказал. Жалко Светлану. Отец ведь. Объяснить ничего не мог. Решил один поехать, узнать толком. Потом ее подготовить.

— Что ж, может быть, это и верно. Дочери тяжелее, чем зятю.

— Почему его убили?

— Возможно, ограбление.

— Ограбление? Что у него грабить?

— Иногда из-за десятки убивают.

— Мерзавцы. У старика и жизнь не сложилась, да такая смерть...

- Что вы имеете в виду? Почему не сложились?
- Просидел десять лет.
- Когда?
- После войны.
- За что?

Кравчук махнул тяжелой рукой:

— Целая история. Светлана сама не знала.

Мазин посмотрел внимательно:

— Расскажите, пожалуйста...

— Нечего рассказывать. Все просто. Старик бросил их с матерью перед войной. Потом его забрали в армию. Когда Гитлер напал. С тех пор ничего не знали. Пятнадцать лет. Вдруг в пятьдесят седьмом письмо. Дескать, так и так. Пострадал, потому что был в плену. Освобожден, живу в Сибири, нуждаюсь. Помогн, дочка. Как не помочь? Пригласили к нам. Мать-то умерла уже. Но не приехал. Писал, не хочу мешать молодой жизни, вину чувствую. Посылали ему деньги, вещи теплые, варенья, печенья разные. Когда дали квартиру и уезжать сразу пришлось, говорю Светлане: давай отца выпишем. Не век же одному жить. Приехал, познакомились и простились. Видел я его раз или два всего.

То, что говорил Кравчук, было интересно и наверняка важно для Мазина, но еще более интересен был он сам, заполнявший почти всю кухню громоздким телом, большими руками и бородой, засыпанной хлебными крошками. Тяжелый, бугристый лоб Кравчука нависал над неожиданно светлыми серыми глазами, которые смотрели на Мазина непрерывно, куда бы ни поворачивался их хозяин, и почти не моргали. Вообще, голова его казалась грубо скроенной из разных кусков. Из-под бороды виднелись крепкие красные щеки, привыкшие к непогоде, а лоб был бледным, с четко прорезавшимися морщинками и совсем интеллигентскими залысинами.

Упорный взгляд малоподвижных глаз мешал Мазину рассмотреть всего Кравчука, не давал возможности оторваться от его лица, и Мазин подумал сначала, что геолог пытается сбить, смешать его мысли, но потом понял, что это просто такая манера, как и речь Кравчука, его короткие, рубленые фразы. И все-таки иногда Мазину становилось не по себе — когда Кравчук вдруг совсем останавливал свой взгляд, и начинало казаться,

будто смотрит он уже не на Мазина, а мимо него или даже сквозь него, на стену за спиной.

— Значит, и Светлана Ивановна мало знала отца?

— Мало. Наверняка мало. Но дочь, однако. Чти родителя.

— А знаете ли вы что-нибудь о близких ему людях? С кем он дружил, встречался, переписывался?

Кравчук дернул бородой:

— Переписывался? Не знаю. Нет. — И налил вина в простой граненый стакан.

Вино Кравчук пил, как воду. Запил рыбу — и все. Не морщась и не крикая. Запил и, перевернув стакан, накрыл им пустую бутылку.

— Ну, а квартирантов вы тоже не знаете?

— Одного знаю. Стояновского. Я прописал его. Перед отъездом. Вместе были в партии. Заболел парень. Легкие слабые. На Север нельзя. Остался здесь. Работал.

Вообще-то Мазин не был сторонником «ошеломляющих» приемов, но ему захотелось встряхнуть массивного геолога.

— У нас есть основания подозревать Стояновского в убийстве вашего тестя.

Наконец-то пригнулся Мазину этот прямой, немножко жутковатый взгляд Кравчука. Его не пришлось ловить. Кравчук не спрятал глаза. Он только заморгал.

— Борис? Ерунда.

— Почему?

— У нас собака была. В тайге. Оценилась. Говорю: «Борька, утопи щенят». — «Жалко». Так и не стал. А вы говорите, убил. Ерунда!

Мазин мог бы рассказать об убийце, который держал дома ежика и поил его молоком, но он не стал рассказывать. Он думал, почему Кравчук категорически отменил Стояновского: в самом ли деле не знает он ничего о Дубининой или просто не хочет о ней говорить. И вообще многие «почему» связывались у Мазина с зятем Укладникова.

— Убивают не только жестокие люди. Все дело в мотивах преступления, в обстоятельствах. Кстати, Стояновский — человек вспыльчивый...

— Все уже знаете?

— К сожалению, не все. Но есть серьезные улики.

- Арестован?
- Пока нет.
- Правильно. Ошибетесь.
- Он не арестован потому, что скрылся.

Геолог прореагировал неопределенно — то ли обрадовался, то ли изобразил удивление.

— Куда ему скрываться? Ерунда! Не верю. Какие улики?

Мазин решил рискнуть.

— Мы нашли его окровавленную рубашку.

— Борькину?

— Да, Стояновского.

— При чем тут тесть? Не понимаю.

— Рубашка была выброшена. От нее пытались избавиться.

Кравчук почесал бороду:

— Мир приключений.

— А вы отрицаете приключения? — Мазин попросил разрядить обстановку.

— Почему? На меня медведь нападал.

— Вот видите. И что от него осталось?

Кравчук чуть хохотнул:

— Хотите, шкуру подарю?

— Спасибо. Не нужно. Я люблю зверье. На охоте в воздух палю.

— Водку пить ходите?

Мазин принял мяч:

— На этот вопрос имею право не отвечать.

— По закону?

— По закону.

— А по-человечески?

— Это насчет водки?

— Нет. Про Борьку я.

— Про него скажите лучше вы.

Кравчук опять взялся за бороду.

— Бедолага. В детдоме рос. Нервный, правда. Но не он убил.

О детском доме Мазин не знал.

— Почему Стояновский попал в детский дом?

— Сирота. А может, и нет. Потерялся во время войны.

— Пытался отыскать родителей?

— Еще бы. Не нашел.

Что ж, кое-что удалось узнать и о Стояновском. Важны ли эти сведения — покажет будущее, а пока Мазина заинтересовал сам Кравчук.

— Все это может иметь значение, — сказал он. — Зайдите завтра, пожалуйста, к нам в Управление. Нужно записать ваши показания. Вы, кстати, надолго в город?

— Думали провести отпуск со Светланой. Квартиру привести в божеский вид. Но теперь лучше повременить. Дня через два поеду в Тригорск. И она следом. Там отдохнем.

«Тригорск? Дубинина?.. Или это случайное совпадение?»

— Есть где остановиться?

— Дикарями. Снимем комнату.

Мазин поднялся: «Для начала, пожалуй, хватит».

— Но к нам зайдите обязательно. Квартиру оставьте на Семенистого?

— Не видал его еще. Посмотреть нужно.

— Не видели?

— Нет. Приехал — его нет.

«Вот он — второй ключ». Мазин с трудом сохранил невозмутимость.

— Разве Семенистый оставляет ключ у соседей?

— Нет. Свой у меня. Замок-то сам делал. Слесарничая на досуге.

Мазин не стал расспрашивать о ключе. Ему сегодня и так повезло больше, чем можно было ожидать.

Но оставался вопрос, который нужно было выяснить хотя бы отчасти.

— Почему вы задержались? Ведь телеграмму мы послали немедленно, как только обнаружили исчезновение вашего тестя.

— В Москве был. На конференции.

Это Мазин знал. На первую телеграмму ему ответили: «Кравчук действительно работает в Заозерном, но в настоящее время находится в Москве, на конференции геологов».

Потом сообщили: «Кравчук вернулся из Москвы пятнадцатого апреля. В командировочном удостоверении дата выезда из Москвы — четырнадцатого апреля».

Тогда Мазин запросил Москву...

— Ну ладно, Константин Акимович, простите, что нагрязнул неожиданно. Это, между прочим, случайно получилось. Но удачно. Надеюсь, вы поможете прояснить нам кое-какие детали.

— Боюсь, что бесполезен. Ничего не знаю.

— Почему же? В отношении Стояновского вы проявили большую уверенность.

— С Борисом напутали. Ищите настоящего.

— Бывает, и мы ошибаемся. Спокойной ночи. До завтра.

— До завтра.

Перед тем как выйти, Мазин посмотрел в окно. Нет, Кравчук не мог видеть его из освещенной комнаты. И не мог он знать, что на запрос Мазина из Москвы ответили: «Установлено, что Кравчук отметил командировочное удостоверение четырнадцатым апреля, за два дня до окончания конференции, но четырнадцатого на конференции не присутствовал и в гостинице не ночевал».

VI.

«Р азыскивать женщину» Козельскому не пришлось. Букет белых цветов оказался последней его удачей. Ничего больше о Стояновском узнать не удавалось. Зачем остановился он в Береговом? Кому предназначался букет? Действовал Стояновский

по заранее продуманному плану или под влиянием обстоятельств? Заезжал ли в Береговое после убийства? Все эти вопросы оставались пока без ответа. Так хорошо тянувшаяся цепочка фактов прервалась. Опыта у лейтенанта было поменьше, чем у Мазина, и он нервничал. Звонок начальника застал его в номере гостиницы.

— Вадим, это вы? — услышал он в трубке голос Мазина.

— Я, Игорь Николаевич, слушаю вас...

— Удачно я вас разыскал. Как успехи?

— Неважные.

Козельский уже забыл, что собирался хвастаться.

— Ничего. Вместе разберемся. Выезжайте немедленно.

— Слушаюсь.

Вадим опустил трубку и достал из кармана пачку сигарет. Курил он редко, а при Мазине — никогда, но сейчас ему захотелось глотнуть дыму. С одной стороны, вызов открывал выход из тупика, в котором оказался лейтенант. Но в то же время по тону Мазина Вадим понял, что выяснилось нечто неожиданное и его работа в Береговом приобрела, видимо, второстепенное значение.

Последнее предположение было не совсем верным. Вешая трубку, Мазин думал: «После этой телеграммы поиски в Береговом или ничего не значат, и тогда Козельский нужнее здесь, на месте, или они приобретают решающий характер, и тогда мне следует взять их на себя».

Этого Козельский не знал, но, будучи человеком строго дисциплинированным, он выделил из всего разговора слово «немедленно» и потому не стал дожидаться ни поезда, ни автобуса, а выехал на такси и через два с половиной часа уже входил в кабинет Мазина.

Увидев его, Мазин невольно посмотрел на часы, но ничего не сказал, даже не похвалил за оперативность, и Козельский окончательно убедился, что обстановка усложнилась, потому что именно в такие моменты Мазин бывал скуп на похвалу: в сложной обстановке все, что лучше служит делу, является нормой, считал он.

— Садитесь и рассказывайте. Подробно и не спеша.

— Понятно, — ответил лейтенант и приступил к докладу. Кончил он уныло: — На этом нитка и оборвалась, хотя я думал: букет — такая приметная штука, что мне просто повезло.

— Бывает. Ваши выводы?

— Продолжать поиски знакомой Стояновского. Она единственный человек, который может подсказать, где искать его.

— Ищут тех, кто скрывается.

Мазин меньше всего собирался удивлять Козельского. Скорее он отвечал каким-то собственным, еще не устоявшимся мыслям, но, заметив, как переменился в лице его подчиненный, улыбнулся:

— Вадим, вы станете хорошим работником только тогда, когда перестанете удивляться. Сомневаться — сколько угодно, но не раскрывать так по-мальчишески глаза, как вы сейчас раскрыли. Впрочем, я сегодня утром тоже раскрыл. Вот почитайте.

Это была обыкновенная телеграмма, вчера только посланная из Ялты на имя Семенного: «Возьми пальто — хмичистки погода прекрасная. Борис».

— Ну как? Понравилось?

Козельский положил телеграмму на стол.

— Убили вы меня, Игорь Николаевич...

— Ничего, выживем. Я ведь тоже ранен.

— Что же это может означать?

— Внешне то, что Стояновский не имеет ни малейшего отношения к убийству Укладникова, ничего не знает об этом убийстве и преспокойно отдыхает в Крыму.

— А чемодан? А ботинки? А топорик?

— Прибавьте кровь и следы на полу.

— Ну да!

— Само по себе все это еще ни о чем не говорит. Тем более что неизвестно, чья кровь на вещах. Их могли и украсть. Мы ведь не знаем, были ли они на Стояновском, когда он уезжал.

— Но его остановка в Береговом?

— Это серьезнее, хотя причина остановки нам по-прежнему неизвестна. Судя по тому, что вам удалось установить, в ней больше романтики, чем криминала.

— Простите, Игорь Николаевич, но, по-моему, реабилитировать Стояновского рано. Следы ботинок — факт неопровержимый.

— Вадим, хорошо, что вы так прочно вжились в нашу последнюю версию. Хотя и этому факту можно найти свое, может быть, очень несложное объяснение. А в целом ваш рассказ говорит, как ни странно, больше в пользу Стояновского, чем ему во вред.

— Почему же? Факты...

— Факты — да. Но психологическая сторона... Если цветы предназначались девушке, то, согласитесь, поведение Стояновского не вяжется с тем, что мы знаем. Собираясь совершить убийство, нервный, неуравновешенный человек спокойно расхаживает по оранжерее в поисках красивого букета?

— Ну и что? Букет мог понадобиться с определенной целью. Например, чтобы убедить девушку в своих чувствах, создать атмосферу, в которой она ничего не могла бы заподозрить.

Мазин не стал возражать:

— Допустим... с натяжкой. Ну, а телеграмма?

— А вот это как раз в характере. Нервничает, крутит, изобретает трюки, которые кажутся ему очень хитрыми. Бойтся, что чемодан попал-таки к нам, и дает телеграмму, чтобы навести тень на ясный день.

Игорь Николаевич улыбнулся:

— Граф Монте-Кристо. «Нам пишут из Янины». А может, все попроще, Вадик? Борис Стояновский, обыкновенный молодой человек, едет в отпуск. В пути встречает знакомого. Выпили в ресторане. Создалось определенное настроение. Решает сойти в Береговом, где живет знакомая девушка. Появляется с букетом. Необычно, романтично. Болтает встречным и поперечным о своей жизни, о хозяине, который денежки в шкафу прячет. Кто-то пользуется этим да еще и чемоданчик прихватывает. Боря погоревал немножко, да и дальше поехал, весну встречать. Благо погода хорошая. Ну, что скажете, товарищ лейтенант?

Козельский был похож на мяч, из которого выпустили воздух.

— Сдаетесь? А я только порадовался, что нам удалось немножко поспорить. Вы легко сдаете свои позиции, Вадим, и слишком быстро со мной соглашаетесь.

Вадим ответил искренне:

— Но так получается, Игорь Николаевич. Всегда вы оказываетесь правы, а не я.

Мазин рассмеялся.

— Вы еще и льстец, Вадим. Это уж слишком.

— Какой же я льстец?

— Коварный. Ладно, ладно — шучу. Даже насчет Бориной болтливости пошутил. — Он посерьезнел: — Пошутил, чтобы вас немножко подзадорить, а вы раскисли. Сам-то я считаю, что от Стояновского нам отказываться рано. Появились в его истории два момента, которые очень меня заинтересовали. Один из них — ваше открытие. Я имею в виду «инвалида». Вы его открыли, но, кажется, не придали этому человеку должного значения.

— Мало удалось узнать о нем, Игорь Николаевич. Кажется, это человек случайный. Проводница говорит, что они со Стояновским и узнали-то друг друга не сразу.

— Но «инвалид» разыскивал Стояновского? Зачем? И откуда ему стало известно, что тот едет именно в этом вагоне? Может быть, между встречей Стояновского с «инвалидом» и его внезапным решением сойти в Береговом есть определенная связь? Но, с другой стороны, связана ли остановка в Береговом непосредственно с убийством Укладникова? Или здесь действовали параллельные факторы? Видите, сколько вопросов. Вадим.

Он замолчал, и Козельский, который понимал, что на вопросы Мазина пока еще нет ответов, промолчал тоже.

— Второе обстоятельство — Тригорск. Там живет неизвестная пока нам Дубинина. Туда же, в Тригорск, собирается поехать зять Укладникова — Кравчук. Что это — в огороде бузина, а в Киеве дядька? Или совсем наоборот? Впрочем, остановимся. И большой путь состоит из малых шагов. Следующим шагом будет пальто Стояновского. Существует ли оно в действительности? Это придется выяснить вам.

— Разве Семенистый?..

— Семенистого я не видел. Телеграмму принес Кравчук. Он уже приехал, между прочим. Видите, сколько у нас новостей. Кстати, это тоже орешек. Но о нем мы поговорим попозже. А сейчас не теряйте времени, раз вам удалось его сберечь. Поезжайте в ателье. Узнайте у Семенистого все о пальто. Могу вам сообщить, что в химчистке на Магистральной никаких вещей Стояновского нет. Но это ничего не значит —

в городе не одна химчистка. Выясните этот факт, а потом мы засядем вместе и посоветуемся, что делать дальше.

— Слушаюсь. — Козельский встал.

...Телеграмму действительно принес Кравчук. Он вошел в кабинет Мазина энергично, но не шумно, как привык, наверно, ходить по тайге. Мазин сразу заметил на его лице то, чего не видел вчера, — улыбку.

— Я вам говорил... — начал геолог еще с порога. Улыбка у него тоже была диковатой, борода двигалась вверх-вниз. — Я ж говорил, Бориса вы зря. — И он выложил телеграмму на стол, как кладут козырного туза.

Мазину потребовалась немалая выдержка, чтобы скрыть изумление.

— Когда пришла телеграмма?

— Вчера. После вашего ухода. Минут через десять.

— А почему ее принес не Семенистый?

— Зачем? Я сказал, иду к вам. Он на работу пошел.

— Ясно, — кивнул Мазин, хотя в тот момент ему почти ничего не было ясно.

Козельский выпрыгнул из бежевой «Волги» у недавно построенного ателье. За большими зеркальными стеклами стояли на полках телевизоры и радиоприемники, а над входом нависал модный бетонный козырек. Девушка-приемщица тоже оказалась модной — с начесом над подкрашенным личиком.

— Мне бы Семенистого...

Приемщица покрутила авторучкой. Потом повернулась куда-то в глубь ателье:

— Ль-о-ня! Тут товарищ Эдика спрашивает.

На голос ее вышел здоровенный парень с тонкими усиками, в рабочем фартуке:

— А вам он зачем?

И окинул Козельского подозрительным, изучающим взглядом.

— По личному делу.

— По личному? — выговорил парень недоверчиво. — Нету его. — И глянул на девушку: — Ты что? Не знаешь?

Она передернула худыми плечиками.

— А где же он? — спросил Козельский.
 — Отпуск вроде взял.
 — Как отпуск?
 — Да так. Отпуск. Полагается человеку — вот и взял.

Парень решил, что сказано достаточно, и повернулся к Козельскому спиной.

Вадим пошел к заведующему. Тот оказался маленьким, краснощеким и усатым. «Если и жулик, то по мелочам», — подумал лейтенант, когда увидел, как внимательно разглядывает «зав» его удостоверение.

— Так я и знал, так я и знал, что все это неспроста.

— Что именно неспроста?

— А что бы вы подумали, если б ваш работник вчера преспокойно работал, а сегодня пришел и говорит: «Рассчитайте меня немедленно». Что бы вы подумали?

— У нас так не бывает.

— Да, да. Я понимаю. У вас порядок и дисциплина. Вы же почти военные люди. А вы бы поработали с такой публикой! Все от наших нехваток, товарищ офицер. Того нет, этого нет. А у предприимчивых людей есть. Появляются соблазны.

— Извините, мне нужны факты. Выходит, вы рассчитали Семенистого?

— Ни в коем случае. Как это так! Я спросил: «Почему ты так решил?» А он сказал, что у него заболела

мама и ей нужен уход. Он, правда, совсем не похож на заботливого сына, но людей не всегда правильно понимаешь. И я сказал: «Бери отпуск на две недели, поезжай, узнай все как следует, тогда и решай. Если нужно, получишь расчет, а так зачем тебе терять хорошую работу?» Я, знаете, товарищ офицер, всегда забочусь о молодежи, потому что очень легко сбиться с пути в вашем возрасте...

— Где живет его мать? — прервал Вадим.

— Виноват, не знаю. Где-то неподалеку тут. Он часто ездил к ней на воскресенье. Хотя, одну минуточку... Аллочка!

На пороге появилась приемщица.

— Аллочка, скажите, пожалуйста, товарищу, где живет мама Эдика. Вы, кажется, бывали у них.

Аллочка посмотрела на заведующего не приветливо:

— В Красном Хуторе.

Из автомата Козельский позвонил Мазину.

— Ну вот, Вадим, мы и квиты. Не все же мне вас удивлять. До Красного Хутора четырнадцать километров. Вы успеете туда до вечера, а пока заскочим вместе к Кравчуку. Я сейчас спускаюсь.

Козельский сел в машину и с места разогнал ее до разрешенной скорости. Мазин ждал на углу.

На Магистральную они выскочили еще засветло. Мазин положил руку на плечо Вадима:

— Остановитесь здесь и посидите в машине.

Кравчук ходил по тесной для него комнате и рубил свои короткие фразы:

— С утра ни слова. Вдруг появляется — и нате вам: «Мать заболела, уезжаю. Немедленно». Дает деньги, долг за полмесяца. Вещи заворачивает в простыню. И с узлом и чемоданчиком — в такси. Будьте здоровы, живите богато! Я в дурацком положении. Жена ждет. Отпуск идет. А мне не на кого оставить квартиру.

— А пальто Стояновского он взял из чистки?

— Нет, не приносил.

— Вопросов больше нет, извините за беспокойство.

— Будьте здоровы.

— Да... Вот еще. У вас есть во дворе телефон?

— Есть.

— Покажите, пожалуйста.

Они вышли вместе. Телефон оказался как раз там, где стояла «Волга». Козельский оглядел геолога.

— Все, как я и предполагал, — сказал Мазин, садясь в машину. Потом добавил: — Уехал, забрав вещи. Никакого пальто не заносил. Забросьте меня в Управление и поезжайте в Красный Хутор.

Козельский ничего больше не спрашивал. Он видел, что Мазину не до вопросов. Молча они обгоняли автомобили на темнеющих улицах. Только у самого Управления Мазин повернулся к лейтенанту.

— Помните, Вадим, я говорил вам, что наша вторая версия может оказаться не самой последней? Но я не думал, что их окажется столько сразу.

И, уже выйдя на тротуар, пожелал:

— Ни пуха ни пера. И кланяйтесь больной маме... если только она действительно больна. Я буду ждать вас.

Выбравшись из города, Козельский повел машину ровнее и закурил на ходу, придерживая баранку левой рукой. Шоссе было широким и почти без поворотов. Впереди, на краю степи, первые ночные огоньки ярко выделялись на фоне не погасшего еще заката.

«Ну и денек! — Лейтенант перебирал последние события. — Телеграмма, исчезновение Семенистого, наконец, Кравчук. Даже шеф шутить перестал».

Красный Хутор оказался в балке. Не доезжая до четырнадцатого километра, Козельский прочитал название его на большом желтом указателе, поблескивающем в свете фар. Шоссе здесь переходило в улицу. Лейтенант притормозил возле ближнего, крытого черепицей домика у колодца и узнал, где живет Семенистая.

Оказалось, рядом.

Выйдя из машины, Вадим вдохнул ароматный запах вечерней весенней степи, подправленный кизячным дымком, поднимающимся над крышами, и невольно расправил плечи, чтобы набрать побольше этого непривычного горожанину воздуха.

— Здравствуйте. Вы мать Эдуарда Семенистого?

Не старая еще, видно, привычная к труду женщины в длинной по-деревенски юбке и с вязаным платком на плечах была совсем не похожа на хамоватого Эдика.

— Мама...

— Был он у вас сегодня?

— Був, був, а як же.

— Можно его увидеть?

— Уйхав. Вин у нас долго не гостюе. А у вас що до него за справа?

— Да вот дело небольшое.

— Ну так зайдите у хату. Хоть вы мне толком респовидайте, що вин у ту Сибирь подався...

Женщина эта отнеслась к Козельскому с полным доверием, и ему было неприятно говорить ей неправду. Но ничего иного он сделать не мог. В чем был виновен Семенистый? Этого Козельский пока и сам не знал. Поэтому он сказал, что приехал узнать насчет своего пальто, которое Эдик должен был взять из чистки.

В город Вадим вернулся поздно, но в кабинете Мазина горел свет. Лейтенант загнал машину в гараж и поднялся по непривычно безлюдной лестнице. Мазин писал что-то за столом:

— Семенистый вас, конечно, не дождался?

— Не дождался. Но он там был. Я говорил с его матерью и ее вторым мужем. Для них этот отъезд — полная неожиданность.

— Им можно верить?

— Вполне. Простые, сердечные люди. Они меня даже парным молоком угостили.

Мазин улыбнулся.

— Это нарушение, Вадим.

— Я знаю. Но я им верю. Он примчался на такси, завез вещи и сказал, что едет в Сибирь, где один друг нашел ему хорошую работу. Адреса, разумеется, не оставил, обещал написать.

— Говорите, можно верить? Простые, искренние люди?

— Да, деревенской закваски.

— Не идеализируйте эту закваску. Но, между прочим, Эдик показался мне типичным продуктом городской цивилизации в ее нелучшем проявлении.

— Он такой и есть. Отец бросил мать и ушел в город. Там и сын вырос. У матери бывал редким гостем. Последний раз с Аллочкой, приемщицей из ателье. Называл невестой. Даже колечко приобрел.

— Хорошо, Вадик. Вы не зря проехались. Теперь можно и отдыхать. Для одного дня событий достаточно.

А через день Мазин сидел в новеньком, недавно построенном кафе со слишком красивым названием «Алый тюльпан» и потягивал холодный, невкусный кофе. Кофе был очень плохим, но Мазин не замечал этого. Он смотрел и думал. Смотрел главным образом на вход в ателье, где не так давно работал Эдик Семенистый. Ателье находилось рядом, через неширокую здесь улицу, а стенка кафе была стеклянная, ни разу еще не битая, без трещин, схваченных уродливыми фанерными кружками. И еще Мазин поглядывал по сторонам, но не потому, что его интересовал кто-нибудь в зале, а как раз наоборот, он хотел убедиться, что сам никого не интересуется.

Думал же Мазин главным образом об Аллочке, которая вот-вот должна была выйти из ателье, потому что рабочий день уже кончался.

Вспомнился разговор с Вадимом.

— Подтвердилось, Игорь Николаевич. Это та самая «невеста», что приезжала с Семенистым к его родителям, — сообщил Козельский, выговаривая слово «невеста» с подчеркнутой иронией.

— Ну, и как она вам показалась?

Лейтенант вытянул два сведенных вместе пальца.

— Вот такой лобик. Мал ее радостей тусклый спектр.

Мазин вздохнул:

— Хорошо. Придется мне самому заняться этой девушкой. Вы к ней относитесь предвзято.

И вот он сидит и ждет девчонку, которая, наверное, и в самом деле не Спиноза и поэтому может повести себя совершенно по-дурацки и не помочь, а здорово навредить делу, как, по мнению Мазина, навредил уже Эдик, насчет которого он имел точку зрения вполне определенную. Но чтобы точка эта подтвердилась, нужно было узнать немало от Аллочки. И хотя Мазин был почти уверен, что идет не главным ходом, а обходит всего лишь один из тупиков, он понимал, что и в тупик этот необходимо зайти, потому что, прежде

чем заблестит золотая жила, всегда приходится перепорачивать горы земли.

Мысли эти занимали Мазина, когда он глотал невкусный, холодный кофе, дожидаясь, пока Аллочка выйдет из ателье. Но раньше внимание его привлек еще один человек — широкоплечий парень в кожанке, похожий на шофера, с обветренным, красным лицом и такими же руками, которыми он неловко держал стакан. Правда, в стакане жидкость была посветлее кофе, но парень, как и Мазин, часто поглядывал через дорогу.

«Коллега», — подумал Мазин, усмехнувшись. Он решил, что парень дожидается кого-нибудь из ателье. И не ошибся. Как только на дверях напротив появилась расхолаживающая табличка с надписью: «Закрыто», «коллега» засуетился, резко потянул кверху «молнию» на куртке, быстро допил стакан и двинулся к выходу. Мазин действовал спокойно. «Интересно, за кого она меня примет? Вряд ли я похож на ловеласа».

Аллочка вышла не одна. С ней был человек, которого Мазин сразу узнал по описаниям Козельского. Тот самый «Льоня» с черными подбритыми усиками над мокрыми губами. С порога кафе Мазин хорошо видел его лицо с выпуклыми, похожими на масляные высшего сорта глазами. «Льоня» улыбался и говорил что-то Аллочке, все норовя рукой коснуться, дотронуться до нее, а Аллочка отстранялась и, кажется, торопилась закончить этот разговор.

Они стояли и говорили, и Мазин тоже стоял, парень же в кожаной куртке тем временем пересек улицу и, замедлив шаг, достал папиросу. Мазин услышал, как он спросил «Льоню»:

— Спички нету, браток?

«Льоня» полез за спичкой, а Аллочка, обрадовавшись, что его прервали наконец, махнула рукой и быстро пошла вдоль улицы. Но прежде чем двинуться за ней, Мазин посмотрел еще раз на обоих мужчин и увидел, как «Льоня», глядя прямо в лицо «кожаному», кивнул вслед Аллочке, и кивнул не случайно, потому что «кожаный» наклонил голову, как бы говоря: «Понятно».

«Ого! Что-то новенькое», — отметил Мазин.

Так, втроем, они и дошли до трамвайной остановки. Впереди Аллочка, за ней, почти вплотную, парень в кожанке. Он шагал так целеустремленно, что даже

столкнулся со встречным прохожим. Мазин посмеивался про себя. О его присутствии «кожаный» пока не подозревал.

На остановке, как всегда в часы «пик», народу было много. «Придется потолкаться». Мазин предпочел бы соблюдать дистанцию.

Подождал трамвай, сравнительно свободный, окраинного пятнадцатого маршрута. К нему двинулось несколько человек. Аллочка осталась на месте, но «кожаный», как заметил Мазин, сделал шаг к вагону и, кажется, удивился, что Аллочка не собирается ехать. А она спокойно достала из сумочки зеркало и рассматривала лицо, повернувшись к нему спиной. Прошел еще один трамвай. На этот раз «тройка», набитая до отказа. Мазин проводил ее с облегчением. Аллочка все еще любовалась на себя в зеркальце, а «кожаный» выплюнул изо рта окурочку и растер ее подошвой. Подошла «восьмерка». Аллочка сунула зеркальце в сумку. «Кожаный» ринулся к ней. Мазин приготовился... Но ничего не произошло. Аллочка раздумала. В самый последний момент она отступила от подножки, и Мазину показалось, что «кожаный» пробормотал что-то нехорошее.

Они остались рядом и посмотрели друг на друга: «кожаный» хмуро, Аллочка без всякого выражения, как смотрят сквозь стекло.

«Будь она чуть поумнее, она заметила бы его манеру», — подумал Мазин с сожалением. Он присел на освободившуюся скамейку.

«Кожаный» тоже отошел от Аллочки.

Снова показался «пятнадцатый», на этот раз не такой свободный. «Кожаный» отвернулся, и напрасно, потому что тут-то Аллочка и села. Вернее, не села, а остановилась на задней площадке прицепки. «Кожаный» заметил это, когда она была уже внутри. И здесь он проявил кое-какую смекалку. Вскочил на другую, переднюю, площадку. В наполненном вагоне, где выбирать нелегко, это была лучшая позиция. Мазин хотел войти вслед за «кожаным», но дверь захлопнулась перед самым его носом. Он услышал звонок отправления и бросился назад, чтобы успеть хоть туда, но садиться в вагон не пришлось. В самых дверях Мазин столкнулся с Аллочкой. Она прыгнула ему прямо на руки, так что он едва успел поддержать ее. А трамвай двинулся

с места и пошел, гремя и дребезжа по разболтанным рельсам, увозя «кожаного».

— Извините, — сказала Аллочка.

— Пожалуйста, — ответил Мазин, разглядывая ее. «Кажется, Вадик дал маху. Под челкой еще на палец наберется».

— Ловко вы его провели.

— Что?

— Я про парня в кожанке. Кстати, как его зовут?

— Не знаю.

— Думаю, что это правда. «Льоня» демонстрировал вас довольно продолжительное время.

— Разрешите пройти, гражданин. Не знаю я, о чем вы...

Мазин не пытался задержать ее. Он просто пошел рядом.

— Конечно, тут нечего больше делать. Такой дурак может вернуться с ближайшей остановки.

Аллочка смерила его любопытным взглядом:

— Вы так всегда с девушками знакомитесь?

— Нет, в первый раз.

— Тогда придумайте что-нибудь поумнее.

Мазин улыбнулся:

— Зачем?

— Не на такую напали. Идите-ка своей дорогой, а то...

Она не договорила, и Мазин воспользовался этим.

— Что?

— Я милицию позову.

— А почему вы не обратились к милиционеру, когда за вами следил этот «кожаный»?

— Сказала же я вам, не знаю никакого «кожаного».

Мазин уловил, как дрогнул ее голос.

— Вот что, Аллочка... Хватит нам играть в кошки-мышки. Я ведь не похож на тех, кто пристает на улице к девушкам. Или вы обо мне более высокого мнения?

Мнение свое она уточнять не стала.

— Что вам нужно?

— Вот это другой разговор. Видите стеклянную бутылочку? Там вы сможете съесть пирожное.

— А вы что там будете делать?

— Я не люблю пирожные. Я просто поговорю с вами.

— Не знаю, о чем нам говорить.

— Я скажу.

Она глянула на него в упор, и Мазин снова подумал, что Козельский ошибся.

— Послушайте, незнакомый товарищ. Я съем пирожное, чтобы доставить вам удовольствие, но прошу вас таким тоном со мной не разговаривать. Я не маленькая.

— Безусловно. Всего раза в два помоложе меня. Но ссориться не будем. Будем говорить серьезно, с полным доверием друг к другу.

Она вдруг улыбнулась:

— Смешной вы.

— Не все так думают, — заверил ее Мазин, открывая дверь в кафе.

— Одно пирожное и по чашечке кофе, пожалуйста. Только горячего, если можно. Холодный я уже пил.

Он повернулся к Аллочке:

— Хорошо здесь, правда? Тихо.

— Я спешу, — ответила Аллочка, откусывая кусочек пирожного.

— Прекрасно. Тогда скажите, чем мог интересоваться этот несимпатичный юноша в кожаной куртке? Любовь? Ревность?

Аллочка отрицательно покачала головой.

— Правильно. Я тоже так думаю.

— Но почему вы все это спрашиваете?

— Да, я и забыл совсем. Нам же нужно познакомиться.

И Мазин протянул ей удостоверение.

Аллочка изучала его тщательно. Мазин не выдержал, спросил:

— Ну как? Все правильно?

— Кажется, правильно. Но что сказать вам, не знаю.

— Может, вместе подумаем? Я подскажу кое-что, а?

— Да что вы мне подскажете?

— Подскажу, что интересуется их, простите меня, не столько вы, сколько Эдик.

Аллочка нагнула голову.

— Вот видите. Где он?

Она положила пирожное на блюдечко.

— Не знаю. Уехал он... неожиданно.

— И не сказал куда? Даже вам?

— Не сказал. Сказал, что напишет.

Мазин сжал и разжал под столом руку. Значит, все-таки дурочка? Обыкновенная обманутая девчонка, которая верит, что он напишет? Но зачем ей тогда скрываться? И что они могут выследить? Он смотрел, как она ест пирожное, без удовольствия, просто потому, что он заставил ее есть. Может, и обманутая.

— Что же им от него нужно? Почему он скрылся?

— Лешка говорит, он ему деньги должен. Не отдал будто.

— Это правда?

Мазин видел, что ей трудно. Она никак не могла найти правильной линии поведения. Что-то ей хотелось сказать, но не все и даже, назерно, не главное, но она,

видимо, не могла отделить это неглавное от того, что говорить не хотела ни в коем случае.

Он протянул руку и дотронулся до ее пальцев:

— Алла. Я прекрасно вижу, что вы ни в чем не виноваты. Но сказать все, что вы знаете, вы почему-то не решаетесь. Почему? Бойтесь? Не доверяете мне? Попробуйте преодолеть себя. Я хочу помочь вам. Правда. — Он глянул ей в глаза. — Я могу вам пригодиться. — Мазин помолчал. — Но смотрите, как бы вам не опоздать. Бывает, что становится поздно. Ну?

Она заморгала, как будто боялась заплакать:

— Не верю я, что Эдик ему должен. Он сам с него деньги тянул.

— А у Эдика бывали деньги?

— Да, он очень хороший мастер.
— И получал хорошие чаевые?
— Его благодарили люди. Что здесь плохого? Все так делают.

— К сожалению.

Мазин вспомнил кое-что из своего общения с Эдиком.

— А больше он ничего не получал?

— Нет, не знаю.

— Значит, Лешка врет? Зачем же ему тогда Эдик?

Она опять заморгала:

— Ну, не знаю, не знаю... Может, они его в шайку втягивали. Но он хороший, хороший.

«Врет она или говорит правду, но Эдика любит, хотя, может быть, он того и не стоит. Впрочем, что значит, не стоит? Разве это делается по выбору? Да еще в таком возрасте. И так ли уж плох Эдик? Оказалась же эта девчонка умнее и искреннее, чем решил Вадим. Может быть, и я вижу Эдика в слишком темных красках? «Все так делают». Не так-то просто быть лучше тех, кто тебя окружает».

— Вы где живете, Алла?

— В общежитии.

— Вам нравится ваша работа?

— Что в ней хорошего? Бумажки выписывать?

— Мечтаете об институте?

— Трудно это.

— В жизни все нелегко.

— Почувствовала уже.

— Ну ничего, ничего. Все образуется. По-вашему, Эдик скрылся от своих друзей?

— Да, ему хотелось отсюда уехать.

— А вы знали, что в квартире, где он жил, был убит человек? Может быть, это тоже повлияло на его отъезд?

Кусок пирожного так и лежал на блюде. Аллочка, кажется, забыла о нем. Особенно сейчас. Она даже выпустила из рук ложку, которой помешивала кофе.

— Да что вы? Вы думаете... Эдик?

— Нет, не думаю. Просто у меня есть к вам небольшая просьба. Собственно, для этого я и встретился с вами. Может быть, Эдик напишет вам. Устроится и напишет. Как вы полагаете?

Она ответила чуть быстрее, чем было нужно:

— Конечно, напишет. Обязательно напишет.

Мазин отметил эту уверенность:

— Так вот, если будете отвечать ему, передайте от меня привет. Мы с ним встречались. И потом профессии у нас похожие.

Она глянула удивленно.

— В самом деле. Он чинит приемники, и я тоже чиню... кое-что. Вот вы и напишите, что поломки исправлять нужно вовремя, пока они небольшие. И еще, что он мог бы мне очень помочь, если бы захотел. Вот так. Поняли?

— Да, поняла. Я напишу.

— Прекрасно. А я зайду к вам как-нибудь, спрошу насчет ответа.

— Хорошо. Мне можно идти?

— Если не хотите больше пирожных.

Она встала, взяла свою сумочку, но не ушла:

— Игорь Николаевич...

— Он самый. Вы, я вижу, мое удостоверение наизусть выучили.

— У меня тоже просьба одна.

— Долг платежом красен.

— А те... Лешка и другие... Они не узнают, что я вам говорила? Я же и не знаю ничего.

— Нет, они не узнают. Но вы знаете больше, чем рассказали!

— Что вы?!

Мазин поднял руку:

— Не спешите. Вы знаете больше. Просто вы еще не готовы об этом сказать. Так бывает. Я подожду немножко. Немного, — подчеркнул он. — Долго нельзя. А вы подумайте пока. Ладно?

— Ладно. — И Алла бросилась к дверям.

Мазин проводил ее взглядом, потом глянул на стойку.

«Кажется, я заслужил сегодня стаканчик мадеры». И отодвинул чашку с остывшим кофе.

Пока официантка брала вино в буфете, он успел сделать несколько пометок в записной книжке. Затрепанная по карманам книжка эта частенько заменяла ему тот обязательный «План расследования», который, впрочем, он тоже аккуратно заполнял от графы «Версии, подлежащие проверке» до «Примечаний». Беда была в том, что последней графы Мазину всегда не хва-

тало. Мало места было отведено для примечаний. А они как-то незаметно становились самым главным.

Но это дело об убийстве Укладникова, пожалуй, побило рекорды по числу примечаний. Появлялись они одно за другим, и некоторые переключались уже в «Версии», но тут дело стопорилось: версии оставались только версиями. Одни сложнее, другие попроще. Мазин знал, к сожалению, что человека могут убить даже из-за комнаты. Недаром он спросил в свое время у Семеновского, прописан ли тот постоянно в квартире Кравчука.

Версии возникали разные, но, несмотря на внешнюю убедительность и эффектность, не убеждали. Вмешивалось чутье, основанное на многолетнем опыте. Все вроде прояснялось, перед тобой все как на ладони — иди, действуй, а Мазин барабанил пальцами по столу и вместо действий записывал еще что-то в свою книжку.

Сначала Стояновский со своим топориком — хоть сейчас в криминалистический музей, потом бегство Эдика, телеграмма, тайник, Аллочка. Фактов хоть отбавляй, но не мог Мазин найти среди них тот единственный, который нужно поставить во главу угла и добавлять к нему, прикладывать остальные, как детские кубики, чтобы получилась простая, понятная картинка.

Он даже смешивал нарочно эти кубики. И немало удивился бы Козельский, узнай он, что на свидание с Аллочкой его начальник шел не затем, чтобы окончательно уличить Семеновского, а совсем наоборот, чтобы узнать нечто другое, позволяющее глянуть на них обоих — и Аллочку и Эдика — с иной стороны, заглянуть, если можно так сказать, через них и через Стояновского, подальше, поглубже — туда, где прятался подлинный ключ к разгадке.

Все они имели какое-то отношение к этому ключу, и отношение это нужно было определить, выяснить, чтобы добраться до главного, более сложного, чем довольно вульгарное убийство старого истопника,

Но пока он был доволен. Кое-что из его предположений подтверждалось. И, выпив мадеру, Мазин подумал шутливо: «Прекрасный день — пьяно вино и ухаживаю за девушками. А жена считает, что у меня тяжелая работа».

VIII.

Валерий Брусков ощущал собственную значимость. Конечно, человеку постороннему могло показаться, что все последние происшедшие с ним, Брусковым, события случайны, однако сам он думал иначе. «Предположим, в один вагон с вором я мог попасть и случайно, но заметить его, задержать? Нет уж, такое не каждый сумеет». О капитане из Минска, перемахнувшем через состав, когда сам он стоял с подбитой ногой и хотел заплакать, Валерий почему-то не вспоминал. Зато о Козельском помнил все время и даже обижался на Вадима за его скоропалительный, без предупреждения, отъезд. Ведь Брусков уже считал себя приобщенным к важной тайне. И от этого казался самому себе немножко другим человеком. Не тем застенчивым и малоопытным, каким он был на самом деле, а бывалым и уверенным. Даже самоуверенным. Но при всем том Брусков и не предполагал, что главная его удача еще впереди.

Пока же он занимался подпольщиками. Редактор сразу оценил находку и сказал Валерию:

— Действуй, старик! Места не пожалеем, если получится.

Действовать было не так уж трудно. Скромная, тихая Майка оказалась на свой лад следопытом. Ее, слабенькую и робковатую, привлекали бесстрашные люди. Самой большой Майкиной любовью была, конечно, Роза Ковальчук — личность в ее глазах почти легендарная.

— Ей было всего девятнадцать лет. Только замуж вышла перед войной. Муж был пограничник. Погиб в первый же день. А она в Киеве в это время училась, на иностранном...

Это Майка говорила Валерию еще в первый день, в гостинице.

— Значит, она не местная?

— Нет, она эвакуировалась и тут осталась. Ей нельзя было ехать дальше... — Майка покраснела. — Она маленького ждала.

— Вот как...

Личные дела Розы представляли для Брускова интерес второстепенный, и разговора он не поддерживал,

а Майка застеснялась и не сказала сразу то, что хотела сказать и что произошло не двадцать лет назад, а совсем недавно и могло бы заинтересовать не только редакцию молодежной газеты, но и Мазина с Козельским. Что поделаешь, существуют вещи, о которых трудно догадаться даже такому сообразительному парню, как Брусков!

Валерий углубился в дела военные, не подозревая, что давняя история Розы Ковальчук и события, невольным свидетелем которых он оказался в последние дни, связаны в один тугой узел.

Немцы ворвались в Береговое в начале июля сорок второго года. Боев тут сильных не было. Наши ушли как-то сразу, и немцы промчались быстро, не задерживаясь на маленькой станции. Их раскрашенные, лягушиного цвета пятнистые танки, мотоциклы, солдаты с засученными рукавами и красными, обожженными южным солнцем лицами спешили через степь к Волге. Людям казалось, что нет уже силы, способной остановить этот грохочущий поток, пропахший кровью, бензином и потом. Но его остановили. Тогда-то и изменилась в планах немецкого командования роль Берегового. Каждая «нитка», связывающая фронт и тыл, приобрела первостепенное значение. Через станцию к Волге потянулись эшелоны. Солдаты, которых они везли, еще смеялись, шумели, рыскали по близким дворам в поисках кур и самогонки, играли на губных гармошках и не верили, что обратно им ехать разве что в санитарных поездах.

А некогорым и до фронта не пришлось добратся.

Фрейлейн Роза сразу понравилась коменданту. Худенькая, рыжеватая блондинка, она совсем не была похожа на тех грубых, способных таскать тяжелые мешки женщин, которых он постоянно видел в этой чужой, мрачной стране. Комендант происходил из старинной, очень воспитанной семьи, сохранившей перед фамилией приставку «фон», и мечтал в свое время о научной карьере. Увы, в жизни не все складывается так, как нам хочется. Нацисты на первых порах шокировали его своей плебейской наглостью, но, в конце концов, идет великая война, решается судьба человечества, и каждый честный немец обязан выполнить свой долг.

Если немецкий народ доверил свое будущее Гитлеру, то не его, рядового офицера, дело осуждать этот выбор. Он служит своей родине. А ей, видит бог, нелегко.

И ему, коменданту, тоже нелегко. Так почему же не взять в комендатуру девушку, которая говорит немного по-немецки и сносно печатает на машинке. Пожалуй, после победы он поможет ей вернуться домой, в Киев, где остались старики родители, всей душой преданные «новому порядку». Комендант даже подарил как-то фрейлейн красивую розу и прочитал маленькое французское стихотворение.

Этот интеллигентный офицер не подозревал, что за год до войны Роза окончила курсы радистов Осоавиахима, а сейчас связана с партизанским подпольем. Ночью с самолета в расположении партизанского отряда сбросили рацию. Центр хотел знать, когда и какие эшелоны проходят через Береговое.

Рацию эту добродушного вида украинец в соломенной шляпе привез на скрипучей арбе под ворохом свежего сена прямо к хозяйке Розы. Спрятали рацию в погреб, в пустой кадке, завалив всякой всячиной. А застрявший у партизан раненый лейтенант-связист скоро убедился, что Роза ученица толковая.

И вот над перепаханной танковыми гусеницами, выжженной снарядами и солнцем степью понеслись точки-тире морзянки, а за линией фронта в маленьком домике с полевой антенной сержант с треугольничками в петлицах диагоналевой, довоенного покроя гимнастерки каждую ночь, прислушиваясь к писку в наушниках, записывал на листке из блокнота огрызком карандаша:

«Сегодня в направлении фронта прошли три эшелона с пехотным полком, командует подполковник Штаубе. 1500 солдат усилены противотанковыми батареями».

«Вчера через Береговое на фронт проследовали два эшелона пехоты. Петлицы черные. Видимо, эсэсовская бригада».

«Через Береговое прошел эшелон с ранеными. Место назначения выяснить пока не удалось».

Не все вражеские эшелоны доходили до фронта. Часто встречали их вынырнувшие из облаков советские штурмовики, и тогда в ужасе прижимались к горячей земле обезумевшие гитлеровцы, и коржились, вставая на дыбы, вагоны, и валились с опрокинутых платформ зеленые танки...

Конечно, немцы понимали, что налеты эти не случайны. Специальные части, отозванные с фронта, прочесывали балки и левады в поисках партизан, но, казалось, никто не подозревал неприметную девушку из железнодорожной комендатуры.

Пришли к ней неожиданно.

— Фрейлейн Роза?

— Да, я.

— Господин комендант прислал за вами машину. Есть срочная работа.

А когда она открыла дверь, железные пальцы сжали ей запястье и вывернули руку за спину. Двое солдат пошли прямо в погреб.

Она не отрицала ничего. Просто молчала. На один из допросов пришел комендант, но долго смотреть не смог. Ушел к себе, достал из ящика стола бутылку коньяка и сидел, думал. Из-за этой девчонки его отправляли на фронт. Но он не испытывал к ней злобы — она получила по заслугам. Он думал о Германии, которую история свела с таким страшным противником. Думал о том, что на фронте ему предстоит выполнить свой долг и смыть вину.

И он выполнил... Труп его пролежал в степи до весны, а когда снег стаял и поля стали очищать от всего, чем забросала их война, собрали и эти смерзшиеся за зиму останки в тонких зеленых шинелях и свезли в общую яму, и женщины в распахнутых стеганках, прикидывая их комями размякшего чернозема, говорили между собой:

— Ну и работа, прости господи... Разве ж это женское дело?

— А что поделаешь, милая? На весь хутор три мужика осталось, да и те увечные...

...Но об этом уже Брусков не знал, да и судьба коменданта беспокоила его меньше всего. Ему хотелось побольше узнать о Розе.

С Майкой они договорились встретиться после смены, но Валерий решил времени зря не терять и зайти прямо в цех, потому что в своем очерке собирался писать и о Майке, причем показать ее разносторонне.

Нельзя сказать, чтобы он понимал все, что происходило вокруг на комбинате. Да и попробуй пойми, как и что делается в этих горячих и мокрых больших ма-

шинах, протянувшихся на сотни метров, где твердые коричневые плиты то превращаются в кипящую желтую жидкость, то в белые сухие ватные хлопья, а то прямо из жидкости, из этого булькающего месива с резким, ядовитым запахом, вдруг вытягиваются и мчатся по воздуху блестящие нити и наматываются на стремительно вращающиеся металлические катушки. А катушки эти какими-то совершенно фокусническими, моментальными движениями меняют молоденькие девчонки в комбинезонах.

Майя тоже была в комбинезоне. Здесь, на работе, она не казалась робкой и неуверенной.

— Сейчас, я переоденусь только.

Идти они собирались в заводской Дворец культуры. Там комсомольцы организовали небольшой музей.

— Просто комната одна, но там все собрано. Вот сами посмотрите, — говорила Майя, пока они шли широкой улицей, что тянулась от проходной комбината до самой центральной площади.

Клуб был виден издали — большой, серый, похожий на многоногого слона.

— Хороший у нас Дворец культуры, правда? Как в большом городе.

Брусков промолчал. Он предпочел бы здание полегче.

Народу в клубе оказалось в это время немного. Какой-то кружковец уныло пикировал на гармошке. Пусто было и в комнате, которая называлась «Музей памяти героев-подпольщиков г. Береговое периода Великой Отечественной войны». Майя подвела Валерия к фотографии молоденькой женщины со вздернутым носом и с длинными, как тогда носили, падающими на плечи волосами.

— Вот это Роза, — сказала она с гордостью.

Валерий осмотрелся.

— А это мы все с ребятами разыскали, — поясняла девушка. — Вещи видите? И сумочка ее, и осоавиахимовский билет. У хозяйки на квартире нашлись. Хозяйку в концлагерь выслали, но она вернулась после войны. А Розу повесили.

Брусков вздохнул невольно:

— Кто же их выдал?

— Не знаю. Партизанскую группу, с которой Роза была связана, тоже разгромили.

— Жаль, — пробормотал Валерий, думая о том, как же объяснить в очерке арест Розы.

— А теперь я вам самое интересное расскажу.

— Расскажите. У вас все время есть в запасе «самое интересное».

— Нет, это правда интересно, как у людей жизнь складывается.

— Как же?

— Сын Розы нашелся.

Она, конечно, рассчитывала удивить Брускова, но тот и глазом не повел. Он уже забыл о том, что Роза ждала сына.

— Какой сын?

— Да тот, что здесь родился, в Береговом. Без отца уже.

— А он исчезал разве?

Майя глянула с укоризной:

— Ну да. Роза же очень боялась за него, если ее схватят. Поэтому, когда малышу годик сравнялся, его переправили в одну семью на дальний хутор. Лейтенант-связист, что Розу учил, отвез. У него там родня жила. И получилась такая история, что не придумаешь. Эти люди погибли от бомбежки, а мальчика лейтенант, когда наши пришли, передал в какой-то детский дом. И сам тоже погиб. И никто не знал, чей это мальчик. И все потому, что Розы-то фамилия была Ковальчук, а мальчик носил отцовскую — Стояновский.

Фамилия эта, которую Брусков услышал впервые от Козельского, обрушилась на Валерия так неожиданно, что он буквально ошалел, даже в лице переменялся.

— Как вы сказали? Как фамилия?

— Да Стояновский. Что это вы так?

Брусков понял, что кажется ей немножко ненормальным, и попытался взять себя в руки.

— Ничего. Ничего. Знакомая фамилия просто.

И подумал: «Неужели совпадение?»

— Как зовут Стояновского?

— Борис.

— Рыжий?

— Да, рыженький.

Валерий почувствовал себя как Шерлок Холмс, нащупавший в гусином зобе голубой карбункул.

— Расскажите мне, пожалуйста, Майя, все, что вы о нем знаете.

Он уже видел себя где-то наверху, на пирамиде какой-то, а внизу стоял беспомощный, неожиданно исчезнувший из Берегового лейтенант Козельский и жалким голосом умолял рассказать о Стояновском. Но он прервал это сладкое видение, чтобы выслушать девушку.

Она встретила с Борисом Стояновским в этом же музее несколько дней назад и сразу обратила на него внимание. И не только потому, что посетителей было немного, а местных всех она знала наперечет. Нет, Майя сразу почувствовала, что человек этот не случайный. Так смотрел он на все, что собрано в комнате... И Майя не выдержала, спросила:

— Вы тоже интересуетесь подпольщиками?

Он взглянул на нее и ответил не сразу, слегка заикаясь:

— Это... это... — Он дотронулся пальцем до портрета Розы. — Я ее сын. Только я не знал... Мне сказали.

Кто сказал Борису о его матери, девушка даже не спросила — так поразил ее сам факт появления сына Розы Ковальчук. Она вообще ничего не спрашивала. Спрашивал он.

— Мы долго-долго разговаривали, он все расспрашивал и бумаги все перечитал, и даже в гостиницу их брал с собой.

— Какие бумаги?

— Да вот эти. Тут на машинке из газеты перепечатано. Весь процесс, когда фашистских палачей судили

после освобождения. Там и про Розу написано. А потом он поехал в оранжерею, купил белые цветы, очень красивые, и отнес к памятнику. И еще он сказал, что обязательно придет сюда после отпуска и вообще будет часто приезжать, — закончила Майя.

Пока она рассказывала, Брусков успокоился. Даже величия поубавилось. Просто радостно стало.

— Майя, — проговорил он искренне. — Золотой вы человек! И стихи у вас прекрасные. Мы их обязательно напечатает.

— Да ну их, стихи эти! Вы про Розу напишите.

— Напишу, Маечка, напишу. Вы мне свой отчет, пожалуйста, дайте тоже. Тот, что из газеты перепечатан. Я его использую в очерке. Здорово все это складывается. А Борис не говорил, куда едет?

— В Крым, в Ялту сначала, а потом по побережью.

— А может, он домой вернулся?

— Нет, нет, на юг поехал. Я его провожала.

Еще одна идея осенила Брускова:

— Майя. Послушайте. Вы не помните, какой у него был чемодан? Желтый такой? Новый?

Вообще-то подсказывать ответы в таких случаях не полагается. Но Брусков не был профессионалом. Да и Майя на уговоры не поддавалась.

— Никакого чемодана у него не было. Зачем ему чемодан в путешествии? Он с рюкзаком поехал.

IX.

Ребята подсмеивались над Козельским:

— Если ты, Вадья, парень сознательный, то должен написать заявление.

— Какое еще заявление?

— Так и так, прошу считать мою командировку в счет положенного отпуска. Ведь на курорт едешь, счастливчик!

— Да ну вас, черти!

Основная трудность заключалась в том, что ни Мазин, ни Козельский не знали, когда именно решил Кравчук ехать в Тригорск. А может, он туда и не собирается? Тогда чемодан в шотландскую клетку придется распаковать. Но пока он оставался наготове.

И вот сообщение работника, который вел наблюдение: «Вышел из дому с вещами».

Потом второе: «Взял такси, направляется в сторону аэропорта».

Мазин только кивнул:

— Ну, Вадим, как говорится, с богом. Вы знаете, что делать.

В машине уже лейтенант получил по радио третье сообщение:

«Такси вышло на Аэрофлотское шоссе».

Он положил руку на локоть шофера:

— Темп, Витя.

Прибавили ходу. В аэропорту Козельский подошел к человеку, что стоял у входа в кассовый зал и старался выжать из красного ящика-автомата стаканчик газировки. Вадим достал три копейки.

— Порядок, — услышал он. — Подшефный берет билет. Второй для тебя. Кассирша в курсе. Полетите, как неразлучные друзья.

Сотрудник отошел, а Козельский не спеша выпил теплую воду и направился в зал. Борода Кравчука темнела рядом с окошком кассы. Вадим присел на диван и достал из кармана газету. Парень, который вел наблюдение, исчез из зала на несколько минут, потом появился и присел рядом с лейтенантом.

Козельский спросил:

— У вас спички не найдется?

Тот протянул коробок:

— Берите, берите, у меня еще есть.

— Спасибо.

Вадим приоткрыл коробок и увидел свернутый билет. Он опустил спички в карман. Операция «Нарзан», как шутливо называл его поездку Мазин, началась.

Пошутил он так, впрочем, под самый конец, когда уже сказал Козельскому все, что нужно было сказать. Пошутил и подвел итог:

— Задача ваша, Вадик, может оказаться и простой и сложной. Вернее, она может в любой момент резко усложниться. Это первое. А второе вот что. Кроме наблюдения за Кравчуком, я дам вам еще одно поручение. Вы помните о письме Дубининой?

— В котором не было ничего особенного?

— К сожалению. Поэтому узнайте об этой женщине как можно больше.

Козельский хотел что-то сказать, но Мазин остановил его:

— Вадим, вы умудряетесь совмещать исполнительность со склонностью к увлечениям. Временно эту склонность сдерживайте. Вам потребуется прежде всего исполнительность. — Он подождал, пока лейтенант поймет его мысль, и закончил: — Разумеется, максимум внимания Кравчуку. Сейчас он для нас фигура номер один. Ведь мы так и не выяснили, где он был в день убийства. Во всяком случае, не в Москве. Постарайтесь познакомиться с ним. Так вам будет легче.

Эти слова Козельский вспомнил, когда стремительный лайнер, незаметно превратившийся из чуда в средство передвижения, покатился по взлетной полосе навстречу зеленой весенней степи. Потом степь отделилась от самолета и оказалась уже не впереди, а по бокам и внизу, все ниже и ниже.

Козельский повернулся к сидящему рядом Кравчуку:

— Отличная машина.

Тот ответил кратко:

— Сначала нужно долететь.

Для Козельского эти слова прозвучали почти как признание вины. Ему казалось, что каждый преступник суеверен

Кравчук между тем вытащил из-под чемоданного ремня журнал и развернул на последней странице. В руках его появился карандаш и большой, с красной ручкой, заграничный нож. Открыл он его, нажав на какую-то пружину, и начал широким блестящим лезвием подтачивать маленький карандаш. Козельский с интересом посматривал, как огромные руки Кравчука ловко справляются с этой хрупкой работой.

«Прямо секретарша», — подумал Вадим неприязненно. Нож в руках Кравчука слегка действовал ему на нервы.

Наконец геолог закончил, аккуратно ссыпал стружку в пепельницу и принялся за кроссворд. Он быстро, почти не задумываясь, заполнял строчку за строчкой, причем шел не от найденных уже слов, а прямо подряд, номер за номером, сначала все по горизонтали. Загвоздка наступила на цифре семнадцать. Козельский прочитал, скосив глаза, — «косвенное доказательство вины».

Кравчук ткнул себя карандашом в подбородок. Разноцветная палочка утонула в густой бороде.

— Улика, — назвал Козельский машинально.

Геолог подсчитал буквы, дотрагиваясь до клеток кончиком карандаша.

— Верно. Не сообразил.

— Всегда что-нибудь не угадаешь. Я еще ни одного кроссворда не добил до конца.

— У меня были. Мы в партии соревновались. Попадется старый журнал... Я геолог. А вы?

— Я химик.

— Химик?

Козельский уловил недоверие в голосе геолога.

— Да, второй год работаю. После института.

— И нравится? Химия?

— Конечно, — ответил Вадим. — Почему бы и нет?

— Воздуха мало. Отрава одна.

— Вот и еду подышать, в отпуск.

Кравчук, кажется, больше не сомневался, и Вадим остался доволен завязавшимся разговором. Он не собирался расспрашивать Кравчука. Пока нужно было лишь познакомиться, чтобы иметь возможность встречаться в Тригорске. Да и говорить-то было особенно некогда — весь полет занял меньше часа.

— Я тоже на отдых, — сказал геолог. — Нужно квартиру подыскать. Жена придет. Домов отдыха не люблю. Диким лучше. Свободней. Сейчас с квартирами легко. Весна. Вот летом попробуй.

Вадим поддержал его:

— Месяц и я на одном месте не выдерживаю. Поэтому определенными планами себя не связываю. Пока приятель помог достать номер в гостинице.

— Если один, что связывать. А у меня жена.

В прозрачном синем небе рельефно прочертилась снежная гряда на горизонте, и совсем близко, прямо среди равнины, выросли отдельные, похожие на сахарные головы горы. Одна голза, пониже, стояла со сложенной верхушкой. Вместо нее торчали три скалистых обломка, а у подножия их — маленький зеленый городок. Это и был Тригорск.

Они сели в микроавтобус — маршрутное такси и покатали в город, вдыхая особенный здешний воздух, словно составленный из острых, покалывавших легкие холодных кристалликов, лопавшихся внутри, как пу-

зырьки шампанского. От воздуха этого Козельскому стало весело и не верилось, что черный, мрачноватый Кравчук, возможно, убийца и опасный преступник.

Распрощались они у Цветника — яркого бульвара, обсаженного жесткими вечнозелеными кустарниками. Здесь был центр, гуляли отдыхающие и пили целебную и неприятную на вкус воду из плоских голубых кружек.

— Ну, счастливо найти подходящую квартиру, — пожелал Козельский. — Я, между прочим, в «Эльбрусе» буду.

— Прекрасно. Возможно, увидимся.

— Почему бы и нет? Пока супруга не приехала, вы ведь холостяк.

Кравчук вроде бы улыбнулся.

— Заходите в гостиницу, если скучно будет. Моя фамилия Козельский.

Он протянул Кравчуку руку и поднялся в вестибюль, отметив мельком, что парень в ковбойке, ехавший с ним в автобусе, направился в противоположную сторону.

В заказанном для лейтенанта номере у окна, выходящего на Цветник, сидел в кресле человек лет тридцати пяти в костюме спортивного покрою.

— Лейтенант Козельский? Я капитан Волоков. Мне звонил Игорь Николаевич.

— Ясно. Это ваш парень в ковбойке?

— Наш. Кравчук пошел в квартбюро?

— Да. Так сказал.

— Хорошо. Юра его проводит. Мы там подобрали два-три подходящих адреса. Пусть устраивается. Какое он на вас произвел впечатление?

— Быку шею свернуть может.

— Здоровый мужчина, ничего не скажешь. Вас, кажется, еще Дубинина интересует?

— Дубинина тоже.

— Личность любопытная.

Капитан отодвинул штору.

— Видите, там, на горке, домик в псевдоготическом стиле?

— Вижу. Санаторий?

— Санаторий. Сейчас. Шахтерский. А до революции принадлежал папаше этой Дубининой. Был такой предприниматель от медицины.

— Где же он теперь?

— Ну, теперь... Там, где медицина уже не требуется, я думаю. Дочке-то под пятьдесят. Впрочем, о папаше у нас сведений никаких нет. Ушел в свое время с белыми. Вот и все.

— И дочку бросил?

— Представьте себе. Дочка с матерью осталась. Мать умерла в пятьдесят четвертом году. Здесь и похоронена, на местном кладбище. Сама Валентина перед войной в пединституте училась. Это перед войной. А вот в войну... нехорошо вышло. Переводчицей в городской управе работала при немцах.

Капитан Волоков прошелся по номеру, и Козельский заметил, что через его светлые волосы пробивается лы-

сина. Как бы поймав взгляд лейтенанта, Волоков пригладил рукой макушку.

— Но есть и смягчающие моменты. Отказалась от санатория, который предлагали возратить ей оккупационные власти. Помогала кое-кому из местных жителей, когда шла массовая отправка в Германию. В общем, вела себя двойственно. Но была осуждена. Вернулась в пятьдесят шестом. С тех пор живет в материнском домике. Ни в чем не замечалась. Иногда пьет. Но всегда одна и тихо.

Козельский подумал, что Дубинина знает Укладникова по ссылке.

— Спасибо. Без вашей помощи я тут ничего не сделаю.

Волоков воспринял эти слова как должное.

— Вы к нам, конечно, не ходите. Связь будем держать по телефону, и я захаживать буду. Думаю, что Игорь Николаевич в обиде не останется. Я с ним работал немножко.

Простились они довольные друг другом. Козельский стянул пропотевшую рубашку и пошел принимать душ. В коридоре заманчивая блондинка с соломенной сумкой осмотрела его довольно внимательно.

«Курорт», — вспомнил Вадим насмешки товарищей, но не выдержал и оглянулся. Сзади блондинка показала ему еще лучше.

В уголовный розыск Козельский попал не сразу. В школе он мечтал о химическом факультете. Учительница говорила: «Химия — это единственная наука, которая все может сделать из воздуха». И демонстрировала чудеса в пробирках. Но на вступительных экзаменах ему не хватило того единственного балла, без которого... Короче, в ожидании лучших времен пришлось пойти на завод. А там никаких чудес не было. Просто делали краску, да еще такую, что покупатели присылали директору недобрые письма.

Вечерами Вадим дежурил в дружине. Дежурил потому, что нужно было. Ходили по улицам, иногда уговаривали какого-нибудь пьяного дурака не ругаться громко. А так больше анекдоты травили.

Однажды они сидели в районном отделе, ждали, куда пошлют, перешучивались. На столе дежурного затахтел телефон, и кто-то, не назвавший себя, пробормотал впопыхах:

— В ресторане «Кавказ» в малом зале под фикусом парень в болгарском свитере. Так у него пистолет под пиджаком...

Трубку повесили.

Дежурный махнул рукой.

— Каждый день такие хохмы. Но все-таки придется вам смотреть туда, хлопцы. На всякий случай.

Лейтенант, с которым они поехали, тоже был уверен, что это очередной розыгрыш, но оказалось, что был это совсем не розыгрыш.

Треснул внезапно выстрел, и остановился, будто ткнувшись в стену, лейтенант, и замерли обомлевшие

ребята, а бандит метнулся в подворотню и исчез. Да его и не ловил никто — не ожидали они этого выстрела. И когда Вадим стоял, окаменев, в бледном, голубом пятне света, падавшем из окна ресторана, он не знал еще, что выбор его определился.

Но прошло еще почти четыре года, три из которых в пограничном гарнизоне, пока вошел он в кабинет Мазина, и тот, поглядев Вадимовы бумаги, спросил:

— К нам, значит?

— Так точно.

— Не боитесь?

— Да нет вроде.

— Все сначала не боялся.

Вадим вспомнил мокрую улицу, выстрел, стеганувший из тишины, капли пота на лбу умирающего лейтенанта, который тоже не боялся.

— Я знаю.

— Это хорошо, если знаете. Но знать мало. Помнить все время нужно. И думать тоже... Вы думать любите?

Козельский смутился:

— Да разве ж про себя так скажешь?

— А почему бы и нет? Попробуйте.

Мазин интересовал не сам ответ, а то, как он будет сказан.

— Ну, что же вы?

— Да вот думаю, что сказать.

Мазин засмеялся:

— Ладно. Думайте.

Освеженный и отдохнувший, Козельский вышел из гостиницы, когда до вечера оставалось еще часа два. Он решил прогуляться на Лермонтовскую, где жила Дубинина.

В маленьком, усаженном цветами дворике сухопарая женщина с гладко зачесанными седыми волосами и тонкими, поджатыми губами подстригала садовыми ножницами кусты.

— Не скажете, как пройти к Цветнику?

Женщина подошла к невысокому заборчику и посмотрела на Вадима неприветливыми светлыми глазами.

— Пройдите два квартала, сверните направо.

Это прозвучало точно и сухо.

— Благодарю вас.

— Пожалуйста.

Так он и сделал. Прошел два квартала и свернул вниз по бульварчику, вливавшемуся в Цветник, когда на одной из туфель у него развязался шнурок. Лейтенант присел на скамейку. А когда поднял голову, покончив со шнурками, то увидел Кравчука.

Геолог шел по противоположной стороне бульвара, но не вниз, а вверх, шел довольно быстро, глядя прямо перед собой. Потому он и не заметил сидящего Козельского.

«А городок-то узковат», — Вадим проводил взглядом своего «подшефного». Тот дошел до перекрестка и свернул на Лермонтовскую. Парня в ковбойке не было видно. «Может, это и верно, не нужно быть навязчивым», — подумал Вадим и пошел снова вниз к Цветнику. Там, по его мнению, могла находиться блондинка, одинаково привлекательная со всех сторон.

Блондинку в этот вечер он не нашел, а на другой день ему уже было не до нее.

Разбудил лейтенанта телефонный звонок.

— Козельский?

— Я. Кто это?

— Волоков. Ночью умерла Дубинина.

— Что? Да она ж вчера была жива и здорова.

— Вчера была, а сегодня нет. Отравилась газом.

— Случайно?

— Пока решить трудно. Можно предполагать самоубийство.

— Курорт, — сказал Вадим, кладя трубку.

Х.

Мазин был не так уж не прав, когда в разговоре с Аллочкой назвал «кожаного» дураком. Но бывает, что и дуракам приходят в голову удачные мысли. Особенно когда их подхлестывает злоба. А «кожаный» и был из таких злобных дураков, потому что, будь он поумнее, он давно догадался бы, что разыскивать Эдика не следует, а следует даже, наобо-

рот, радоваться его исчезновению. Но, кроме злобы, «кожаного» вела жадность. Когда же злоба и алчность соединяются в таких людях, те уже не в состоянии осмотреться по сторонам, а самые «умные» идеи, которые приходят им в это время в голову, ведут только к гибели и их самих, и других людей.

Ошибка же Мазина заключалась в том, что он считал путь этот довольно длинным, и предполагал, что есть еще время пересечь его. Это была ошибка, но не вина. Виновата была Аллочка, которая скрыла главное. Главное и еще одну мелочь. Впрочем, мелочей в подобных историях не бывает. Знай Мазин эту мелочь, главное открылось бы ему почти наверняка. Но он поверил Аллочке, когда она сказала, что живет в общежитии. А это было правдой лишь частично. И «кожаный» имел на этот счет более точные сведения. Поэтому, когда он зашел в общежитие, его ничуть не удивил ответ вахтера:

— Нету ее.

Вахтер, седоусый старик в наглухо застегнутом толстом черном френче, сидел за своим столиком и пил крепко заваренный чай.

— Я знаю, где она? Я ей не сторож. Я за общежитие в ответе, за народную собственность, а за девчонками пусть воспитатели смотрят. А ты кто такой, что ее спрашиваешь?

— Брат я, папаша, двоюродный.

— Бра-а-ат... — протянул дед подозрительно. — Знаем мы вашего брата! Хорошо еще, если в загс позовет, а то и под куст в парке.

— Ну, ты это, дед, брось! Тебе толком говорят: брат я. Ждать мне некогда: проездом я, понял? Где ее комната? Записку я Алке оставляю.

Вахтер посмотрел на шоферскую куртку и загорелое лицо «кожаного» и уступил. Через несколько минут тот разговаривал с Катей, что жила вместе с Аллочкой. Но говорил он уже другое:

— Вот что, сестренка, от Эдика я. Знаешь такого? С Аллой поговорить нужно вот так... — Он провел ребром ладони по толстой шее.

«Кожаному» и в голову не пришло, что Аллочка могла не довериться подруге. Он в такие тонкости не вдавался и оказался прав. Но хотя точного адреса заболевшей тетки, у которой последние дни ночевала Ал-

лочка, Катя не знала, все же помнила улицу и ближайшую трамвайную остановку: с год назад они заходили к этой тетке вместе.

Сведения эти «кожаного» вполне устраивали. Он вышел из общежития веселый, сел в машину, потому что действительно был шофером, и погнал на Казахстанскую. Улица эта находилась в районе частной застройки, и соседи тут хорошо знали друг друга.

— Мамаша! — «Кожаный» остановился возле скамейки, где две немолодые женщины лузгали семечки. — Где Козловых дом будет?

— А вон, сынок, с голубыми ставнями.

— Спасибо, — сказал «кожаный» и поднял боковое стекло.

Мимо флигеля с голубыми ставнями он проехал не спеша, так что успел прочитать на воротах фамилию домовладельцев.

— Ну, ты глянь, вот бестолковый парень! Мимо проехал! — посетовали тетки на скамейке.

Преследуя Аллочку, «кожаный», как и Мазин, думал, что Эдик унес ноги подальше и переписывается с ней на теткин адрес.

Однако дело обстояло иначе.

Поговорив с Мазиним, Аллочка села в трамвай и, убедившись, что за ней больше никто не следит, попыталась обдумать происходящее. Было это нелегко, но кое-что ей удалось. Во всяком случае, с трамвая она сошла спокойная и решительная. В ближайшем магазине купила бутылку водки, две пачки дорогих папирос и банку шпрот, положила в сумку и с покупками направилась на Казахстанскую.

Собака за забором загремела было цепью, но, узнав Аллочку, притихла. Калитку открыла тетка.

— Здравствуйте, детя Даша. Ну, как тут у вас?

— Да все так же.

Тетка выглядела не столько больной, сколько недовольной. Говорить она больше ничего не стала, а молча повернулась и зашлепала задниками стоптанных туфель по дорожке, что вела к дому. Аллочка направилась следом, но не в дом, а обошла его и постучала в маленькую дверку легкой пристройки — не то сарая, не то летней кухни.

— Ты, что ли? — слышался хриплый голос.

Звякнула щеколда, и Аллочка оказалась в помеще-

нии с окнами, прикрытыми ставнями. Здесь, рядом со столярным верстаком, стояла железная койка. Человек, открывший дверь, тут же улегся на смятую постель. Наверно, и Мазин не сразу узнал бы в нем Эдика Семенистого.

В этом Эдике не было ни малейшего лоска. Вместо модных полубачек — небритая, взлохмаченная щетина, осунувшееся, побледневшее лицо. Даже колечко уже не поблескивало, а как-то пожухло и болталось на похуевшем пальце с нестриженным, грязным ногтем.

— Водки принесла? — спросил Эдик тускло. Чувствовалось, что вопрос этот задает он не впервые, но на положительный ответ не надеется.

— Принесла.

Эдик приподнялся недоверчиво. Алла достала бутылку, папиросы и шпроты, поставила на верстак.

— Сейчас у тетки возьму поесть.

— Не надо. Я не голодный. Ничего не надо.

Выпил он жадно, отдышался, взял одну рыбку, пожевал.

— Вроде полегчало, — сказал удовлетворенно. — Выпьешь со мной?

Алла покачала головой:

— Мне на нее смотреть противно.

— С каких это пор?

— С нынешних. И тебе в бутылку заглядывать нечего.

— Ну-ну... Командуешь! Думаешь, как посадила меня в эту конуру, так я уже в подчинении у тебя? От такой жизни денатурату напьешься, не то что «белой головки».

— Не я тебя сюда посадила, а глупость твоя.

— Знаешь...

— Ладно, не психуй! Послушай-ка, что я тебе скажу.

— Еще что-нибудь на мою голову выдумала?

— Я сейчас с Мазиним разговаривала. Помнишь такого?

Эдик отставил стакан:

— Заложила?

— Дурак! Сам он меня нашел.

— Да тебя-то он откуда знает?

— Он, по-моему, все знает. Кроме того, что ты здесь сидишь. Думает, уехал, а я знаю куда.

— Ну, а ты что?

— Да ничего. Сказала, если напишешь — сообщу. Семенистый улыбнулся:

— Правильно. Ты голова все-таки.

— Эдик! Ты меня любишь?

Он потер кулаком небритую щеку:

— Сейчас до этого разве?

Аллочка поднялась с табурета:

— Значит, не до этого? А я, дура, прячу тебя, сама рискую, тетку подвожу, старую женщину. Из-за кого? Из-за такой свиньи!

— Алка! Подожди, подожди! Ты ж знаешь! Если б я... Я бы сам тут не сидел. В Сибирь бы подался. А то заперся, как дезертир какой. Из-за тебя же. Сама знаешь. Думаешь, мне легко? Нервы все натянулись. Видишь, аж пальцы дрожат.

— От водки они у тебя дрожат.

— А пью с чего, думаешь? Сладкая она? Будь она проклята!

Семенистый со злостью стукнул по столу, схватил со стола недопитую бутылку и швырнул ее в угол сарая, на стружки.

У Аллы по щекам побежали слезы:

— Что же нам делать, Эдик?

— Говорил я, что делать! В Сибирь, на стройку по-даваться.

— Да найдут и там.

— Ну, лучше придумай.

— Эдик, а что, если к Мазину сходить?

— Тронулась?

Алла быстро смахнула со щек слезы, села на кровать рядом, заговорила горячо:

— Эдик, ну послушай, Эдик! Ведь не скроешься же. За мной Лешка по пятам ходит. Сегодня парня какого-то подослал. Лучше уж Мазину открыться. Расскажешь все как было.

— Суку хочешь из меня сделать?

— А кого ты жалеешь? Они ж тебе мстить хотят!

— Ничего мне мстить! Не виноват я перед ними.

— Да не верят же они тебе! Найдут — зарезать могут! Лучше к Мазину попасть, чем к ним.

Семенистый стукнул кулаком по верстаку:

— Дура дремучая! Да Мазин, ты понимаешь, чего за мной ходит? Понимаешь? Думаешь, Мазину эта ме-

лочевка нужна? Мазин мне вышку строит! Слыхала такое слово? Знаешь, что за убийство полагается?

— Но не ты ж убил.

— А докажет кто?

— Я там была!

— Ты! Это тоже доказать нужно. Никто тебя не видел.

— Все равно, Мазин разберется. Я ему верю! Он хороший!

— Ух дура, вот дура! Для того он и хороший, чтоб таких соплячек, как ты, на крючок ловить. Думаешь, они там правду ищут? У них свой план есть, свой про-

цент. Шлепнули — и точка. Значит, открыли, значит, хорошо работают. А я им по всем статьям подхожу.

— Ну, что же делать-то, Эдик?

— Уеду я. И ты со мной. После.

— И всю жизнь дрожать от страха?

— Чего там, всю жизнь! Меня не найдут — другого попутают. Им бы галочку поставить. Вот и конец делу.

— А Лешка? Я их еще больше боюсь. И зачем ты в этот шкаф полез!

А Лешка и «кожаный» сидели в это время в пивной на набережной. «Кожаный» был в настроении: рассказывал, как нашел Аллочкину тетку, и похихатывал, до-

вольно сплевывая на пыльный пол. Под мраморным столиком стояла пустая четвертинка.

— Ну баба — умора, я тебе скажу! «Вон он, сынок, вон он, с голубыми ставнями!» — повторял он со смехом и дышал на Лешку луком и водочным перегаром.

На рукав «кожаного» сел комар. Он хлопнул ладонью, стряхнул раздавленного комара, и лицо его стало злобным.

— Вот так я и эту тварь прихлопну, семенистую. Вся икра с него потечет.

Лешка смотрел и молчал, наморщив низкий лоб.

— Ну, чего молчишь?

— Нужно ж его найти.

— Я его, гниду, на Кушке разыщу. По копейке все с него выдавлю.

— Нам его трогать не нужно.

— Как не нужно? А деньги?

— Деньги теперь с него черта с два получишь. Плакали наши денежки. Но он нам заплатит, дорого заплатит!

— Ясней говори, не темни.

Лешка нагнулся поближе:

— Нужно его найти и про старичка шепнуть куда следует. «Не там, граждане сыщики, убийцу ищите». Короче, общественность помогла обезвредить опасного преступника. Уразумел?

— Ха-ха! Это неплохо! Сам придумал?

— «Хозяин» подсказал. Мы так двух зайцев прикончим. И за денежки расквитаемся, и легавых от себя отведем.

— Неплохо было б. Может, по стакану вина за такое дело?

— И так намешали.

— Все одно к одному. Эй, родимая, красненького два по двести!

Выпили, поморщились, заели редиской, взялись за пиво.

— Завтра про тетку «хозяину» расскажу.

— Завтра? Точно. Слушай, а может, нам сейчас к ней наведаться?

— Зачем? За гланды подержать?

— Ни-ни! Ни в коем случае! Потолкуем культурненько. Пришли к вам, мамаша, от чистого сердца.

На неправильный путь племянница ваша встала, с опасным человеком связалась, спасти девочку нужно.

— Ну, ты даешь!

— Чего «даешь»? Может, она нам адресок и выложит. Тогда с «хозяином» совсем другой разговор получится. Толково придумано?

— Выпили мы много...

— Прямо! Да я сейчас могу машину по всему центру провестти, ни один «оруд» не свистнет. И ты в норме.

— Я-то в норме. А запах?

— Тю, запах! Его, знаешь, сухой чай снимает. Зайдем сейчас в «Гастроном», купим пачку.

— Жалко деньги переводить.

— Да я сам куплю.

— Ну давай.

— Любезная, уходим мы, получи за горячее.

Эдик укладывался.

Был он из тех людей, что решения принимают быстро. И не столько от избытка решительности, сколько из упрямства. Перечить ему было бесполезно. Зато натолкнуть на мысль, внушить, что это его собственная мысль, а на самом деле навязать, что ему и в голову не приходило, — такое с ним проделывали. И Аллочка тоже. Но на этот раз он взбунтовался, а ей уже было не до хитростей. Слишком затянулась эта передрыга, в которую попали они так неожиданно.

И не верилось уже, что совсем недавно летели веселые деньки и вечера в ресторанах, где Эдик чувствовал себя как рыба в воде, умел потолковать с официантом, заказать музыку и даже не напиться, как другие, до неприличия. Аллочке тогда все подружки завидовали. А теперь? Грязный сарай, подпольная жизнь и совсем другой Эдик — крикливый, злой, капризный, а главное — жалкий, похожий на издерганную, раздражительную бабу...

А она еще любит его, дура такая. Любит, потому что, несмотря на модную челку, она обыкновенная и очень неплохая девчонка, которая хоть и не прочь повеселиться, но меру знает и хочет, чтобы все было хорошо и чтобы замуж выйти и детей нарожать. А для этого Эдик ей на свободе нужен, не в тюрьме, и вообще она никак не может его бросить, раз она его лю-

бит. Потому и водки купила, и Мазина обманула, и прячет его, не хочет, чтоб он уехал.

А Эдик?

Странно складывалась его жизнь, хотя вроде бы ничего странного в ней и не было. Просто несли его какие-то волны, а он не барахтался. И даже был доволен, покачивался на волнах, как курортник в Сочи, и не заметил, что утянуло за красный бакен.

Думать Эдику и в самом деле как-то не приходилось. Сначала им распорядился отец — увез из деревни. В городской школе пришлось трудновато. И хотя Эдик был довольномышленым, особой необходимости в учении не чувствовал. В том кругу, где вращались они с отцом, ценились не знания, не аттестаты, а рубли-копеечки, на которые и домик построить можно, и позволить себе по кружке пива с друзьями. Оказалось, что и Эдику так думать легче. Школу он бросил, пошел добывать собственные рублики. Место попало хорошее, не пыльное — ателье по ремонту бытовых приборов. Чинить электробритвы научился он и без физики. Чинил хорошо, так что благодарственные полтиннички всегда позванивали в кармане. Но он их не копил, легко они приходили и уходили тоже легко. Считал, что жить нужно полегче. Понять смысл — и жить. А смысл простой: сто рублей лучше, чем рубль. Умного человека, дескать, деньги сами находят.

Потом полтинников стало маловато. Перешел на приемники — пошли рубли. Постепенно к деньгам трудным, нелегким он начал относиться свысока, презрительно. Посмеивался над заводскими «работягами», зато стал уважать тех, кто ворочал большими деньгами. И не мог отказать таким людям в небольших услугах — ну, скажем, вещь дефицитную реализовать. Тем более что услуги эти всегда оказывались вознагражденными. Так сошлись они с Лешкой, который к этим людям стоял совсем близко.

Получалось у Эдика все легко, просто. Не думал он ни о каких нарушениях и осложнениях. До тех пор не думал, пока не ударило его крепко. И тогда засел он в теткинском сарае, но и там осмыслить происшедшее толком не смог и решил бежать.

И вот он складывал вещи в небольшой чемоданчик.

— Возьму самое нужное. Остальное ты привезешь.

— Ничего везти я не буду. Не нужно тебе ехать.

— Брось ты, Алка! Все наладится. В Сибирь, говорят, климат здоровый.

Он побрился и вообще привел себя в порядок. Принятое решение вывело его из апатии.

— Не ошибись, Эдик! Мазин сказал, что поздно будет...

— Пускай дураков в другом месте ищет...

Лешка и «кожаный» сошли с трамвая.

— Тут рядом, квартала полтора.

— Постой, давай водички выпьем. От чая весь рот светло.

Они подошли к автомату.

— Вернись, увидел бы я его сейчас, подлюгу, голову б из туловища без штопора вывинтил. Я б его за наши деньги...

— Ладно, ладно! Далеко он отсюда.

На перекрестке было многолюдно. Стрелки часов показывали только половину десятого вечера. Человек пятнадцать ждали трамвая на остановке. У телефонной будки, неподалеку от автоматов с водой, шестнадцатилетний паренек Володька Соловьев ждал, пока наговорится какая-то громкоголосая толстуха. Позднее он рассказывал Мазину:

— Понимаете, стою я и жду. Витьке хотел сказать, что завтра литературы не будет. Элина заболела. Это учительница наша. А толстуха чешет и чешет... Ну что поделаешь? Жду, понятно. Смотрю, подошли двое, воду пьют, пьяные, видно, матерят кого-то. Но я не прислушивался. Вдруг один, в кожанке, другого дерг за руку. «Вот он, сволочь!» — как заорет. И показывает через дорогу. А там парень с чемоданчиком. Как раз под фонарем проходил. Услыхал он их, повернулся. Кажется, хотел убежать, но они быстро наперерез. Посреди улицы встретились. Не той, где трамвай идет, а Казахстанской, асфальтированной. От меня метров пятнадцать. Тот, что пониже, говорит: «Привет, сибирячок! В отпуск приехал?» «Сибирячок» — это я точно запомнил. Они громко говорили. Я, конечно, ничего такого не ожидал, народу полно, не поздно еще. С минуту они потолковали, не понял я о чем, но тот, с чемоданом, будто оправдывался. Вдруг парень в кожанке крикнул: «Знаю я, куда он собрался!» И как даст ему.

Тот и свалился. «Вот это, — думаю, — нокаут!» Тут меньший схватил того, что в кожанке, за рукав, и они пошли по улице. Люди смотрят, ничего не понимают. А я вижу: от того, что лежит, вроде змейка по асфальту побежала. Я к нему, а он и не шевелится...

XI.

Возле домика Дубининой толпились люди, но милиционер не пускал никого дальше калитки. Узнав Волокова, он поднес пальцы к козырьку. Волоков кивнул. Они с Козельским вошли в небольшой двор, где вчера еще живая и здоровая Дубинина подстригала разросшиеся кусты. Через весь двор по земле тянулась толстая проволока с кольцом, за которую крепилась цепь. На этой цепи могла бегать большая мохнатая дворняга, но теперь цепь обмотали вокруг дерева, и собака только рычала из-под будки на незнакомых людей, хозяйничающих во дворе. Лаять, видно, она уже устала.

Домик оказался совсем небольшим: кухонька, в которой пахло какими-то засушенными травами, и одна комната. В комнате, в кресле, сидел медицинский эксперт, молодой парень с институтским значком на пиджаке, и гладил рыжего котенка. Котенок норовил ухватить эксперта лапками за палец. У раскрытого настержь окна, за письменным столом, пристроился следователь. Поминутно стряхивая плохо работающую авто ручку, он выводил на листке бумаги:

«7 мая 196... года я, следователь прокуратуры города Тригорска, юрист 2-го класса Васюченко М. К., в соответствии со ст. 182 УПК РСФСР составил протокол осмотра местонахождения трупа с признаками...»

Поняты — мужчина лет шестидесяти и женщина в косынке, с растрепанными волосами, неожиданно оторванные от каких-то повседневных занятий, пристроились у стенки на стульях.

— Это товарищ Козельский, — коротко бросил собравшимся Волоков. Потом он подошел к кровати, где, накрытая с головой простыней, лежала Дубинина.

Козельский оглядел солнечную комнату со старой

приземистой довоенной мебелью, фотографиями на комоде и столом, накрытым клеенкой, на котором стояли пустая бутылка из-под «Московской», стакан и тарелка.

— Что нового, Матвей Кириллович? — спросил Волоков.

Следователь, не отрываясь от бумаги, пожал плечами:

— Ничего пока.

— А у тебя, Глеб?

— Типичное газовое отравление.

Волоков повернулся к Козельскому:

— Похоже на несчастный случай. Нет никакой записки, вообще приготовлений не заметно. Да и смерть скорее всего наступила во время сна. Так, Глеб?

Эксперт кивнул, не выпуская из рук котенка:

— Да, конечно. После вскрытия можно будет установить время смерти точнее, но, я думаю, не позже двух.

— А откуда шел газ?

— Плитка в кухне.

— Значит, дверь была открыта?

— Да.

— Кто обнаружил труп? — спросил Вадим.

— Соседка.

— Может быть, с ней поговорим?

— Обязательно. Вы, Матвей Кириллович, заканчивайте свое сочинение, а мы еще разок с Алтуфьевой потолкуем.

Козельский с удовольствием вышел на воздух. Лейтенант не считал себя трусом, но трупы действовали на него удручающе.

Соседку одолевали любопытные.

— Разрешите, товарищи! — настойчиво произнес Волоков. — Нам нужно побеседовать с Марией Федоровной.

— Да что ж беседовать-то? Все я вам уже сказала. Она, Валентина, Дубинина то есть, говорит мне вчера: «Пойдем, Маша, завтра на рынок пораньше». А мне картошки нужно было, да и курочку хотела купить. Вот и говорю: «Пойдем!» А сегодня жду — нету ее. Удивилась я, потому что Валентина вставала всегда рано. Смотрю, во дворе не видно, да и окна закрыты. «Вот, думаю, разоспалась, а меня подводит? Ну, решила, ждать не буду, пойду постучу. Если спит, так пусть

спит. Может, выпила с вечера да спит. С ней случалось, хоть и грех говорить про покойницу...

— В котором часу вы решили зайти за Дубининой?

— Семи еще не было. Гляжу, дверь закрыта. Ну, думаю, точно спит. Но на всякий случай стукнула. Дверь болтается — значит, не заперта. Потянула я — открывается. А оттуда газ — мамоньки! Чуть сама не отравилась. Распахнула я двери настежь, кричу: «Валентина, Валентина!» Бросилась окна открывать. Потом вошла, газ выключила.

— Вы сказали, что окна были закрыты. Что вы имеете в виду — ставни или рамы?

— Да все закрыто было. И форточки закрыты, и занавески спущены.

— Любопытно. Дубинина всегда так на ночь закуривалась?

— Что вы! Она и зимой с открытой форточкой спала. Все жаловалась, бывало, что воздуху ей не хватает. Я ей говорю: «Смотри, Валя, не дай бог воруа какой заберется. Одна ведь живешь!» А она: «Меня Рекс в обиду не даст». Рекс — это собака ее.

— И все-таки в этот очень теплый вечер она заперлась.

Козельский глянул на Волокова.

— Да, нужно будет занести в протокол. Мария Федоровна, а никто к Дубининой вечером не заходил?

— Вот этого не скажу. Я еще в обед к золовке пошла, поздно вернулась.

— Ну ладно, спасибо.

Во дворе они закурили.

— На газовой плите есть отпечатки пальцев?

— Алтуфьевой. Она ж ее выключала.

Из домика вышел Васюченко.

— Кажется, все. Можно ехать.

Подождала милицмейская машина. Пронесли посылки.

— Дом пока опечатаем. Я думаю, не стоит там все ворошить до приезда Игоря Николаевича.

Но связаться немедленно с Мазиным не удалось.

— Уехал в Береговое, — ответили на другом конце провода.

— В Береговое? Зачем?

— Не знаю. Что ему передать?

Козельский сказал:

— Попытаемся разыскать в Береговом.

Вадим опустил трубку.

«Все-таки не доработал я там! — это было первое, о чем он подумал. — Но откуда новые нити? Неужели Брусков?»

— Пойдем-ка, Вадим, позавтракаем, — предложил Волоков. — Васюченко — мужик дотошный и скрытный. Пока все заключения не соберет, ничего не скажет, хоть бы и думал что. Осторожный. Так что одно остается — ждать.

Козельский согласился, но ел без аппетита. Спокойствие Волокова действовало ему на нервы. «Дубинину проморгали и топчемся в потемках», — злился он, потому что никак не мог связать смерть Дубининой с предшествовавшими событиями. А Волоков бодро жевал бифштекс и как будто ни о чем не думал, только похваливал польское пиво.

— Нет, это не несчастный случай! — не выдержал Козельский. — Кран был открыт полностью до того, как Дубинина легла в постель. Такую утечку газа она бы наверняка заметила раньше, чем заснула.

— Возможно, — согласился Волоков, макая мясо в горчицу. — Пожалуй, на самоубийство больше смахивает. Если вспомнить закрытые окна.

И эта кажущаяся легкость, с которой капитан, не давно считавший смерть Дубининой несчастным случаем, соглашался с ним, тоже раздражала Вадима.

— А скорее всего — убийство. Нужно искать следы постороннего.

— Но стакан-то на столе один.

— Второй можно выбросить. А след должен остаться.

— Васюченко не пропустит. Опытный работник.

Козельскому Васюченко показался просто усидчивым чиновником. Но сейчас он хотел сказать о другом.

— Важно установить, что делал ночью Кравчук.

— Спал.

— Это по вашим сведениям? — не выдержал Вадим. Капитан усмехнулся и вытащил из пачки сигарету:

— По нашим.

— И вы уверены, что знаете каждый его шаг?

— Более или менее.

— А вы знаете, что вчера вечером он был на Лермонтовской?

Волоков, не говоря ни слова, полез во внутренний карман пиджака, достал фотографию и протянул Козельскому. На снимке был ясно виден Кравчук, разговаривающий во дворе с Дубининой.

Козельский присвистнул:

— Что же вы молчали?

— Это не доказательство того, что Кравчук убил Дубинину. После того как сделали снимок, она была жива еще не меньше шести часов. И все это время Кравчук находился далеко от ее дома.

— Или сумел создать видимость этого, — пробормотал Козельский, хотя раздражение его против капитана уже начало проходить.

— Возможно. Однако пока мы знаем слишком мало и не должны спугнуть Кравчука, дать ему догадаться, что подозреваем его. А вы, между прочим, нервничаете.

Вадим покраснел:

— Да, есть немного. По правде говоря, я не понимаю, какая связь между смертью Дубининой и убийством Укладникова.

— Если б мы это знали, было бы гораздо проще. Но нервничать не стоит. Давайте-ка делать все, что можно, до приезда Игоря Николаевича. Он разберется быстрее.

Козельский согласился.

Расстались по-деловому. О том, что выяснит Васю-

ченко, Волоков обещал сообщить немедленно. Вадим отправился в гостиницу.

Там его ждал сюрприз.

В холле, в кресле, вытянув большие ноги, сидел Кравчук. Говоря откровенно, Козельский не думал, что увидит его сегодня. Лейтенанту потребовалось усилие, чтобы повести себя как ни в чем не бывало.

— Вадим, здравствуйте. Вас жду.

— Здравствуйте. Я ходил завтракать.

— Может быть, погуляем? Хочу с вами поговорить.

— Поговорить? О чем?

— Пойдемте. Лучше не здесь.

И он взял лейтенанта за локоть.

Они отправились в парк. Козельский думал, что геолог ищет в общении с ним своего рода алиби и будет вести себя небрежно, даже весело, создавая видимость курортного настроения. Но тот был мрачен, и эта непонятная серьезность Кравчука встревожила Вадима.

— Вы чем-то обеспокоены? У вас озабоченный вид.

— Да. Верно. С тестем у меня несчастье.

— С тестем? — Козельский приложил все усилия, чтобы вопрос прозвучал обычно.

— Хочу рассказать об этом.

В словах Кравчука лейтенант уловил что-то напористо целеустремленное, не похожее на простое желание поделиться горем.

«Что он затеял?»

Они шли по дорожке знаменитого курортного парка, в начале которого, как и во всех парках, — подстриженные газоны, цветы в клумбах, старательно выпрямленные аллеи, а потом все это исчезает понемножку, и начинается лес, взбирающийся на склоны холмов, а холмы эти переходят в предгорья, и если идти долго, то выйдешь туда, где уже нет курорта и курортных скучных людей, а есть горы, и лес, и воздух. Но Козельский меньше всего думал о природе. Он старался понять Кравчука и не допустить ошибки.

— Тестя я не знал почти... И жена тоже...

Кравчук говорил то же, что в свое время Мазину. Только подробнее немного. И еще он возвращался к сказанному, выделяя и подчеркивая то, что казалось ему особенно важным.

— Понимаете, скрытным он был очень. Пережил

много. Дочери даже не доверял. Мы думали, никого у него нет близких. Но была, все-таки. Женщина одна. Они вместе в ссылке были. Здешняя. Из Тригорска. Она могла знать о нем. Не знаю что. Но могла. Я ходил к ней вчера. Хотел попросить его письма.

— Простите, женщина эта на Лермонтовской живет?

— На Лермонтовской. Интересно. Вы знаете?

Вадим почувствовал себя ловчим.

— Я вас там видел. Случайно.

— Случайно?

Вадиму стало не по себе.

— Я видел, как вы шли в ту сторону. Я сидел в Цветнике. Показала она вам письма?

— Нет. Но сейчас дело не в этом.

— А в чем же? Простите, я вас не совсем понимаю.

— Не волнуйтесь. Скажу. Эта женщина умерла. Я только что был там. Пошел еще раз. Говорят, она покончила с собой. Сегодня ночью.

Они ушли уже довольно далеко от «цивилизованной» части парка и шагали по тропинке, карабкавшейся в гору среди сосен над небольшой речкой. Козельский вдруг заметил, что ни впереди, ни позади никого нет. Он почувствовал беспокойство. Показная искренность Кравчука сбивала его с толку. «Кто из нас кого ловит?» — подумал лейтенант, бросив взгляд на массивную фигуру геолога.

— Послушайте. Не понимаю я вас. Зачем вы мне это рассказываете?

— Понимаете.

Сказано было веско, слишком веско, так что Вадим, как когда-то ночью, у ресторана, ощутил страх.

— Понимаете. Нужно вызвать Мазина.

Козельский почувствовал себя попавшимся мальчишкой.

— Кто такой Мазин?

Дорожка сузилась до предела. Справа над ней нависала гладкая серая скала, внизу шумела по камням речка.

— А вы кто?

Вадим вспомнил, что пистолет остался в номере, в чемодане.

— Я говорил вам.

— Нет. Вы не химик. И не в отпуске вы здесь.

— А зачем же?

— Следить за мной.

Геолог остановился и преградил Вадиму путь:

— Я видел вас в машине. Вы приезжали вместе с Мазинным.

— Бред какой-то, — сказал Козельский.

Под легкой рубашкой Кравчука перекачивались мускулы.

«Не справлюсь я с ним», — подумал лейтенант и почувствовал, как по лицу его покатилась предательская струйка холодного пота. Он поднял голову, чтобы встретиться с Кравчуком лицом к лицу, но тот смотрел мимо, куда-то вверх и за Козельского. «Хочет, чтобы я повернулся к нему спиной. Не выйдет!»

XII.

— Я к нему, а он не шевелится. Вижу, голова пробита. Смотреть очень страшно. Не поздно еще, людей полно, а те двое пошли себе, как ни в чем не бывало, — рассказывал Володька.

Мазин почувствовал что-то вроде стыда. Ему всегда становилось стыдно, если он видел или слышал, что молодые здоровые люди «не замечают», как на глазах у них бьют, оскорбляют или даже убивают человека. Их немало, этих трусов. Они еще осмеливаются говорить о собственной мудрости: «Полезешь, а тебя ножом!» Но, к счастью, есть и такие ребята, как Володька.

— Думаю: уйдут. Ну, я за ними!

Он, конечно, не мог их задержать, этот щуплый подросток, но он сделал так, что они не ушли. Хотя, казалось, им повезло. Сразу за углом поймали свободное такси. Но Володька видел номер машины, и не успела «Волга» скрыться из виду, как он уже набирал цифры в будке телефона-автомата.

Взяли этих двоих в ресторане.

— Ты, Володя, заходи ко мне, если охота будет, — сказал Мазин, прощаясь с паренком. И, пожимая узкую ладонь, подумал, что они еще обязательно встретятся.

В приемной дожидалась заплаканная Аллочка. И хотя у Мазина были на счету минуты, потому что он спешил в Тригорск, он не подал виду, что торопится, а терпеливо дождался, пока она напьется воды, вытрет глаза и сможет, наконец, заговорить.

— Что с ним, Игорь Николаевич?

— Ничего хорошего — пробит череп, сотрясение мозга. Вы кастет когда-нибудь видели? — ответил Мазин жестковато.

— Он не умрет?

— Не знаю. Если б вы сказали все сразу, нам не пришлось бы обсуждать этот вопрос.

Но ему было все-таки жаль ее, и он снял телефонную трубку:

— Больница? Мазин говорит. Меня интересует состояние Семенистого. Да, да. Того самого. Говорите, лучше?

И Мазин протянул трубку через стол, чтобы Алла услышала сама.

Она улыбнулась сквозь слезы.

— Спасибо.

— Не стоит. Вашему Эдику еще придется отвечать перед судом.

— Он не виноват.

— А ворованные детали к приемникам кто «реализовывал»?

— Не для себя...

— Скажите пожалуйста, какой общественник! Ему платили за это!

— Но он не воровал.

— Зато прекрасно знал, откуда берутся детали. Ведь «кожаный» работал на радиозаводе.

— Он хотел уйти. Они запутали его. Сам заведующий...

— «Хозяин»? Интересная личность! Впрочем, все это, собственно, не по моей части. В убийстве же Семенистый не виноват, хотя побеседовать с ним и небезынтересно.

— Я потому и пришла. Я сама была там.

— Где?

— Там, в квартире, ночью...

Мазин даже подался вперед, наклонившись через стол.

— И вы видели, кто входил в квартиру?

Алла закрыла лицо руками.

— Хорошо, рассказывайте.

— Мы гуляли, а потом Эдик сказал, что старика не будет всю ночь, и я... пошла к нему.

Мазин невольно отвел глаза, а она заговорила быстро:

— Вы понимаете, я люблю его, мы хотели пожениться, но я боялась за него. Я сказала, что, пока он не порвет с этими, я с ним не буду. Сначала он смеялся, говорил, что я глупая, не умею жить, но потом понял. И обещал. Мы уже обо всем договорились...

Аллочка волновалась, сбивалась поминутно.

— Вдруг слышим, дверь открывается...

— Минутку. Дверь открыли ключом?

— Не знаю. Мы слышали, когда уже открылась. Мы перепугались. Старик был очень строгий. Он мог выгнать Эдика с квартиры. Мы притаились. Ведь мы думали, что это он, старик. Сидим тихо. Он постоял немножко в коридоре, наверно, присматривался, куда идти. Вернее, это я потом так решила, что присматривался, а тогда мы об этом не думали: зачем ему в своем доме присматриваться? Верно ведь? И он даже свет не зажег — в щели под дверью было темно.

— Простите, у вас в комнате света тоже не было?

Она снова покраснела.

— Не было. Поэтому он и решил, что Эдик спит. А потом он прошел по коридору в другую сторону. Мы подумали, что к себе на кухню. Слышим шаги, шаркает.

— Шаркает?

— Да, да. Я это хорошо запомнила. Мы говорили потом с Эдиком. Эдик сказал: «Странно, ведь раньше старик никогда не шаркал».

— А тогда шаркал? — Мазин поднялся со стула: — Вы даже не представляете, как важно то, что вы мне сказали, Аллочка. Рассказывайте дальше.

— Прошел он туда, в комнату, и скоро вышел. Мы посмеялись, что старик нас не заметил, — вот, собственно, и все.

— Значит, когда на другой день Эдик пришел ко мне, чтобы заявить об исчезновении старика, он не знал еще, что тот, кто заходил ночью, был в пустой комнате?

— Конечно, нет! Он думал, что это Укладников был.

— Почему же он не сказал, что Укладников приходил ночью? Из-за вас?

Аллочка опять почувствовала себя виноватой.

— Да, он не хотел говорить, что я была у него.

— Глупо и очень вредно, но, во всяком случае, благородно. Это говорит в его пользу.

— И он не знал, что из шкафа взяли деньги.

— Деньги Укладникова?

Она покачала головой.

— Значит, Эдика?

— Нет.

— Деньги принадлежали шайке?

— Да.

— Вот оно что. Ловко! Кто придумал этот тайник?

— Эдик. Он не придумал, он узнал о нем и сказал Лешке. А Лешка придумал — вернее, они попросили Эдика спрятать там деньги. Это было за несколько дней до той ночи. Говорили, что скоро заберут. Эдик согласился, но сказал мне. Я тогда особенно поняла, какие это опасные люди. Вот мы и решили уехать. А тут все и случилось. Они мстили за эти деньги. Думали, что Эдик их присвоил. Не верили, что тот, кто убил старика, заходил в комнату.

— Сколько было денег?

— Не знаю. Но много. Несколько тысяч. В целлофановом мешке. Эдик не считал. Он не хотел к ним иметь никакого отношения.

— Кто еще мог знать о деньгах?

— Я не говорила никому. Эдик тоже.

Игорь Николаевич сделал пометку в блокноте.

— Теперь понятно, почему он так перевозился, когда мы добрались до тайника. Но выходит, что и для шайки исчезновение денег было неожиданностью?

— Конечно, потому они и мстили.

— Почему Семенистый сразу не уехал из города?

— Я его не пускала. И еще он думал, что все выяснится скоро. Он очень хотел оправдаться перед ними.

— Еще бы! Такие достойные люди! Так кто же сделал тайник? Укладников?

— Нет, что вы! Если бы старик знал про тайник, Эдик не стал бы прятать там деньги. Этот шкаф он по просьбе старика перевозил со старой квартиры его зятя. Тогда тайник и обнаружил, но Укладникову ничего не сказал.

Мазин записал еще несколько строчек в блокнот.

— Прекрасно! Будем надеяться, что суд учтет некоторые обстоятельства, но особенно на это не рассчитывайте. Отвечать вашему парню придется за многое. А пока лечите его как следует.

Мазин глянул на часы. До поезда в Тригорск оставалось совсем немного времени. Алла поднялась:

— Мне пока можно идти?

— Да, конечно. Давайте ваш пропуск. Кстати, Алла, вам Эдик ничего не говорил про пальто, которое он должен был взять из чистки?

Мазин наклонился над столом, чтобы поставить свою фамилию на розовой бумажке. «Если даже она ничего не знает, это еще не означает, что никакого пальто не было». Но она знала.

— Это того паренька, что жил с Эдиком?

— Да, да. Стояновского.

— Я его взяла по квитанции, когда он телеграмму прислал.

— Значит, оно у вас?

— Дома оно. Я принесу, если нужно.

— Нет, пока не нужно. Отдадите, когда он вернется.

Мазин не вышел вслед за Аллой, а задержался на минуту в комнате. Перелистал блокнот и открыл его на странице, где столбиком были выписаны три фамилии: Семенистый, Стояновский, Кравчук.

Фамилия Семенистого была жирно перечеркнута. Мазин взял авторучку и зачеркнул еще одно имя — Стояновский. Правда, на этот раз не так решительно, черточкой потоньше. Осталось только «Кравчук».

Машина ждала у подъезда. Мазин открыл дверцу.

— Игорь Николаевич!

Через дорогу бежал Брусков.

Познакомились они у Мазина дома. Он тогда не ждал гостей. Выдался один из редких вечеров, когда можно было поваляться на диване с книжкой. Мазин подложил под голову подушку и взялся за Лескова, которого мог перечитывать по многу раз. Но книгу пришлось отложить. Позвонили. Мазин пошел открывать, недовольный, и увидел на пороге незнакомого молодого человека.

— Извините, пожалуйста. Но я думал, возможно, это важно...

— Что важно?

— Видите ли, я недавно был в Береговом. По заданию редакции. И там мне пришлось беседовать с товарищем Козельским...

— Вы Брусков, стало быть?

Валерий обрадовался и начал говорить о своих открытиях прямо в прихожей, да так сумбурно, что Мазину пришлось прервать его:

— Подождите. Отдышаться сначала надо. Вы запыхались, видно, пока пять этажей одолели.

Валерий не так уж запыхался. Ему было просто неудобно вторгаться к Мазину в квартиру. Но сделал он это не без умысла и даже приврал, что не мог разыскать его на службе, хотя нарочно пришел туда слишком поздно. Для журналиста такие хитрости Валерий считал простительными и необходимыми (где же, как не в домашней обстановке, можно найти те самые «детали», без которых не оживет ни один материал?). Но это в принципе. А на практике он чувствовал себя неловко.

Мазин провел Брускова в комнату, где тот последовательно рассказал обо всем, что узнал в Береговом от Майи.

— Вот. Я думал, это может быть интересно.

— Это действительно интересно, — подтвердил Игорь Николаевич.

Брусков показался ему симпатичным, хотя он разгадал, конечно, его хитрости. «Паренек воображает себя репортером, пробравшимся на виллу Бриджит Бардо», — подумал Мазин, но Валерия поблагодарил от души и пообещал даже подбросить интересный материал.

Ушел тот окрыленным, а Мазин немедленно выехал в Береговое, где и находился до звонка из Тригорска. Нового, правда, ему узнать почти ничего не удалось, но рассказ Брускова подтвердился, а это и само по себе было не так уж плохо. Во всяком случае, разъяснялась первая половина странных поступков Стояновского. Стало понятно, почему он появился в Береговом и что делал там два или три дня. Но что заставило его внезапно возвратиться в город, как попал в пустой вагон принадлежавший ему чемодан, как отпечатались его ботинки у шкафа с тайником — это оставалось по-прежнему загадкой, на которую должен был ответить сам Борис, адрес которого так и не удалось до сих пор установить. И все-таки скорее всего он находился в Крыму. Это утверждала и Майя и теперь косвенно подтвердила Аллочка. Телеграмма-то оказалась без подвохов. Услышав, что Аллочка на самом деле получила из химчистки пальто, Мазин не огорчился. К Стояновскому он испытывал заочную симпатию и не жалел еще одной отпавшей версии, как бы ни была она соблазнительна.

Но неопределенная, смутная тревога не покидала его. Не любил он телеграмм. Никаких. Даже поздравительных, составленных бодрым, повторенным в тысячах бланков мертвым языком из обрубков фраз. Эти куски бумаги поражали его своим бездушием, умением вместиť беспредельное горе в короткие ленточки, пожелтевшие от канцелярского клея. «Тяжело больна мама приезжай В а л я», или: «Витя умер больнице похороны двадцать шестого». А иногда в безликие, без знаков препинания фразы вкладывался смысл совсем другой, который трудно отличить от обычного.

Мазин любил письма. За каждым он видел человека, с его непохожим на все остальные почерком, с грамматическими ошибками, простыми шутками, с какими-то расплывшимися пятнами — может, и от слез, которые никогда не упадут на телеграфный бланк. Однако фор-

мулировал Мазин свои чувства сухо: «С телеграммой труднее работать».

Но на этот раз все в порядке — телеграмма как телеграмма. И пальто есть. А тревога не утихает почему-то...

В Береговом Мазин проследил час за часом все действия Стояновского, восстановил до мелочей его разговоры с Майей и в гостинице, перекопал материалы о Розе Ковальчук и... не обнаружил ничего, что могло бы заставить Бориса неожиданно вернуться. Все, что произошло со Стояновским, могло заинтересовать любую газету, но не проливалось никакого света на убийство Укладникова.

Оставалось или действительно вычеркнуть геолога из блокнота, да не так, как он вычеркнул, — тоненько, а раз и навсегда — жирно, как Семенистого, или вернуться к той фантастической версии, которую сам он гнал от себя, но которая вновь и вновь возникала в голове Мазина. И когда она возникала, он напряженно думал об «инвалиде», так странно появившемся на пути Стояновского и потом исчезнувшем без следа. А между тем «инвалид» заставил Бориса изменить маршрут. Впрочем, Мазин подозревал, что не только маршрут Стояновского изменился после этой встречи.

И вот снова Брусков. Он бежал через дорогу к машине.

— Игорь Николаевич!

Мазин показал на сиденье рядом с собой:

— Валерий, мне очень некогда! Спешу на вокзал. Все, что у вас есть, выкладывайте по пути. Ясно?

— Так точно, — ответил Брусков, но не с солдатской четкостью, а пробормотал еле слышно, устыдясь собственной лихости. — Понимаете, Игорь Николаевич, мне неудобно, что я вас отвлекаю. У меня, собственно, сущая ерунда. Вы, может быть, даже смеяться будете.

— Валерий, на реверансы нет времени.

Брусков глянул на невозмутимого шофера: «Будут смеяться!» Но что оставалось делать?

— Понимаете, Игорь Николаевич, я хочу написать о Розе Ковальчук. Поэтому я взял у Майи папку с материалами. Домой взял.

— Что именно вы взяли?

— Да ничего особенного. Просто перепечатанные на

машинке материалы. Из областной газеты. О процессе над фашистами и предателями в Береговом в сорок четвертом. Там казнили семерых фашистов.

— Не помню этих материалов.

— Да вы их и не видели. Я их взял еще до вашей поездки в Береговое.

Мазин повернулся так резко, что Брусков даже потеснился в угол.

— Нет, нет, Игорь Николаевич, там ничего интересного нет. Вот они, посмотрите сами...

И Валерий, быстро расстегнув портфель, достал несколько сшитых листков.

«Смерть фашистским убийцам!» — прочитал Мазин заголовок и под ним в скобках: «Газета «Южная правда» от 16 октября 1944 года».

— Если тут нет ничего интересного, зачем вы привезли мне эти листки? — спросил Мазин, бегло проглядывая бумагу и не находя действительно ничего нового.

— Вы только не смейтесь. Чепуха, конечно, но тут не хватает одной странички. Видите, третья, а потом сразу пятая.

Да, страницы в самом деле не хватало, и это было заметно не только по нумерации. Обрывки бумаги остались на шиве.

— Любопытно.

— Вот и мне показалось. А Майя говорит, что материалы читал Стояновский. Раньше все страницы были на месте.

— Вы полагаете, что вырвал листок он?

— Может быть.

— Значит, нужно узнать, что было на этом листке. Майя не помнит?

— Помнит. Но я достал точный текст. Взял в библиотеке подшивку газеты за сорок четвертый год.

Мазин улыбнулся одобрительно, а подбодренный Брусков уже совал ему в руки новый листок.

— Я показывал Майе. Она говорит, что это самое.

— Ого, вы уже целое расследование провели. Результат?

Брусков покачал головой:

— Неутешительный. Непонятно, зачем понадобился Стояновскому этот листок. Я думал, думал, идти к вам или нет, а потом все-таки пошел. Может быть, вы лучше разберетесь.

— Может быть. Но если даже листок понадобился ему, чтобы вытереть авторучку, вы поступили правильно. Спасибо, Валерий.

XIII.

— Я считаю, что Кравчук должен быть арестован. Это опасный и дерзкий преступник, — сказал Козельский.

Мазин молча кивнул, но так, что нельзя было понять, согласен он с предложением своего помощника или только принимает его слова к сведению. Горячность Вадима была ему понятна. Он чувствовал известную вину перед Козельским. Нельзя было вместе с ним ездить к Кравчуку. Мазин поступил прямолинейно и ошибся. Но все-таки поведение Кравчука еще не давало оснований для ареста. Ведь они до сих пор не знали, где находился Кравчук после отъезда из Москвы.

Разговор шел в большом, с высоким потолком кабинете Волокова. Из окна виднелась желтоватая от восходящего солнца снежная вершина, напоминавшая Мазину большой кусок подтаявшего сливочного масла.

«Старею я, — подумал он. — Исчезает романтическое восприятие».

— А что Дмитрий Иванович скажет? — Мазин повернулся к Волокову.

Тот сидел за столом с двумя новенькими цветными телефонами.

— Задержать его, пожалуй, можно. Но причастность к смерти Дубининой под большим вопросом. Вот если вы докажете, что он покушался на вашу жизнь... — Волоков посмотрел на Козельского.

— Я не говорил, покушался. Но я уверен, что напасть ему помешало только случайное появление курортника.

— Не вовремя он появился. — Мазин чуть улыбнулся. — В случае нападения картина была бы яснее.

— Особенно мне! — Медицинский эксперт Глеб громко рассмеялся.

Козельский глянул на него с неприязнью.

— Ну, ну, Вадим! Не такие уж мы кровожадные.

Просто аргументы ваши пока что слишком эмоционально окрашены. На вас действует Кавказ — абреки, кровавая месть...

— По-вашему, Дубинину абреки отравили?

— О Дубининой нам расскажет Матвей Кириллович.

Васюченко, который терпеливо дожидался своей очереди, поправил очки на переносице и откашлялся:

— Картина, товарищи, так сказать, получается двойная. С одной стороны, ясная, но если постараться вникнуть, то не совсем...

Волоков переглянулся с Мазиным, будто поясняя, что на слог Васюченко обращать внимания не следует: все равно он дело скажет. Мазин понял. Козельский усмехнулся. Глеб, вытянув длинные, в узких зеленых брюках ноги, рассматривал носки туфель.

Васюченко еще раз откашлялся:

— Значит, штука такая... Товарищ судебно-медицинский эксперт заключает, что смерть наступила в результате отравления бытовым газом около часу ночи. — Он глянул из-под очков на Глеба. — В момент смерти умершая находилась в состоянии опьянения, что подтверждает и пустая бутылка из-под «Московской» водки на столе. Вот это, значит, будет первая картина. То есть женщина выпила и отравилась. Но нас интересует, зачем или, так сказать, умышленно или неумышленно все произошло...

Следователь обвел всех взглядом, как бы призывая оценить трудность задачи, и опять откашлялся:

— Известно, что самоубийцы обычно пишут записки, то есть поясняют причины. У Дубининой таковой обнаружить не удалось. И еще одна заковыка. Положение трупа, поза, так сказать. Позвольте представить фотоснимки. Спит человек — и все. На самоубийцу не похоже. Когда человек умирать собирается, он так спокойно лежать не будет.

«Верно», — отметил про себя Мазин, разглядывая снимок.

— Вот и получается вторая картина, так сказать, вступающая в противоречие с версией самоубийства. Но, с другой стороны, окна все, несмотря на жару, были закрыты и даже шторы опущены. Выходит, подготовка была, а это, в свою очередь, противоречит версии несчастного случая.

— А убийства вы не предполагаете? — спросил Волоков.

— Рассмотрена и такая возможность, но... — Васюченко развел худыми руками, — соответствующих фактов не обнаружено. Мы не нашли следов пребывания в доме посторонних людей. И опять, так сказать, главный вопрос — кому выгодно? В доме ничего не взято, то есть версия ограбления отпадает. Неизвестно нам и о какой-либо вражде, предполагающей месть по отношению к пострадавшей.

— Какой же все-таки ваш вывод?

Но Мазин не дал ответить:

— С выводами спешить не следует. Матвей Кириллович объективно восстановил внешнюю картину смерти Дубининой, но, возможно, не все следы удалось сразу обнаружить. Я хочу и сам взглянуть на место происшествия.

— Мы предполагали, что это потребуется, Игорь Николаевич, — сказал Волоков. — Все в доме оставлено на своих местах.

— Вы не нашли там какие-нибудь письма?

— Все бумаги в комод, в верхнем ящике.

— Благодарю, Дмитрий Иванович. А чем занимается Кравчук?

— Кравчука держим под наблюдением.

— Смотрите не провороньте. Думаю, что он понадобится. И еще два вопроса к вам, Матвей Кириллович. Первый. Соседка, кажется, нашла дверь незапертой. А какой замок в доме Дубининой?

— Замок нестандартный. Видно, делался по специальному заказу.

— Можно было захлопнуть дверь без ключа?

— Нет, без ключа нельзя, но ключ, собственно, торчал в замке с внутренней стороны.

— Вы хотите сказать, что, если бы выходивший из комнаты хотел запереть за собой дверь, он мог бы воспользоваться ключом?

— Именно так.

— Прекрасно. И второй вопрос. На столе находились бутылка из-под водки и один стакан. Бутылка пустая?

— Пустая.

— И никаких следов второго стакана? Ни в кухне, ни в буфете?

— Нигде.

— На стакане, разумеется, отпечатки пальцев только Дубининой?

Васюченко потер переносицу, приподняв очки:

— Об этом я хотел особо, Игорь Николаевич. Дело в том, что на стакане мы вообще не обнаружили отпечатков пальцев.

— Вот как?

— Но использовался он наверняка.

— Очень интересно, — сказал Мазин. — Если позволите, мы попозже уточним детали. А пока я, с вашего разрешения, прогуляюсь немного, подышу целебным воздухом.

Но ушел он не сразу. Задержался с Волоковым. Когда они остались вдвоем, капитан достал пачку сигарет, однако, заметив осуждающий взгляд Мазина, засмеялся:

— Простите, Игорь Николаевич, забыл совсем, что вы принципиальный противник...

— Курите, курите. Вы же у себя дома. Или все еще видите во мне начальника?

— Не без того. Понагнали на меня страху в свое время. Как вспомню ваши проработки. «Бессмысленное и вредное занятие!»

— И все-таки не в коня корм оказался.

Они посмеялись.

— Так что же, Дмитрий Иванович, по-вашему, произошло с Дубининой?

Волоков положил на край пепельницы сигарету.

— Честно?

— Только так.

— Не знаю, Игорь Николаевич. Так уж сложилась жизнь Дубининой, что произойти с ней могло все — и несчастный случай, и самоубийство, и самое трагичное — убийство. Я знал ее немного.

— Расскажите.

— Во время оккупации, когда она в городской управе работала, меня хотели угнать в Германию. Мальчишкой я был... Дубинина выручила. Пошла к бургомистру... Мать потом ей сала понесла, яичек, отблагодарить хотела, но та не взяла. Был такой случай. Но он к нынешней истории отношения не имеет.

— Почему? Характеризует человека.

— Отчасти, Игорь Николаевич. Та Дубинина была другая. Не думаю, чтоб она сейчас стала кому-нибудь

помогать. Укатали сивку крутые горки. Форточки открывать любила, а вот душу ни-ни. Замкнуто жила, в себе.

— Могли у нее быть сбережения, ценности?

— Ходили тут сплетни, что не все отец ее увез, остались вроде драгоценности у матери. Но я думаю, это неправда.

— А стремление покончить с жизнью могло быть?

— Могло.

— И несчастный случай мог быть?

— Конечно. Выпила перед сном, повернула ручку, да не ту или не туда.

— А окна закрытые, а шторы? Зачем? Мы полагаем, чтобы газ не выходил. А может быть, с другой целью?

— Чтобы...

Но Мазин предостерегающе поднял руку:

— Не будем произносить имя нечистого. Но именно в этом плане мне и хочется посмотреть ее дом. Вы, конечно, увидели там немало, но свежий глаз тоже кое-что значит. Так что пойду подышу.

Воздух был в самом деле хорош, и Мазин не мог не признать этого, обгоняя размеренно вышагивающих курортников. Он шел в сторону Лермонтовской, в сотый, а может быть, в тысячный раз перебирая сложившуюся ситуацию.

У дома Дубининой на этот раз было немногочисленно. Один милиционер сидел на лавочке и скучал. Впрочем, может, и не скучал, а был доволен, что ему досталось

такое нехлопотливое дежурство. Мазину он сказал, что в доме все в порядке.

— Собаку вот только жалко, совсем занудилась, — добавил он, показывая на Рекса, который понуро лежал возле будки и скулил негромко, но удивительно тоскливо.

Как бы почуяв, что речь идет о нем, пес приподнялся и заковылял к калитке, волоча за собой цепь.

К собакам Мазин всегда был равнодушен. Он вытащил из кармана полбулки с колбасой, которые купил себе, но съесть не успел, и протянул их Рексу. Тот понюхал бутерброд, посмотрел на Мазина грустными глазами и стал жевать медленно, как бы говоря: какая уж тут еда... Мазин почесал его между длинными вислыми ушами:

— Ничего, старик, придумаем для тебя что-нибудь.

И поднял собачью миску, чтобы налить псу воды. В старой жестянке что-то звякнуло. Мазин увидел кусок стекла. Поставив миску на землю, он взял стекло и стал внимательно его рассматривать. Потом повернулся к собаке и еще раз поглядел на нее, но уже без лирики, а с любопытством. По лбу Рекса проходил свежий овальный надрез, возле которого еще чернели капельки запекшейся крови, присохшие к рыжей шерсти.

— Пострадал, друг. А за что? — спросил Мазин.

Милиционер с интересом поглядывал на приезжего следователя. Мазин же, согнувшись, несколько раз прошелся от дома до собачьей будки, как будто искал что-то в примятой траве. Потом достал чистый носовой платок и сложил в него свои находки. Насколько мог видеть милиционер, это были кусочки стекла и какая-то белая, совсем небольшая тряпочка. Мазин завязал их в узелок и положил в карман.

— Интересное что нашли? — спросил милиционер.

— Возможно, — ответил Мазин и пошел в дом.

Пробыл он там довольно долго, но что делал Мазин в комнатах, милиционер не видел. Обратил внимание только, как пристально осмотрел следователь замок на входной двери.

Затем Мазин направился к дому Алтуфьевой.

— Доброе утро, Мария Федоровна.

— День добрый.

Алтуфьева была настроена недружелюбно.

— Понимаю, Мария Федоровна, что наш брат надел вам. Но что поделаешь! Без вас нам не обойтись.

Соседка была польщена:

— Что уж там обходиться! Отравилась по пьянке Валентина — и все дело.

— Ох, Мария Федоровна, не знаете вы нашу работу! Вот вы говорите, отравилась. А нам-то сказать так мало. Доказать все нужно. У нас начальство есть. А начальству, сами знаете, бумага нужна во всех подробностях. Ему просто так не скажешь — отравилась. Вот и приходится такие мелочи копать, что вроде бы сушая чепуха.

Алтуфьева прониклась сочувствием к следовательской работе.

— Да ладно уж, спрашивайте. Чего знаю — скажу.

— Именно! — Мазин улыбнулся. — Только то, что знаете. А вопросы у меня легкие. Говорите, выпивала Дубинина?

— Да уж что врать. Был грех.

— И помногу?

— Нет, этого не скажу. Выпьет стаканчик вина, и ничего, облегчает ей вроде. Ведь жизнь-то у нее нелегкая была. Таких родителей дочка, а в тюрьме сидеть пришлось...

— Сидела-то она за дело.

— За дело, конечно, но не злодейка ж все-таки была. Людей не выдавала, помогала даже. Это судьба такая у человека, вот что я вам скажу. Одинокая она в жизни была. Старик ей голову морочил; да уверена я, что женился он давно.

— Позвольте, о каком это вы старике?

— Да что письма писал Валентине. В ссылке познакомились. Говорила она, что он сюда придет, жить вместе будут. Да что-то не здорово ехал. Помоложе себе наверняка подыскал. Я этих мужиков, слава богу, давно раскусила. Знаю, что им от нашей сестры требуется.

— А Дубинина ему верила?

— Видно, тоже перестала. Потому и к рюмке потянулась.

— Да-а... Невеселая история. Кстати, вы сказали, что она вино пила. Почему именно вино? Водку ж тоже, наверно, пила?

— Нет, нет! Вино всегда. Водку она не любила.

— Вот как? Ну хорошо, Мария Федоровна, хорошо. — Мазин глянул через заборчик. — Собака-то скулит как жалобно. Не посоветуете, кому б отдать ее? Жалко, если пропадет.

— Рекс-то? Да я б его и сама взяла. Собака умница и сторожует хорошо. Без толку не заливается всю ночь, как другие дурни, но уж чужого, будьте покойны, не пропустит.

— Возьмете, значит, Рекса? — обрадовался Мазин. — Тихая, говорите, собака?

— Такая тихая... Только вчера как залилась чашов в двенадцать! Рвется, лает, еле затихла. Тоскует, видно.

— Вчера? — переспросил Мазин. — А вот в ту ночь, когда умерла Дубинина, не помните?..

— Ой, и в ту ночь было. Я-то сплю по-стариковски, все слышу. Вдруг она среди ночи как кинется. И поверите, залаяла было — и тут же заскулила. Долго так скулила, как почуяла что. Животные, они всегда беду чувствуют.

Мазин выслушал внимательно.

— Спасибо, Мария Федоровна, за помощь. Только мужчин вы зря так строго судите. Старика-то, про которого вы говорили, Укладников его фамилия, убили недавно. Вот так.

— Убили? Ах, изверги! Да за что ж его убить могли?

— К сожалению, Мария Федоровна, не знаю.

— Как же не знаете? А кто знает? Что вы за работники такие? Тут не знаете, там не знаете. Что ж, вы хотите, чтоб людей среди бела дня резать начали?.. Ай-я-яй, бедная Валентина! И старик ее, значит, не пережил! А она про это и не знала ничего, бедная. Ну и дела!

— А может быть, она знала, Мария Федоровна?

— Да откуда ж ей знать? Мне б то она уж сказала. Мы, как на базар собирались в тот день, я, помню, спросила: «Твой-то пишет?» — «Давно, — говорит, — ничего не было».

— Не помните, в какое время происходил этот разговор?

— Да еще до обеда. Я с утра подстирывала, а она кричит мне: «Пойдешь, Маша, на рынок завтра?»

— А после обеда вы ее не видели?

— Нет, не видала.

Мазин откланялся:

— Рад был с вами познакомиться, Мария Федоровна. Будьте здоровы. А собаку возьмите обязательно. Хорошая собака, не пожалеете.

XIV.

Мазин вернулся к Волокову с определенным планом действий.

— Итак, Дубинина, несомненно, убита. Убита человеком, которого сама пустила в дом и с которым пила водку. Убийство было задумано заранее. Только этим можно объяснить полное отсутствие в доме следов и закрытые ставни. Предусмотрел убийца почти все. Но, как вы знаете, не оставить никаких следов невозможно. И то, что здесь кажется случаем, в сущности, закономерно. Помог Рекс, который не привык, чтобы ночью по двору ходили посторонние. Даже если они не входят, а выходят.

Игорь Николаевич развязал носовой платок и положил перед капитаном свои находки:

— Видите? Он очень аккуратно убрал со стола, после того как Дубинина захмелела и уснула. Но мыть посуду ему было, конечно, некогда. Поэтому стакан, на котором невозможно не оставить отпечатков пальцев, убийца захватил с собой, чтобы выбросить по дороге. Когда на него бросился Рекс, он ударил собаку стаканом, разумеется, инстинктивно. И избавился от пса, ранив его. Но осколки остались. Немедленно передайте их на экспертизу. На этом стакане отпечатки пальцев должны быть наверняка.

А вот и самое существенное — кусочек ткани, вырванный Рексом из рубашки убийцы. Край, видимо, в крови. Рекс с гостем немножко поквитался. Думаю, что рана глубокая. Поэтому нужно немедленно связаться со всеми медицинскими пунктами — не обращался ли к ним человек, укушенный собакой.

Волоков потянулся к звонку, но Мазин жестом остановил его:

— Еще не все. Дайте небольшую заметку в местную

газету. Что-нибудь вроде «Жертва неосторожности». За подписью работника Горгаза. Заметка будет всем полезна. И домохозяйкам, и нам, надеюсь. Мы должны его успокоить. Итак: экспертиза — раз, больницы и аптеки — два, газета — три. На сегодня вам хватит. А мне закажите билет на ближайший самолет.

Капитан поднял брови:

— А как же Кравчук?

— К разговору с ним я и хочу подготовиться. Нужно срочно кое-что проверить. Если успею это сделать завтра, то послезавтра утром буду здесь. Тогда поохотимся вместе. Пока с вами останется Козельский. И вот еще... Рекса я разрешил забрать соседке.

Волоков взялся за дело, едва простился с Мазиним. Но опрос в больницах ничего не дал. Никто с похожими на укусы ранами за помощью не обращался. Видимо, преступник предпочитал скрываться, не оставлять следов. Однако капитан не падал духом. Он зашел к Вадиму в гостиницу и рассказал, как реагировали в больницах на его вопросы.

— В центральной так старались, что даже вспомнили старушку, которую кошка на прошлой неделе поцарапала.

Но Козельский был угрюм.

— Вы шутите, а убийца посмеивается над нами.

— Вадим! В военное время про вас была поговорка — мрачный, как день без хлеба.

И Волоков отправился в криминалистическую лабораторию. Судьба Дубининой не выходила у него из головы.

«Неужели у нее были деньги? А если были, кто мог об этом знать? Только очень близкие, пользующиеся полным доверием. Но таких-то людей вокруг Дубининой и не было. Один погибший Укладников. Или его зять? Но это уже конек Козельского. Да так ли уж он плох, этот конек? Правда, Кравчука видели возле дома Дубининой днем, до ее смерти, но он мог и вернуться, зайти еще раз, обмануть наблюдавших за ним людей...»

— Привет, Дмитрий Иванович!

«Ох, уж эти курорты! Сколько здесь знакомых».

Волоков махнул рукой встречному. Тот свернул в парикмахерскую, и за ее стеклом, в зале, капитан заметил еще одно, на этот раз не просто знакомое лицо. По мнению Волокова, лицо это должно было находиться совсем в другом месте. Но подойти к нему сейчас было нельзя. И капитан прошел мимо.

Через пять минут он уже был в криминалистической лаборатории.

Заключение экспертизы заставило Волокова произнести сакраментальную фразу:

— Нет в жизни счастья!

Эксперт, худой человек, на котором синий китель казался двумя номерами больше, чем нужно, пожал плечами.

— К сожалению. Однако факт. На осколках стакана обнаружены отпечатки пальцев Дубининой. Только Дубининой, и ничьи больше.

Волоков нахмурился.

— Что поделаешь! Против науки не попрешь. Придется нам еще пошевелить мозгами.

Потом он пригласил Козельского и рассказал о выводах экспертизы.

— Ваше мнение, Вадим Сергеевич?

Козельский вспомнил Кравчука там, на глухой дорожке, его немигающий взгляд, неотвратимое приближение большого, натренированного таежными переходами тела. Казалось, что секунда отделяет их от смертельной схватки.

Но ее не произошло.

«Виноват, — пробормотал тогда Кравчук. — Еще увидимся».

И, резко повернувшись, исчез так быстро, что Вадим и сообразить ничего не успел. Только растерянно посмотрел ему вслед и увидел на площадке, повыше тропинки, мужчину в чесучовых брюках.

В ближайшие два-три часа состояние лейтенанта было отчаянным: он не сомневался, что Кравчук скрылся. К полному его изумлению, вечером выяснилось, что геолог преспокойно вернулся к себе на квартиру и, по видимому, не собирается уезжать из Тригорска и вообще прятаться.

Мазину обо всем этом Козельский рассказал, презирая самого себя. Но разноса не последовало.

— Очень интересно, Вадим! Значит, он хочет видеть меня?

— По правде говоря, Игорь Николаевич, я считаю, что это была уловка. Он хотел заманить меня в глухое место.

— Возможно. Но не факт. Моя точка зрения на Кравчука все еще не сложилась окончательно. Однако думаю, что если он замешан в преступлении, то скорее ведет какую-то рискованную и непонятную пока нам игру. Может быть, ему нужно отвлечь меня от чего-то более важного, что должно произойти в городе?

Говорил Мазин тогда осторожно и потому разубедить лейтенанта полностью не смог.

— Что же делать сейчас?

— Брать его надо, по-моему, — ответил Козельский Волокову.

Тот не знал, что сказать. Выручила неожиданная посетительница.

Она появилась в кабинете Волокова прямо с работы: в кокетливом халатике и белой пилотке. Но сама девушка выглядела вовсе не легкоймысленной, скорее унылой — некрасивая, с длинным носом. Звали ее Соня. Заметно было, что милиция внушает ей если и не страх, то, во всяком случае, опасения.

— Меня Артем Георгиевич направил. Чтоб я рассказала...

Артем Георгиевич оказался заведующим аптекой.

— У нас аптека дежурная, — начала Соня. — Как раз была моя очередь дежурить. Мы дверь запираем на ночь, а посетители звонят. Вот и он позвонил. Мужчина. Сгрссил бинт, вату и йод.

— Когда это было? В котором часу?

— Да поздно уже... Очень спать хотелось, — откровенно пояснила Соня.

— А он сказал, зачем бинты?

— Сказал. «Вот, — говорит, — пес проклятый — полкило мяса с меня выжрал». Так смешно, — и Соня улыбнулась.

Но ни Волоков, ни Козельский даже не усмехнулись. Они только глянули друг на друга, не надеясь еще на полный успех.

— Как он выглядел, мужчина этот? Вы могли бы его узнать?

— Конечно! Он приметный, с бородой. И большой очень — почти пополам согнулся, когда в окошко наклонился.

Теперь Козельский улыбнулся радостно. Волоков же сдержал свои чувства.

— Почему вы вчера ничего нам не сообщили?

— Да меня ж на работе не было после дежурства. Артем Георгиевич девочек домой присылал, а я к сестре в Долинскую ездила.

— Понятно. Только вот что. Вы говорите, что вчера дежурили? То есть в ночь с позавчера на вчера?

— Да, да. Позавчера заступила.

— И в эту ночь приходил человек с бородой?

— В эту, в эту...

Волоков нахмурился:

— Ну хорошо, Соня, идите работайте. Спасибо вам большое.

Соня ушла с явным облегчением, а Волоков повернулся вместе со стулом в сторону Козельского и развел ладонями.

— Не понимаю вас, — ответил Козельский, хотя отлично понимал.

— Да ведь Дубинина была убита днем раньше.

— Ну, знаете! Почему он не мог прийти в аптеку через сутки?

— Поздно ночью?

— А что ж ему, идти у всех на глазах?

— Днем бы на него меньше обратили внимания. Но не это главное. Вы-то видели Кравчука утром, после смерти Дубининой, вполне здоровым!

Козельский почесал затылок.

— Чертовщина, товарищ капитан,

— Да... На грани фантастики.

Зазвонил телефон.

Капитан поднял одну из своих красивых трубок.

— Слушаю. Это вы, Юра? Как там с Кравчуком? Что?

Он положил трубку и сказал:

— Пошли погуляем. Юрка откопал что-то любопытное.

Юра был тот самый паренек в ковбойке, которого Козельский заметил в Тригорске еще в первый день. Но сегодня он не узнал бы в этом щеголеватом курортном парне с усиками, в узких джинсах и зеленом козырьке на ремешке простоватого работяги, каким выглядел Юра в день его приезда.

«Молодец! — подумал Козельский. — Такое перевоплощение может сбить с толку больше, чем любая неприметность». И он с удовольствием протянул Юрию руку.

Вадим испытал бы еще больше удовольствия, если бы знал, какие вести припас для них этот парень.

Разговор состоялся в парке.

— У Кравчука появился друг.

— Рассказывайте, Юра.

— Все утро Кравчук был дома. Валялся во дворе на раскладушке. Я уже стал скучать...

— Он вел наблюдение из соседнего дома, — пояснил Волоков Козельскому. — Там живет наш бывший сотрудник.

— Вот именно. Осточертел добрым людям, которым и на пенсии покоя нет, — подтвердил Юра. — Вышел со двора Кравчук в одиннадцать и направился в молочное кафе на Зеленой Горке. Посещаемость там средняя, встречаться удобно. Места есть, но и не пустынно. Короче, когда он подсел за столик к одному «кефирнику», я еще ничего не заподозрил. Неприметный такой, с бородкой, немолодой, в чесучовом костюмчике. Типичный бухгалтер-пенсионер. Потом они перекинулись несколькими словами. Так могли разговаривать и посторонние. Правда, о чем они говорили, не знаю. Постепенно разговор стал накаляться. Больше напирал «пенсионер». Кравчук все бурчал что-то, видно недовольный. Вдруг «пенсионер» полез в карман пиджачка и протянул Кравчуку ключ.

— Ключ?

— Именно. Хорошо видел. Довольно большой ключ.

Кравчук взял его и пошел. Даже не попрощался. «Пенсионер» допил свой кефирчик и тоже вышел. Тут я нарушил указания и двинулся не за Кравчуком, а за «пенсционером». Не накажете? — спросил он у Волокова.

Капитан неопределенно пожал плечами.

— Не накажете. Победителей не судят! — Юра засмеялся и вдруг быстро сдернул свой козырек со лба, провел пальцами по верхней губе и оказался без усиков, но зато в тубетейке и черных очках, а поверх тенниски накинул неизвестно откуда взявшуюся спортивную куртку.

«Прямо Райкин!» — подумал Вадим с восхищением. Перед ним сидел совсем новый Юра.

— Вы только послушайте, куда он меня привел.

— В парикмахерскую, — сказал Волоков спокойно.

Лицо Юры вытянулось.

— Откуда вы знаете?

— Не скажу, секрет, — капитан улыбнулся.

Юра вздохнул и продолжал:

— В парикмахерской «пенсионер» побрился. И тут-то произошло самое интересное. Когда мы с ним вышли, я обнаружил на скамеечке напротив... Кравчука. Он старательно глазел из-за раскрытой газеты на «пенсционера». Ну как?

— Здорово! — сказал Волоков серьезно. — Что же вы сделали?

Юра сморщил нос:

— Пока я думал, что делать, «пенсионер» сел в четырнадцатый автобус, а я проводил Кравчука и позволил вам.

— Не дотянул, значит, немного, — резюмировал капитан. — Ну и за то спасибо.

— Говоришь, он был в чесучовом костюме? — спросил Вадим. — Приземистый такой?

— Вспоминаете своего курортника на дорожке в парке?

— Да.

— Стоит подумать. Хотя у нас добрая половина пожилых курортников в чесуче ходит.

— Что же делать?

— Искать «пенсионера» и не выпускать из виду Кравчука. Может быть, его ключ откроет нам главную дверь.

XV.

Мазин понимал, что нужные сведения получит не так скоро, если обратится за ними в обычном порядке. Поэтому он сам поехал в Комитет государственной безопасности, к генералу Возницину.

Генерал — впрочем, тогда еще майор — читал в свое время курс лекций на юридическом факультете. Одним из его слушателей и был Мазин. Потом им приходилось не раз встречаться по служебным делам, и отношения между ними установились такие, что Мазин всегда мог надеяться на помощь Возницина. Со своей стороны, генерал знал, что Мазин не будет беспокоить его по пустякам, и сказал сразу:

— Приезжай.

Через полчаса Мазин уже рассказывал генералу суть дела:

— Мне очень нужно узнать, что известно об этом человеке.

Он протянул Возницину перепечатанный Брусковым кусок из отчета о процессе в Береговом.

Генерал достал из футляра, лежавшего на столе, очки и начал внимательно просматривать бумагу.

«...сердце обливается кровью, когда слушаешь показания свидетелей, людей, чудом вырвавшихся из фашистского ада. Вот перед судом выступает Галина Полторенко. В черных волосах этой двадцатилетней девушки седые пряди. Невозможно описать на бумаге перенесенные ею страдания. На правой руке Гали нет ни одного ногтя.

— Кто искалечил вас? — спрашивает государственный обвинитель.

Полторенко рассказывает на Шнейдера:

— Он командовал.

— А кто был непосредственным исполнителем?

— Из русских... Каин.

— Вы не знаете его имени?

— Не знаю. Мы его «пауком» называли. Он, когда пытал нас, мундир снимал. У него на правом плече накладка была такая — паук.

Государственный обвинитель спрашивает у Шнейдера, кто был этот грязный иуда.

Обвиняемый Шнейдер:

— Этот человек был подчиненным Ноймана из специальной команды СС. Его имя Иван. Фамилию я не помню. У меня плохая память на русские фамилии.

Итак, фамилия палача, истязавшего Розу Ковальчук, Галину Полторенко и многих других советских патриотов, пока неизвестна. Но нет сомнения, «пауку» не уйти от грозной кары. Кровопиец должен быть найден и понести ответ за свои злодеяния...»

Возницын положил листок на стол:

— Ты правильно сделал, что обратился прямо ко мне. Мы этой «специальной командой» занимались. Так что на всех, кто там служил, у нас должны быть данные.

Пока щеголеватый капитан, немножко свысока поглядывавший на одетого в штатское Мазина, по поручению генерала искал необходимые сведения, Игорь Николаевич сидел на диване в приемной. Поставить все на место могла лишь одна фамилия. Не в первый раз прикидывал он «за» и «против» и, хотя не был человеком самоуверенным, но, входя вторично в кабинет Возницына, почти не сомневался, что услышит именно ее.

Генерал был доволен:

— Удача, Игорь Николаевич. Нашелся твой «паук». Вот посмотри.

Трудно было Мазину взять из рук генерала папку, сохраняя спокойствие. Но еще труднее оказалось сдерживать сменившее надежду разочарование. Фамилия «паука» была ему совершенно незнакома. И тем не менее ошибки быть не могло. Речь шла о палаче из Берегового.

«Стрельцов Иван Тимофеевич, — читал он, — год рождения — 1911, русский, сын купца, торговавшего и при нэпе, репрессированного за спекуляцию и контрабанду, добровольно перешел на сторону врага, изменив Родине, вступил в гитлеровские карательные войска... Участвовал в расправах над советскими патриотами в Береговом, на Украине, в Польше, во Франции... Принимал участие в боях на Западном фронте, награжден Железным крестом второй степени... в сорок четвертом получил звание офицера СС. В том же году погиб

при налете союзной авиации на Ганновер, о чем имеется соответствующий документ в архивах СС и что подтверждается очевидцами».

— Ну как, Игорь Николаевич? Пригодится материал?

Мазин все еще всматривался в фотографию Стрельцова. Конечно, она сделана лет двадцать пять назад. За это время можно потолстеть, потерять шевелюру, нажать близорукость, наконец. Но горбоносому стать курносым? Нет! Если только на фотографии снят действительно Стрельцов — это совсем не тот человек, который нужен Мазину.

— Благодарю. Пригодится, так сказать, негативно.

Кажется, этот материал развеял одну мою фантазию. Но на всякий случай сделаю небольшие выписки и, с вашего разрешения, воспользуюсь фотографией.

Все-таки ему было жаль своей версии. Слишком долго и нелегко она вынашивалась. И потому, прежде чем отбросить ее окончательно, Мазин решил повидать Эдика Семенистого.

— Ненадолго только, — сказал врач. — Все-таки сотрясение мозга.

Голова Семенистого напоминала не то белый футбольный мяч, не то шлем космонавта.

— Товарищ начальник! Вы ко мне?

— К тебе. Правда, ни цветов, ни пирожных не принес.

— Да я понимаю.
— Каяться на суде будешь. А мне нужна твоя помощь.

— Это с удовольствием.
— Ты как, читать можешь?
— Конечно.
— Тогда почитай-ка вот бумагу и скажи, кого тебе напоминает этот человек.

Семенистый поднес к самым глазам брусковский листок и начал читать сосредоточенно, даже чуть шевеля губами. Мазин ждал.

Эдик прочитал раз, глянул на Мазина из своего космического шлема, но побоялся сразу сказать и начал снова шевелить губами.

Мазин не торопил.

— Ну? — спросил он, когда Семенистый вторично дочитал все до конца.

— Неужто дед наш таким гадом оказался? — спросил он неуверенно.

— Хочешь сказать, что приметы подходят к Укладникову?

— К нему. И паук у него, и звать Иваном. Паук, правда, не на самом плече, а пониже.

— Значит, так мог подумать и Стояновский?

— Борька? Почему?

— Стояновский читал все, что здесь написано, за день до того, как пропал Укладников. А Роза Ковальчук, которая здесь упоминается, — его мать.

— Понимаю... — прогудел футбольный мяч.

— Ничего ты не понимаешь. Иванов много, а любителей себя разукрашивать — еще больше. В бумаге речь идет не об Укладникове, а вот о ком.

И Мазин протянул фотографию Стрельцова. Семенистый глянул на горбоносое лицо человека в эсэсовском мундире.

— Ну дела! Кто ж это?

— На Укладникова не похож?

— Не. Старик курносый был. — Он посоображал немного и спросил с опаской: — Неужели Борька попутал? И старика... того?

— Разберемся...

Был у Мазина еще один вопрос.

— Между прочим, Семенистый, никто не приходил к Стояновскому в день его отъезда?

Надежда на то, что он получит удовлетворительный ответ была невелика, потому что Эдик работал и, следовательно, не был дома большую часть дня. Все это Мазин понимал прекрасно и поднялся уже со стула, когда Семенистый ответил:

— Приходил.

— Кто?

— Хромой такой...

«Инвалид!» — чуть было не вскрикнул Мазин.

— И они виделись со Стояновским?

Эдик покачал своим шаром:

— Нет. Он его не застал. Когда хромой пришел, Борька уже на вокзал подался.

— А тебе он ничего не сказал?

— Мне? Вроде нет. Так, ничего особенного. Сказал, что Борька ему нужен. Дело у него какое-то. Ну, я ответил, что уехал он на вокзал.

— И сказал, куда он едет?

Семенистый посопел под бинтами. Видно, опасался попасть в ловушку.

— Сказал.

Мазин встал.

— Ладно, поправляйся. Кое-что мы с тобой прояснили.

Однако ясность эта окончательно подрывала версию, на которую Мазин так надеялся. Теперь добраться до выхода из лабиринта можно было только в Тригорске. Там, в руках у Кравчука, оставалась последняя нитка.

В Тригорск Мазин прилетел, когда уже вечерело.

— Игорь Николаевич. Вы? Вот здорово! — воскликнул Волоков радостно.

— Что нового? — ответил Мазин вопросом.

Он чувствовал себя усталым. Хотелось отдохнуть, побриться и принять душ.

Однако слушал Мазин внимательно, и чем больше узнавал, тем скорее проходила усталость. Когда вошел Козельский, глаза Игоря Николаевича снова блестели.

— А вы, Вадим, что скажете?

— На этот раз Кравчук попался.

— Вы твердо считаете его убийцей?

— По крайней мере, Укладникова.

Мазин подумал немного.

— Вадим, а как вы представляете себе все события от начала до конца? Попробуйте нарисовать эту кар-

тину, а мы посмотрим, не найдется ли в ней пробелов, незарисованных мест. И обсудим ее все вместе. Ведь решение предстоит принять очень важное.

Козельский оценил деликатность начальства.

— Я представляю себе дело так. Кравчук был в Москве на конференции. Оттуда он решил съездить на денек домой. Оформил заранее командировочное удостоверение и поехал. Заметим, что об этом никто не знал. Приехал он ночью, тестя нашел в котельной. Что произошло между ними, пока точно не известно, но скорее всего Укладников сказал зятю про тайник и деньги. Кравчук решил воспользоваться деньгами и убил тестя. Потом поднялся в квартиру и забрал деньги.

— Надев предварительно ботинки Стояновского?

— Да, ботинки, как и чемодан, видимо, находились в комнате Стояновского. И Кравчук мог использовать их, чтобы повести следствие по неверному пути. Вспомните, как нас запутал этот чемодан, пока мы не узнали, что Стояновский не брал его с собой, а уехал с рюкзаком.

Мазин кивнул:

— Это логично. Продолжайте, Вадим.

— Остается Дубинина. Мы предполагаем, что Кравчук убил и ее. Я тоже так думал до истории с Рексом. Но тогда перед нами очень сложная задача: зачем? Снова ограбление? Не думаю. Кравчук, по-моему, не профессионал. Скорее, легковозбудимый и увлекающийся человек. Может быть, даже неполноценный психически. Вспомните его глаза, манеру говорить отдельными словами. Возможно, что и тестя он убил в результате вспышки, ссоры. Не поделили, например, деньги...

Козельский говорил увлеченно, энергично. Видно было, что лейтенант немало поломал голову над своей версией. И вполне самостоятельно. А это всегда нравилось Мазину.

— Неплохо, Вадим, честное слово, неплохо.

Козельский улыбнулся, довольный:

— Вот я и подумал: а что, если Дубинина все-таки не убита? Что, если это самоубийство?

— Мотивируйте, — предложил Волоков доброжелательно.

— Мотивировка есть. Кравчук был у Дубининой и

сообщил ей о смерти Укладникова. А планы Дубининой в отношении Укладникова известны. Исчезла последняя надежда как-то устроить свою жизнь. В итоге — отчаяние.

— Тоже логично, — согласился Мазин. — Но как вы объясните историю с Рексом?

— Чтоб он сдох, Рекс ваш! Лучше б он меня укусил. Все рассмеялись.

— Здесь, Игорь Николаевич, честно говоря, начинаются неясности. И с Рексом, и с «пенсионером». Могу сказать только одно: Кравчуку зачем-то обязательно нужна была Дубинина. Он пошел к ней сразу по приезде, но, видимо, не добился своей цели. Собираясь прийти еще, но утром узнал о самоубийстве. Тут Кравчук струсил, понял, что смерть Дубининой вновь привлечет к нему наше внимание. Он пришел ко мне и стал все запутывать. А может, и убить меня хотел. Ему помешали. Тогда Кравчук с присущей ему неуравновешенностью возвращается к старому замыслу, пытается проникнуть в квартиру Дубининой, но Рекс его останавливает.

— В чем только его замысел? — спросил Волоков, ни к кому конкретно не обращаясь.

Козельский развел руками:

— Не знаю. Он говорил что-то о письмах...

— Гадать на кофейной гуще не стоит, — прервал Мазин. — Лучше запомним факты. Вы их, Вадим, выделили правильно. Кравчуку была нужна Дубинина или что-то в ее доме. Цели своей он не достиг и, следовательно, может сделать еще одну попытку. Не исключено, что с помощью ключа, полученного от «пенсенера». Кто такой «пенсионер»? Возможно, обыкновенный слесарь, которого Кравчук попросил изготовить ключ к знакомому ему замку. Обольщаться его рейдом в парикмахерскую, по-моему, не следует. Люди бреют бороды не только для того, чтобы изменить внешность и скрыться.

— А зачем Кравчук следил за ним?

— Хотя бы для того, чтобы убедиться, что слесарь не пошел в милицию. Я стараюсь немножко охладить ваши горячие головы, потому что сам недавно увлекся. Но это не значит, что «пенсионер» — фигура незначительная. Найти его нужно обязательно. Поручите, Дмитрий Иванович, Юре подготовить словесный портрет.

Нужно быть готовым, товарищи, ко всему. Даже невероятному. Такая нам попалась задача. Помните у Достоевского? «Тут не Миколка! Тут дело фантастическое, мрачное...»

XVI.

Вставне была маленькая щель, и, когда по улице проходили машины, неяркий лучик перебегал по комнате. Мазин следил за этой движущейся полоской света, напоминающей щетку на ветровом стекле автомобиля, и думал: если луч дойдет до края стола, то Кравчук придет сегодня. Луч добрался совсем близко, заплесал у дубовой ножки и стал меркнуть. Коснулся он ножки или нет? Мазин улыбнулся своему мальчишеству. Вообще-то он должен был направить сюда Козельского или кого-нибудь из местной милиции, а не сидеть в старом, продавленном кресле ночью в мрачном ветхом домишке, жизнь которого, наверно, закончилась вместе с жизнью его несчастливой хозяйки.

Когда пробегали по комнате лучики, на комодѣ тускло поблескивали фотографии за стеклом. Мазин видел их днем, эти снимки разных лет, запечатлевшие, как черствело с годами лицо Дубининой. И, вспоминая самые ранние из фотографий, он думал, что судьба этой женщины могла бы сложиться иначе, если бы не убежал с белыми ее отец, если бы не осталась она на оккупированной территории, если бы не встретился ей, наконец, Укладников. Жила бы себе спокойно интеллигентная старушка, обучающая внуков французскому языку.

А может, нет? Где провести грань между тем, что заложено в человеке, и тем, на что толкают его обстоятельства? Крайности вообще были неприятны Мазину. Он не верил тем, кто утверждал, что «преступник рождается преступником». Но и терпеть не мог «всепрощальников», призывавших видеть в негодые лишь жертву обстоятельств. Жертвами были другие. Он повидал их слишком много — заколотых ножом бандита или просто обезумевшего хулигана — и их матерей, жен, детей, придавленных неискупимым горем. И, вспоминая отчаяние в их глазах, Мазин не думал, что за убийцей

недосмотрели в яслях или не вовлекли его своевременно в спортивную школу. Он просто делал все, чтобы преступник не ушел от возмездия. Так поступал он и сейчас, но еще более продуманно и тщательно. Ведь смерть нес зверь не обезумевший, а хладнокровный и расчетливый.

Мазин мысленно перелистывал страницы разбухшего дела, и люди как бы сходили со своих скучных фотографий анфас и в профиль. Не всех мог он разглядеть ясно, не всем мог заглянуть в глаза. Вот прошла Дубинина. За ней Укладников. О нем он думал больше, чем о других. И не только потому, что с него все началось. Об этом человеке и его роли в событиях стоило думать и по другим причинам. Но не все эти мысли Мазин решался произнести вслух — боялся «фантазий».

«Старик» — так назвал Укладникова Семенистый. А на самом деле не такой уж старик — до пенсии еще лет восемь. Кое-чем его судьба напоминает судьбу Дубининой. Но сочувствия вызывает меньше. Бросил семью, о дочери вспомнил, когда самому стало трудно. Никогда ничем ей не помог, а помощи попросил. И как он оказался в плену? Не по доброй ли воле? Потребительски относился и к Дубининой. Все чего-то выжидал, выгадывал, вместо того чтобы переехать к одинокой женщине, которая звала и ждала его. Мазин прочитал всю пачку длинных, обстоятельных писем Укладникова, которая хранилась у Дубининой в комодѣ. Написано много. Укладников любил, видно, поскрипеть пером. Подробно, день за днем, фиксировал он свое времяпрепровождение — когда в баню ходил, почему говядину покупал, в котором часу возвращаются домой квартиранты. И в конце неизменная фраза: «Так протекает мое повседневное существование». А вот зачем существует — ни слова. И ни слова заботы о самой Дубининой. Ни малейшего желания хоть чем-то помочь ей. Безликий какой-то, неуловимый...

Иное дело зять его. Тут все контрастно — черное, белое. Никакой безликости. Козельский считает, что Укладникова убил Кравчук. И прокурор, пожалуй, поверит в это, если подобрать соответствующим образом материал. Санкцию получить несложно. Но что даст этот арест? Признание Кравчука, новые факты? Предположим. А если он только запутает дело? Замкнется

человек в себе, скроет что-то важное, пустит следствие по ложному следу? И оборвется единственная нить, которая еще осталась. Нет, нельзя вытягивать эту нить допросами. Нужен рывок, психологический шок. Как зуб рвут. Дернул за нитку — и зуб на ладони. И нитка не порвалась. Здесь разговор нужен решительный, такой, чтобы встряхнул Кравчука, на которого не действуют ни уговоры, ни угрозы. Кравчука можно взять только штурмом. Причем штурмом неожиданным.

Для этого и пришел сюда Мазин.

«Вы хотели меня видеть? — можно будет сказать ему. — Я вас жду. Почему именно здесь? Очень подходящее место! Вы ведь сами пришли сюда. Зачем?»

Эффектно, ничего не скажешь. Но только для Козельского.

И все-таки ждет в этой комнате Мазин, а не Козельский. «А впрочем, довольно хитрить с собой, — думал Игорь Николаевич. — Не эффектной встречи с Кравчуком ждешь ты, а гораздо большего. Не веришь ты в его виновность».

«Нет, тут не Миколка!» Конечно, геолог не «Миколка»! Кравчук — фигура посложнее, у него есть собственная цель. Не зря же он провожал до парикмахерской своего «слесаря». Но не Кравчук вел поединок с Мазиним. Тот, настоящий, очень опытен и хитер. Ему везло, наконец, черт побери! Шаг за шагом воздвигал он глухой забор, приходилось идти вдоль этой стенки, в которой каждая доска прибита очень прочно. После разговора с генералом Возницыным Мазин понял, что рассчитывать можно только на какую-нибудь щель. Калитки ему не оставят. И вот доклад Волокова. «Бухгалтер-пенсионер» с бутылкой кефира. Кто он? Слесарь? Ведь не лгал Мазин Козельскому и Волокову, когда говорил, что это наиболее вероятный вариант. Но почему же Кравчук подсматривал за ним с такой осторожностью? Боялся, что слесарь в милицию пойдет? Дескать, ключ меня зачем-то попросили сделать! Да, этот вариант был бы неплох для Кравчука! А вот если иначе? Если не слесарь...

Мазин даже приподнялся немного в кресле.

«Будь честным, Игорь Николаевич. Если это не слесарь — имел ли ты право позволять Кравчуку делать то, что он делает? Ты увидел, как Кравчук взял на себя роль охотника. Но ты-то знаешь, что овцы не охотятся

на волков. А если охотятся, то это кончается печально для овец. Нет, ты пришел сюда не только для того, чтобы вынудить Кравчука к откровенности. Ты ждешь тут подлинного охотника. И это не Кравчук. Геолог не охотник, а приманка. Хотя такого крупного мужчину не сравнишь, конечно, с червячком на удочке. Но не проглотят ли его, как червяка? Зверь прожорлив. Клюет не по мелочам. Глодает крепко. И даже если он проглотит вместе с Кравчуком крючок — ты не хотел бы такого улова».

Эта мысль встревожила. «Я тут дедовское кресло просиживаю, а он... Правда, за геологом ведут наблюдение. — Мазин поднес близко к глазам свои часы. — Ого! Третий час! А спать не хочется. Пожалуй, это уже не волевой настрой, а самая элементарная бессонница. Нервы-то и у тебя сдают...»

Он встал и подошел к окну. Лучики не скользили больше по комнате, потому что машин давно уже не было. Зато вошла луна, и полоска света, пробившаяся сквозь щель в ставне, остановилась. Мазин наступил на нее, но она выпрыгнула из-под ноги и возвратилась к плечу. Мазин глянул через щель на опустевшую улицу.

На другой стороне улицы он увидел тень. Только тень — человека разглядеть было нельзя. Но у Мазина стукнуло сердце: «Пришел все-таки?» Тень не шевелилась: человек стоял. Ждал, чтобы убедиться, что путь свободен? Шли минуты. Нет, для этого он стоит слишком долго. Улица совершенно пуста. Тишина полная. Рекса забрала Алтуфьева. С двери снята печать. Чего же он ждет?

У Мазина затекли ноги. «А может, это просто кто-нибудь из ребят, посланных Волоковым? Юра, например. Тогда история становится комичной. Нет, это не Юра! Юра тонкий, а этот коренастый. Или тень искажает подлинные размеры? Хотя бы уж он сдвинулся с места!»

Но он не сдвинулся. Он просто исчез. Моментально. Мазин заморгал, как мальчишка, но факт оставался фактом — тени не стало. Мазин напрягся, стараясь проникнуть взглядом в освещенные луной кусты, когда услышал в тишине звук отпираемого замка.

«Решился, наконец!» Мазин сделал три бесшумных шага и встал за дверью, соединяющей комнату с кух-

ней. Отсюда, в щель между неприкрытой дверью и при-
толокой, он должен был увидеть Кравчука, как только
тот зажжет свет или хотя бы спичку.

Вошедший между тем неподвижно стоял в дверях.
Казалось даже, что его вообще нет, — так тихо он
стоял, прислушиваясь и затаив дыхание. Мазин опустил
руку в карман и положил ладонь на рукоятку писто-
лета. Но он не собирался действовать сразу. Сперва
надо было узнать, зачем пришел геолог.

Наконец человек в дверях сделал какое-то движе-
ние. В руке у него вспыхнул карманный фонарик, и жел-
товатый овал прошелся по кухне от стенки до стенки.
Задержался он лишь в одном месте, где пол прорезал
квадрат люка, ведущего в погреб. Пятно света попля-
сало по крышке погреба и двинулось дальше, мимо
двери, за которой стоял Мазин. Двинулось низом, редко
касаясь стен. Очевидно, Кравчук не хотел поднимать
фонарь на уровень окон.

«Что же он собирается делать? Искать?»

Кравчук выдвинул нижний ящик комода, осветил
его фонариком, потом пошарил внутри. Выпрямился.
В руках у него ничего не было. Тогда он быстро обжа-
рил остальные ящики. И тоже не нашел того, что ис-
кал. С минуту помедлив, геолог заглянул под кровать,
пересмотрел немногочисленные книжки на этажерке,
потом присел в кресло, в котором только что сидел
Мазин. Кресло скрипнуло. Геолог приподнялся и вдруг
перевернул кресло, ощупал со всех сторон сиденье.

Мазин наблюдал из своего укрытия. Найдет или нет?
Лучше бы нашел! Тогда разговор получится более вы-
разительным. Правда, пришел он один. Но, в конце
концов, хорошо уже то, что пришел, что жив. Если бы
с ним что-нибудь случилось, Мазин никогда не простил
бы себе этого. А раз уж пришел — пусть поищет. Мож-
но и подождать!

Кравчук взялся за письменный стол, когда произо-
шло то, чего Мазин ждал так долго, но перестал ждать
в последние пять минут. Дверь снова отворилась.

Кравчук замер, услышав скрип, и шепот вошедшего
прозвучал в полной тишине.

— Не бойся, я это.

— Вы?

Они подошли друг к другу. Неизвестный был пониже
геолога.

— Я. Нашел?

— Ничего нет. Зачем вы пришли?

— Помочь тебе.

— Не нужно.

— Не психуй только, понял?

Голос звучал жестко. Потом мягче:

— Горячий ты, молодой, все сразу хочешь. Где смо-
трел-то?

— Везде. Вы ж говорили, в комод.

— Это она мне говорила. А бабам верить-то
знаешь как?

— Что же вы мне голову морочили? Зачем вы меня
в это дело впутали?

— Никто тебя не путал! Я помог тебе. Ключ дал.
Ты ж без меня еще сюда влезть пытался. Так ведь?

— Но вы сказали, что здесь есть...

— Сказал, сказал!.. И сейчас скажу! Искать нужно!
Потому — единственное это мое спасенье. И тебе тоже
нужно, раз хочешь все по правде. Искать будем, понял?

— Не верю я вам!

— Зачем тогда пришел?

— Правду узнать.

— Вот и узнаешь. Под полом-то смотрел? В по-
гребе?

Луч фонарика скользнул по половицам.

— Вот крышка. Видал? Там тоже посмотреть нужно.

— Шутите. Кто бумаги в погребе держит?

— Держат, когда нужно.

— Не лезу я в погреб.

— И не лезь. Я сам погляжу. Дай-ка фонарик.

И незнакомец, нагнувшись, легко приподнял деревянную крышку.

Кравчук протянул ему фонарь. Тот осветил погреб.

— Конечное дело, можно и там ничего не найти. Но не в бумажке суть. Главное — человеку верить. Тогда и ему поможешь, и себе плохо не будет.

— Что вы хотите?

— Хочу, чтобы ты забыл, что видел меня здесь.

— А я хочу выяснить... — Фразу эту геолог не закончил.

Стояли они рядом. Вернее, не стояли, а двигались, хотя и очень медленно, по кухне. Незнакомый — в сторону от погреба, но не к выходной двери, а скорее к тому месту, где находился Мазин, будто отступая перед Кравчуком. Отходя в глубь комнаты, он вроде бы обдумывал, что ответить геологу. Так, во всяком случае, показалось вначале Мазину. А когда он сообразил, что незнакомец вовсе не ответ обдумывает, а просто выжидает, чтобы Кравчук повернулся спиной к люку, было уже поздно: удар пришелся в низ живота. Неожиданный и ошеломляющий. Так часто бывает с очень сильными людьми. Их ведь редко пытаются ударить. Не ждал и Кравчук. Он согнулся, не успев и охнуть, и тут же второй толчок опрокинул его в погреб.

Мазин не успел предотвратить первого удара, но теперь стоило подождать еще немного, чтобы увидеть все до конца.

Незнакомец сунул руку за борт пиджака.

— Не вздумай лезть наверх! Я тебе все рассказал, псих паршивый! Видишь пистолет — вот она, правда! Я его у той сволочи отобрал, что меня шантажировала... Сейчас я тебя закрою. И уеду. Чтоб не мешать вам жить!.. Выйдешь, когда меня не будет. Посиди тихо, посоображай, как невинного человека загубить хотел. Слышишь, что говорю?

Кравчук молчал.

— Слышишь?

Из погреба не ответили.

Тогда тот, что был наверху, поставил крышку в пазы. Делал он это одной рукой, не выпуская из другой пистолет. Так же, одной рукой, он сдвинул тяжелый

кухонный стол и придавил им крышку. Потом посветил фонариком, убедился, что стол на месте, и, вытерев пот со лба, остановился посреди комнаты, чтобы отдышаться.

Мазин стоял в двух шагах от него. Кажется, ничто больше не мешало поставить последнюю точку. Длинный путь через лабиринт закончился. Вдруг снова вспыхнул фонарик. Кружок света пробежал по полу и остановился на газовой плите. И Мазин увидел, как рука с носовым платком протянулась и открыла кран. Сначала один, за ним второй. Засвистели струйки газа.

И тут же их заглушил шум подъехавшей машины. Человек, заперший Кравчука, замер у двери. Пистолет его медленно поднялся на уровень пояса.

— Бросьте оружие! — сказал Мазин и включил свет.

Выстрел раздался так быстро, что Мазин даже не успел удивиться столь моментальной реакции. Но неожиданная вспышка света сделала свое дело — пуля ушла в потолок. В ту же секунду в распахнувшуюся дверь влетели Волоков и Козельский.

— Кто это? — пораженно произнес Вадим, когда наручники защелкнулись.

Мазин рассматривал немолодого уже, но крепко сбитого человека, лежавшего на полу. Редко ему приходилось видеть в глазах столько злобы и ненависти. С отвращением расстегнул он рубашку у него на груди и обнажил плечо.

— Убийца! Зверь. Паук!

— Стрельцов?

Мазин не успел ответить. Он вдруг вдохнул в себя воздух и бросился к плите. Свист прекратился.

— Вадим, отодвинь этот стол! И откройте побыстрее окна!

Из погреба показался Кравчук. Козельский направил на него дуло пистолета. Но Мазин отвел руку лейтенанта, посмотрел на Кравчука и невольно улыбнулся:

— Вы, кажется, хотели меня видеть?

Тот смущенно подергал бороду:

— Глупо вышло. Смешно?

— Не очень. Ваш почтенный родственник рассчитывал, что вам придется зажечь спичку, когда вы станете искать в темноте выключатель. А газ взрывается, между прочим.

— Родственник? — воскликнул Козельский. — Значит...

— Да! Именно он, Укладников, — убийца Дубининой и Бориса Стоячовского, фашистский палач.

XVII.

Земля покрылась густой ватой облаков, и казалось, что самолет летит низко над безлюдной снежной пустыней.

Мазин и Козельский сидели в хвосте, где пассажиров почти не было. В это время года народ летит больше на юг. Вадим перелистывал на коленях первые протоколы допросов.

— Вспоминаю свою версию, Игорь Николаевич... Стыдно!

— Минорное настроение у вас, Вадим, не столько от ошибок, сколько от возраста. В молодости как-то не понимаешь, что не все приходит сразу...

— Утешаете?

— А что делать?

Козельский невольно улыбнулся:

— Игорь Николаевич. Скажите честно: вы про Укладникова с самого начала знали?

Мазин отрицательно покачал головой:

— Конечно, нет!

— Но думали вы о нем с самого начала?

— Думать и знать — вещи разные. Да, думал!

Помните наш первый «военный совет»? Я намекал вам на свои «несерьезные» мысли. Но тогда были лишь смутные догадки. Факты пришли позже. Да и то чуть было не рассеялись, когда я увидел дело Стрельцова.

— Еще бы! На карточке он совершенно неузнаваем. Кстати, как ему удалось изменить свою внешность?

— Довольно просто! Союзники помогли. Он действительно попал под бомбежку в Ганновере. Там ему и проломило нос. Но удачно — мягко. Кожа на лице не пострадала. Поэтому он и кажется просто курносым. Ну, а остальное сделали годы.

— А превращение в Укладникова?

— Собственно, не превращение, а возвращение. Укладников — его настоящая фамилия. Он сменил ее,

когда отрекся от репрессированного отца. Как Стрельцов он был призван в армию, сдался в плен, свирепствовал в карателях, а когда после бомбежки затерялся в каком-то немецком госпитале и даже в эсэс его сочли погибшим, решил вернуться к прежней фамилии. Чтобы ускользнуть от расплаты. Правда, наказания он не избежал, но явно не по вине... Впрочем, это уже компетенция генерала Возницына. Мы свое дело сделали.

— Не мы, а вы!

— Ни в коем случае. И мы с вами, и Волоков, и Васюченко, и Юра, и другие. А Брусков или эта Майя из Берегового?..

— Конечно, конечно, я?! Да у меня еще масса неясностей...

— Не только у вас. Мы, например, не знаем до сих пор, кто такой открытый вами «инвалид». Одно время я даже считал его центральной фигурой. Но теперь можно предполагать, что этот человек знал мать Стояновского и поэтому разыскивал его. Если б лейтенант-связист, о котором рассказывала Майя, не погиб, я подумал бы, что это он. Впрочем, на всякий случай я запросил Береговое. И Брускова тоже. Не зря же он в этом деле копается.

— В газете описать хочет?

— А что? Пусть пишет. Нужно помнить, что еще не все военные преступники наказаны. Тогда люди будут бдительнее. И осторожнее. Чтоб не было таких напрасных жертв, как Борис Стояновский.

— Вот кого действительно жаль!

— Еще бы! Такая неосторожность! Хотя понять его можно. То, что он узнал от «инвалида» и от Майи, особенно о палаче Стрельцове, могло потрясти кого угодно. Ясно, что Стояновский первым понял, кто такой Укладников. Он знал, что Укладникова зовут Иваном. Живя с ним в одной квартире, наверняка видел его «паучью» татуировку, слышал от Кравчука, что его тесть отбывал наказание за что-то, связанное с пребыванием в плену. С тем Иваном-карателем, который был обрисован в старой газете, совпадало слишком многое. И это не давало Борису покоя. Вот он и решил вернуться. Ошибка его заключалась в том, что направился он не по адресу. Идти нужно было в Комитет госбезопасности, а он, как и Кравчук, пошел напролом. И это стои-

ло ему жизни. Вернувшись в город, Борис направился прямо в котельную. Трудно придумать более подходящие условия для убийства. Ночь, никаких свидетелей, пылающая топка. Укладников был слишком опытным зверем, чтобы не воспользоваться такой обстановкой.

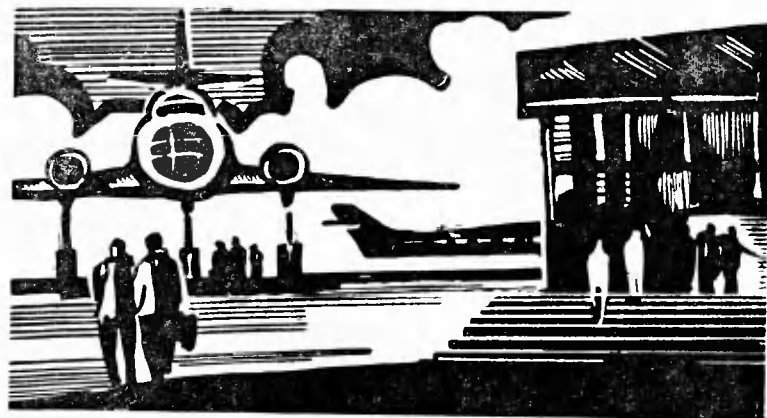
Когда труп Бориса исчез в топке, Укладников понял, что надо немедленно бежать. Он не знал, кому успел Стояновский рассказать о своем открытии. Та, пусть уж лучше думают, что это не Укладников убил Бориса, а, наоборот, Борис убил Укладникова. Если Борис и рассказал кому-то — в такое убийство легко поверят. Мстил, мол, за мать. А потом испугался и скрылся. Будут искать Стояновского. И никто не станет искать Укладникова. А именно это ему и было нужно!

Укладников быстро сообразил все. Даже то, что деньги на дорогу и вообще на три-четыре года спокойной жизни у него есть. Те, которые в тайнике. Напал он на них скорее всего случайно, обнаружив двойное дно в шкафу. Укладников понимал, что о пропаже этих денег в милицию не заявят. Ведь в тайниках хранят только ворованное. И поэтому он спокойно швырнул в топку железный футляр со своими очками и пошел за деньгами. Компания, которой они принадлежали, действовала нагло. Тянули все, особенно дефицитные детали к приемникам и телевизорам. Большую часть вырученных денег хранили в тайниках, потому что ОБХСС уже стал присматриваться к «хозяину».

Открытие тайника стоило Укладникову немалых мук. Соблазн был огромен. Но он опасался привлечь к себе внимание. Поймают жуликов, кто-нибудь из них проговорится о деньгах — доберутся и до него... Убийство Стояновского снимало все эти опасения. Важно было только умело разыграть спектакль. И Укладников решил так все запутать, чтобы из клубка не торчало ни одной нитки. Отчасти это ему и удалось. Он очень расчетливо использовал ботинки Бориса, чтобы обеспечить следствие ложными следами, выпачкал кровью рубашку, пиджак и топорик. Причем топорик, которым никто никого не убивал. Не пожалел на инсценировку и собственной крови. А затем сунул все в чемодан и забросил в пустой вагон на дальней станции. Лишь по чистой случайности это произошло в Береговом. Укладников ехал на юг, по маршруту Бориса, чтобы дать телеграмму откуда-нибудь из Крыма. А Береговое бы-

ло первой большой стоянкой на пути поезда. Везти дальше чемодан с «опасными» вещами у старика просто не хватило духу.

Только дав телеграмму из Ялты, Укладников направился к Дубининой. Он рассчитывал без особого труда уговорить ее продать домик и перебраться в городок потише, поглуше, где можно не опасаться случайной встречи с теми, кто считает тебя мертвым. И он не случайно оставил свой паспорт в кармане пиджака. У него давно уже был припасен паспорт его собутыльника Семенченко, немного похожего на Укладникова. Этот паспорт Укладников когда-то украл просто так, на всякий

случай. Слишком уж поразило сходство. И вот теперь паспорт пригодился.

Однако Дубинина и Кравчук сразу же разрушили все планы. Конечно, Дубинина считала себя «обиженной». Но активным врагом Советской власти никогда не была, и дружба ее с Укладниковым основывалась на неведении и женской доверчивости: считала судьбу его близкой своей — тоже, мол, за грехи отцов страдал..

Козельский просмотрел еще несколько страниц протокола.

— Вот тут он говорит, что вначале не собирался убивать Дубинину.

— Конечно. Дубинина была ему очень нужна. И он не мог предугадать такого драматического хода событий.

— Встречи с зятем?

— Я бы сказал, не встречи, а того, что Кравчук узнает от Дубининой и что она узнает от Кравчука. Встречу-то он организовал сам. Эта встреча не случайна. Случайность только в том, что Кравчук и Укладников приехали в Тригорск в один день. Но тесть — на несколько часов раньше...

В дверях салона появилась стюардесса:

— Товарищ Мазин Игорь Николаевич — вы? Вам радиogramма.

— Спасибо.

Мазин взял листок бумаги, быстро пробежал его глазами.

— Вот видите, Вадим, еще одна загадка прояснилась. А вы газетчиков ругаете!..

Радиogramму прислал Волоков. «Только что получил письмо от Брускова на ваше имя. Фамилия «инвалида» Колесов. Он бывший партизан. Майя узнала его адрес. Проживает постоянно в Симферополе».

— Чудесно! — Мазин протянул радиogramму Вадиму. — Колесов может дать важные показания по делу Укладникова.

— Еще судить эту сволочь! Я б таких сразу...

Мазин покачал головой:

— Именно судить, Вадим! И жаль, что о таких судах мало пишут. Я бы писал больше. Чтоб люди о нашей работе знали. Тогда, может, поменьше стало бы таких доморощенных Шерлоков Холмсов, как Кравчук. Вы все еще злитесь на него, Вадим?

Козельский махнул рукой:

— Дубина!

— Ну нет! Не согласен! Просто Кравчук, как и немалая, к сожалению, часть наших сограждан, считает, что милиция зря ест свой хлеб, а истинные герои и следопыты обитают исключительно в тайге. Себя, во всяком случае, он считал достаточно опытным «сыщиком». Потому он и направился к Дубининой сам. Его, видите ли, не устраивали наши «примитивные» методы... Даже когда я спросил у него о Дубининой, он не сказал, что знает о ней. «Думал, затаскаете зря женщину!» А сам к ней пошел. Говорит, чтобы пролить свет на обстоятельства убийства тестя. Он тогда еще верил, что Укладников убит. Какой тонкий психолог! Посмотрите-ка его показания...

Козельский перелистал несколько страничек, прочитал: «Моя ошибка заключалась в том, что я не доверял следствию и хотел сам выяснить причины убийства тестя. Поэтому, приехав в Тригорск, я сразу же отправился к Дубининой, чтобы расспросить ее о прошлом Укладникова и прочитать его письма. Оказалось, что он жив и как раз в этот день приехал в Тригорск. Я был ошеломлен...»

— Представьте себе эту сцену, Вадим! Ведь новость была взаимно ошеломляющей. Дубинина только что говорила с живым Укладниковым. Он пришел, оставив чемодан в камере хранения. Первая их встреча была короткой. Укладников убедился, что Дубинина дома, ничего не знает и по-прежнему доверяет ему. После этого он отправился на вокзал за чемоданом, захватив ключ от дома. Тут и появился Кравчук с известием об убийстве».

Когда Кравчук и Дубинина пришли в себя от первого удивления, о каких-то письмах уже и речи быть не могло! Дубинина предложила переговорить с Укладниковым и выяснить правду. Вот здесь, в протоколе допроса, посмотрите:

«...я был очень растерян и не смог правильно сориентироваться. Поэтому мы решили, что я зайду к Дубининой завтра и сначала она поговорит с Укладниковым сама. На этом она очень настаивала».

Именно эта ошибка оказалась роковой. Дубининой следовало бы схитрить, выпытать у своего друга все осторожно. Но потрясение было слишком сильным. Она не смогла сдержаться и потребовала объяснений. Это был смертельный удар по замыслу Укладникова. Он считал Дубинину своим очень прочным тылом. Никакие нити не вели к ней. Письма ее он уничтожил перед бегством. А о том письме, которое пришло после его отъезда, он не знал. И вдруг — полный провал!

Он так и не сказал на первом допросе всего, о чем говорили они в этот вечер. Сказал только коротко: «Не поладили мы!.. И попросила она меня сейчас же уехать».

Понятно, что она боялась. Боялась Укладникова, боялась Кравчука, боялась следствия — всего боялась.

Страх ускорил ее гибель. Когда она принялась закрывать ставни и окна, чтобы никто с улицы не заметил гостя, Укладникову и пришел в голову замысел отде-

латься от Дубининой, разыграв ее «самоубийство». Он согласился исчезнуть навсегда. Попросился только переночевать — куда ж, мол, идти на ночь глядя?.. Дубинина не возражала. Она уже плохо понимала, что к чему, — была пьяна. Когда она заснула, Укладников уничтожил следы своего пребывания в доме и открыл газ...

Но оставался Кравчук. Что он делал тем временем?

«...Я видел в жизни немало передраг, — рассказывал он на допросе, — но в такую попал впервые. Утром я пришел к дому Дубининой и узнал, что она отравилась газом. И тестя в доме не было. Это показалось мне очень подозрительным. Сначала я принял верное решение — сообщить все Мазину. Я догадывался, что мой попутчик, назвавшийся инженером-химиком, на самом деле работник милиции. Видел его в машине вместе с Мазиним. Но полной уверенности в этом у меня все-таки не было. Поэтому разговор у нас сложился неправильно. А выправить его я не успел. Неожиданно я увидел Укладникова..»

— Припоминаете этот момент, Вадим? — не удержался Мазин. — Появление Укладникова было вполне понятным — он следил за Кравчуком. Дубинина сказала, где тот остановился. Бежать из Тригорска, не поймавшись с зятем, было невозможно. Оставалось или убедить зятя молчать, или убить его.

Укладников знал, что на таких людей, как Кравчук, нужно прежде всего наступать, сбивать их с устойчивых позиций. И он достиг этого, обвинив зятя в том, что тот толкнул Дубинину на самоубийство.

«...Укладников сказал мне, что, вернувшись с вокзала, он застал Дубинину в подавленном состоянии. Она не хотела слушать никаких объяснений и выпнала его со словами: «Все равно моя жизнь разбита! Дай мне хоть умереть спокойно! Никаких следствий я больше не хочу!»

Он якобы уступил ей и ушел, а ночью ее не стало.

«Видишь, что ты наделал? — сказал мне Укладников. — Она покончила с собой из-за тебя. А теперь ты и меня погубить хочешь?» — «Но почему вы бежали? От кого скрываетесь?» — спросил я. «Тебя спасал и дочку! — ответил он. — Не чужие ведь вы мне! Знаешь, что такое анкета в наше время? Сейчас я свободен, и на вас со Светланой пятна нет. А если меня опять потянут? Ведь тебе ходу в жизни не будет! До гроба

в тайге проторчишь!» Я ответил, что это меня не пугает. «Тебя-то, может, не пугает, — сказал он. — Так ведь Светку жалко! Ей-то из-за меня зачем страдать? Выросла в городе! Тайга ей не дом!..»

Укладников рассказал мне, что в лагере для военнопленных, где он находился, был его однофамилец, лагерный полицейский, который заставил его сделать такую же, как у того, татуировку, паука на плече. И теперь некий шантажист, тоже из бывших гитлеровских прихвостней, грозит, что донесет на него в органы КГБ. И чтобы не донести, требует очень много денег, которых у Укладникова нет. «Вот я и решил исчезнуть, вас спасая, — говорит тесть. — А если ты сообщишь, куда следует, то и Светке будет плохо, и тебе — особенно после самоубийства Дубининой, в доме которой ты был».

Он уверял, что тяжело переживает смерть Дубининой, которая знала о нем всю правду и могла помочь восстановить его доброе имя. Еще он рассказывал, что его взяли в плен раненого, прямо в госпитале, когда немцы внезапно захватили Тригорск. А Дубинина там работала санитаркой, и в госпитале они познакомились и полюбили друг друга. Обо всем этом якобы не раз вспоминалось в их переписке и в дневнике Дубининой, который вела она много лет и сохранила, несмотря на все беды. А в госпитале этот тесть лежал как раз в то время, когда его однофамилец — фашистский холуй с пауком на плече — зверствовал где-то на оккупированной территории...»

Козельский отложил протокол.

— Ловко он его запутал, Игорь Николаевич! Заставил, так сказать, добывать для себя алиби!

— Да, ловко! Хотя и ненадолго. Но больше Укладникову и не требовалось. Ему нужно было лишь ошеломить Кравчука, не дать тому принять правильное решение и убить при удобном случае. И зять сам подсказал такой момент. После встречи с Укладниковым он сгоряча попытался проникнуть в дом Дубининой, но был остановлен Рексом. Вот здесь и возникла еще одна маленькая загадка — вернее, путаница, которая могла нам помешать.

— Вы имеете в виду отпечатки пальцев на стаканах?

— Точнее — их отсутствие! Помните, как был смущен Васюченко, не найдя на стакане никаких отпечат-

ков? Меня это тоже смутило. В чем же дело? Оказывается, Укладников, когда убирал посуду, перепутал стаканы и не мог вспомнить, который его, а который Дубининой. Он решил выбросить оба. А в буфете взял — осторожно, через носовой платок! — третий стакан и для правдоподобия плеснул в него водки. Ясно, что эксперты не нашли на этом стакане отпечатков.

— А с отпечатками на осколках стакана Укладникову, видимо, просто повезло, — предположил Козельский.

— Еще бы! Когда Рекс бросился на незнакомца, выходявшего ночью из дома, Укладникову пришлось отбиваться единственным предметом, оказавшимся в руках. А это был стакан. Так на осколках, которые я подобрал, и оказались отпечатки пальцев Дубининой. Тут Укладникову действительно повезло. Но ведь на этом же стакане должны были быть и отпечатки пальцев самого Укладникова! На нижней части стакана, которую он держал в руке во время удара. Но, видимо, он не выпустил ее из рук! От удара откололась лишь верхняя часть, со следами пальцев Дубининой. Второй стакан остался в кармане. Укладников выбросил его где-то по дороге. А нам задал задачу!

Вот вам и предыстория первого визита Кравчука. Раненый Рекс не был расположен к дипломатии и без предупреждений вырвал у геолога клоч рубахи вместе с мясом. Достать письма не удалось. Но идея осталась. О своей неудачной попытке он рассказал в кафе Укладникову. Это была их вторая встреча. Укладников извлек из нее максимальную выгоду. Казалось, случай опять подбрасывает ему удачу. Он легко изобразил благородство: «Не веришь, мол, — вот тебе ключ! Иди убедись!» А сам наверняка подумал: «Уж если сейчас не верит — значит, никогда не поверит! Дневника-то нет! И в письмах ничего такого. А раз не поверит — донесет. Надо предупредить». Ведь отравись Кравчук газом или погибни в результате взрыва, мы бы думали, что он сам виноват.

Короче, если бы Юра не засек их встречу в кафе, — неизвестно, как сложилась бы судьба геолога.

Для меня сообщение Юры оказалось решающим. Внутренне-то я был к нему подготовлен. Но уверенности не было. Только когда узнал про ключ — понял, что это ключ к развязке.

— В том-то и дело, что вы были подготовлены!

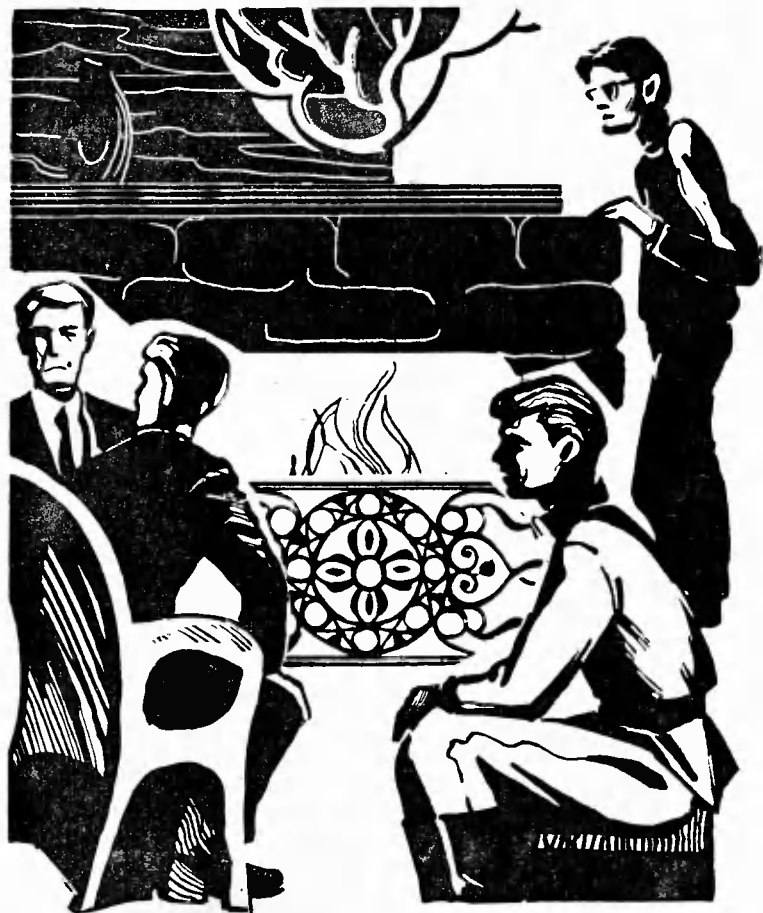
— Да тут уж никаких секретов, Вадим! Опыт, немножко интуиции, наблюдательность — из этого наш суп и варится... И еще доверие к людям. Меньше подозрительности! Вы, например, упорно подозревали Кравчука. И факты у вас были, и мыслили вы логично, а у меня, знаете, все эти факты рассыпались, когда я вспоминал, как Кравчук рассказывал о Стояновском. Эпизод тот, со щенятами, в моих глазах обелял больше Кравчука, чем Стояновского. Хотя Кравчук с самого начала предстал перед нами в черном свете. Попробуй догадайся, что он укатил на два дня раньше из Москвы, чтобы встретиться со старым приятелем в Кирове! Если б он и сказал об этом — поверили бы мы ему не сразу. Вызвали бы приятеля, допрашивали его. А Кравчук этого не хотел.

Самолет развернулся на посадку.

— Ну и еще детали, Вадим, как любит говорить наш новый друг Валерий Брусков. Множество существенных мелочей. Скажем, волосы на топорике. Мне они показались слишком аккуратно срубленными. Даже не столько срубленными, сколько срезанными. Потом шарканье, о котором говорила Аллочка. Шаркать мог только тот, кому ботинки были очень велики. Я вспомнил небольшую по размеру обувь Укладникова. Так мозаика и подбиралась.

Но главное, конечно, то, что ни в Стояновском, ни в Кравчуке, ни в Семенистом, несмотря на все улики, не видел я, не чувствовал людей, способных на такое преступление. «Нет, не Миколка!» — думал я и ждал, когда же появится настоящая фигура. Уметь ждать в нашем деле тоже кое-что значит. Вот и дождались! То, что вначале казалось фантастическим, постепенно обросло фактами и превратилось в реальность. Грустную, правда, но что поделаешь? Лучше поздно раздавить такого «паука», чем никогда.

П О В Е С Т Ъ Т Р И Д Н Я
В Д А Г Е З А Н Е

I. ГРОЗА

— Кто такой Калугин? — Мазин положил руку на дверцу машины. — Ты уверял, что в поселке полное безлюдье...

В полуметре от колеса «Волги» круто вниз уходила гранитная серо-розовая стенка, под ней пенилась, пробиваясь среди валунов, стиснутая ущельем бутылочного цвета речка. Впереди, прямо из скал, росли пихты. Их острые ярко-зеленые верхушки перемежались с ледовыми вершинами хребта, кипенно сверкавшими на фоне солнечного, почти фиолетового неба. Зато путь в долину преграждала черная, подернутая пепельной дымкой туча.

— В самом деле? Значит, упустил, старик, — произнес Сосновский сокрушенно.

— Выкладывай все, пока не поздно!

Борис Михайлович глянул в зеркальце на тучу.

— Пожалуй, поздно. Назад не проедешь. А Калугин личность вполне почтенная. Москвич, художник. Богат и расточителен. Посему окружен людьми.

— Жарятся шашлыки, и льются напитки?

— Не буду отрицать того, что скрыть невозможно. Шашлыки у Калугина отменные. У него, понимаешь, свой метод приготовления. Вымачивает мясо в вине.

— Борис! За сколько времени отсюда можно выбраться пешком?

— Не дури, старина. Места здесь всем хватит. Не желаешь цивилизации — ставь палатку и гоняй комаров, сколько душе угодно. Можешь махнуть через перевал. — Сосновский кивнул в сторону ледовой гряды. — А поостынешь, осточертеет величавое уединение — возвращайся в компанию художественной интеллигенции. Между прочим, Марина Калугина отлично ездит верхом.

Бориса Мазин встретил случайно на улице. С тех пор как они вместе работали в уголовном розыске, прошло десять лет. Сосновский защитил диссертацию, располнел и то и дело вытирал носовым платком капли пота, катившиеся по загорелой шее за воротник нейлоновой рубашки.

— В такое пекло — спасение одно: горы. Не завидую тебе — париться летом в городе!

— Через три дня я иду в отпуск.

— В отпуск? Слушай, Игорь, махнем со мной! Райский уголок, первозданная природа. Крошечное местечко под самым хребтом. Одно время были лесозаготовки, но теперь заказник. Рабочих перебросили в соседнее ущелье. Домишки они распродали за бесценок. Я купил один за двести (учти, за двести рублей!), вложил еще сотни полторы, и теперь мне все завидуют. Правда, ближайший магазин в девяти километрах, но что стоит уединение!

Уединение и соблазнило Мазина, а, оказывается, его-то и нет!

Удаляясь от наползающей тучи, «Волга» спускалась серпентиной вниз. Игорь Николаевич вытянул руку из окна, и она повисла над пропастью. На противоположном склоне можно было прочесть уцелевшие от военной поры слова: «Перевалы — наши. Фашист не прошел!» Внизу, возле дощатого моста, стоял и смотрел на спускающуюся машину парень в вылинявшей кобойке и помятых джинсах. По обожженному солнцем лицу кустилась рыжеватая бородка. Лицо было из тех, что называют современными: вытянутое, с правильными чертами. Ровный нос пересекала тяжелая оправа очков.

— Эй! — махнул рукой Сосновский, притормаживая. — Как мост?

Парень подошел неторопливо.

— На скорости проскочите.

Вода шумно накатывалась на деревянные опоры, и одна уже заметно накренилась. Настил над ней прогнулся. Борис смотрел неуверенно, однако выбора не было. Машина скользнула по пружинящим доскам. Под ее тяжестью опора подалась, но выстояла. Сосновский вытер пот со лба и сказал не без удовольствия:

— Не завидую я тому, кто после нас поедет. А ты куда? — обратился он к парню. — Если в Дагезан, садись, подвезем.

Тот покосился на приблизившуюся тучу.

— Спасибо. Пожалуй, кости прополаскивать достаточно.

— Отдыхаешь? — спросил Сосновский, когда машина тронулась.

— Да.

— Один?

Снова короткое «да». Парень произносил совсем мало слов, но голос его что-то напомнил Мазину.

— В палатке живешь? — продолжал выпрашивать Борис Михайлович.

— Ночую у Калугина.

Спасла его от дальнейших признаний девушка. Она шла по дороге легким, привычным к горам шагом.

— Галина Константиновна? Прошу!

Сосновский широко распахнул дверцу.

Девушка заколебалась.

— Что тут ехать... Два километра осталось.

— Не нужно обижать трех одиноких мужчин, — сказал Борис Михайлович серьезно, и девушка села рядом с парнем в ковбойке.

— В Дагезан вы, конечно, по личному делу? — Сосновский прибавил скорость. — Школы там нет, да и время каникулярное.

— Какое может быть личное дело у учительницы! Хочу егеря повидать. Говорят, он самолет нашел, что в войну сбили.

— Самолет? — встрепнулся парень. — На Красной речке?

— Не знаю.

— Зачем он вам?

— Как зачем? Это же наш самолет, советский. Перенесем погибших в поселок, родственникам напишем.

— Удастся ли опознать? — усомнился Сосновский.

— Не опознаем, могилу Неизвестного летчика сделаем.

Дагезан появился из-за очередного поворота. Ущелье расширилось, отвесные склоны сменились пологими, поросшими густым орешником. Ниже под серыми потемневшими крышами примостились дома, окруженные садами и огородами.

— Повезло мне, дома Матвей, — сказала учительница, показывая в сторону от дороги. Там, за низким заборчиком из штакетника, стоял мужчина в гимнастерке без пояса и разглядывал «Волгу», прикрыв от солнца глаза ладонью. — Он ведь в горах больше...

— Мне тоже нужен Филипенко.

Бородатый парень вышел вслед за Галиной, и снова Мазин прислушался к его голосу. На этот раз он показался ему не только знакомым, но и озабоченным.

Они пошли тропинкой через мокрый луг, где места были проложены широкие доски. Галина обернулась и помахала рукой.

— Здешняя? — поинтересовался Мазин.

— Преподает в интернате в Мешкове. Там вся окрестная детвора учится. Ну и общественница, конечно. Вечно в хлопотах. Славная девушка.

Стало видно, что поселок пустует, в окнах не было рам, заборы покосились, а огороды заросли бурьяном.

— И у тебя такая развалина?

— Жилище мое не поражает роскошью, но всегда открыто для людей с чистым сердцем.

— Считаю, что тебе попался именно такой человек. И не раздави на радостях ишака, — предостерег Мазин.

Впереди по дороге, перешедшей в улицу, ехал на оселе человек, одетый в черный пиджак и солдатские галифе, заправленные в коричневые, домашней вязки носки. Сосновский просигналил, но ишак и ухом не повел, меланхолично перебирая крепкими ногами. Зато седок обернулся и приподнял над головой потрепанную соломенную шляпу.

— Мое почтение уважаемым путникам.

— Здоров, Демьяныч! Много меду накачал?

— Солнышка пчелкам не хватает, Борис Михайлович

У Демьяныча было маленькое ласковое лицо.

— А я тебе сапоги привез резиновые.

— Много благодарен. Вещь в здешних условиях необходима.

Демьяныч стукнул ишака кулаком по шее, чтобы тот освободил дорогу. «Волга» с трудом обогнула упрямого конкурента. Осел смотрел на машину с отвращением.

— Забавный старик. Пасечник из Тригорска. За колхозными ульями присматривает. И сам этакий продукт природы: травы варит, зверье уважает. Говорит: «И в пчеле душа есть, только тайна ее от нас скрыта...» А вот и калугинский дворец.

Дом художника резко выделялся среди местных строений. Было в нем почти три этажа: нижний, полуподвальный — гараж, выложенный неровным красноватым камнем; основной — деревянный, с широкими окнами в замысловатых переплетах, и мансарда — мансарда. Чувствовалось, что сооружен дом по собственному замыслу человеком знающим и умелым.

— Почти все своими руками сделал. Жадный на работу мужик.

— Не зря потрудился, — согласился Мазин.

Речка делала здесь крутой изгиб, и дом возвышался на полуострове, окруженный великолепными елями.

— Увы, мой дворец много скромнее.

Через несколько минут они разминали затекшие ноги у небольшого, но ладного, недавно отремонтированного домика, пахнувшего хвоей. В комнате стояли две раскладушки, шкаф и столик с тумбочкой. Мазин выглянул в окно. Снежные вершины начало затягивать.

— Там бывают туры, — провел рукой вдоль хребта Борис.

— Можно получить лицензию на отстрел?

— Получить можно. Подстрелить труднее. Мясо я у Филипенко добываю. У него оленина не переводится. Между прочим, Игорь, ты тут не хвались специальностью. Скажи, что инженер или врач-педиатр, а то мы голодными насидимся.

— И это говорит юрист!

Игорь Николаевич покачал головой и, перекинув через плечо мохнатое полотенце, пошел к реке умываться. Небо потемнело, подул ветер. Мазин разделся до пояса и пожегился, опустив руки в ледяную воду.

— Прохладно?

Это спросил, заметно окая, худощавый пожилой человек в большом берете, весь в крупных, будто вырезанных по дереву морщинах. Он опирался на сучковатую толстую палку.

— Прохладно.

Незнакомец прыгнул с камня на камень.

— Тут не Сочи. Все, что угодно, но не Сочи. А там, — он поднял палку над беретом, — тундра. Камушки, снежок, ледок. Откуда и спускается портящая настрояние погода. Однако разрешите представиться: Кушнарев, Алексей Фомич, некогда архитектор. — Старик перескочил на ближайший валун. — По-видимому, встретаться придется. У Михаила Михалыча Калугина.

— Я незнаком с Калугиным.

— Неважно, несущественно. Природа сведет и познакомит. Уже сегодня, судя по грозе, которой не миновать.

И запрыгал дальше.

— Игорь! Где ты застрял? — крикнул Сосновский.

Мазин вернулся в дом, растирая полотенцем мокрые плечи.

— Архитектора встретил. Что за личность?

— Кушнарев? Постоянный гость Калугина. Друг юности.

Черно-синяя туча придавила ущелье. По тяжелому, переполненному водой брюху ее скользили седые клочья, но дождь еще не начался, только отдельные крупные капли, срываясь, постукивали по крыше, врываясь ударами в шум кипящей реки.

Неожиданно в открытую дверь шагнул парень с черной, давно не стриженной шевелюрой.

— Про крючки, конечно, забыли? — спросил он у Сосновского, не здороваясь.

— Крючки привез.

— Профессиональная прокурорская память?

— Я, Валерий, никогда не был прокурором.

— Все равно. «За богатство и громкую славу везут его в Лондон на суд и расправу».

— Что за манера говорить вычитанными словами!

— Может быть, не те манеры, может быть...

Сосновский пояснил:

— Это сын художника Калугина.

— Я догадался, — сказал Мазин.

— Догадались? Вы тоже прокурор?

— Игорь Николаевич — врач.

— Очень приятно. Не можете ли вы пересадить мне сердце? Скучно жить с одним и тем же сердцем. Особенно художнику. Потому что я не сын художника, как отреккомендовал меня ваш нетактичный друг, а сам художник.

— Непризнанный?

— Опять догадались, доктор. Что вы еще про меня скажете?

— Зря ершитесь! Непризнанный не значит бездарный.

— Попробуйте убедить в этом моего родителя! Впрочем, бесполезно. Мы странно спроектированы, доктор. Все видим по-разному. Что видите вы в этом окне? Горы? Деревья? Тучи? А я вижу крики души своей, спутанные вихрем, рвущиеся о скалы.

— Как поживает Михаил Михайлович? — прервал Сосновский.

— Вопрос, разумеется, задуман как риторический. Вы не мыслите родителя иначе чем в бодром времяпрепровождении, так сказать, в веселом грохоте огня и звона. А между тем последние дни он погружен в думы, что противоестественно для признанного человека. Хотел видеть вас. Зайдите, утешьте! И вы, доктор... Не забудьте скальпель. Вы обещали мне новое сердце.

Выходя, Валерий качнулся.

— Сердитый молодой человек? — спросил Игорь Николаевич.

— Доморощенный. Мажет холсты несусветной чушью, а считает художественным откровением. Позер, кривляка, паяц.

— Ты его, однако, не жалуешь.

— Зато папаша балует. Марина-то у Калугина же на вторая. А мать Валерия умерла. Сам Михаил Михайлович — человек мягкий, деликатный, выпороть парня как следует не способен. Родительская рука не поднимается. От этих поблажек один вред. Попомни мое слово, отмочит Валерий штучку! Ну да нас с тобой это не касается, на чужом пиру похмелье.

— Вот именно. Между прочим, я бы отдохнул с дороги.

Мазин прилег на раскладушке и сразу же почувствовал усталость — сказались пятьсот километров в ма-

шине, да и весь трудовой год давал знать. Зато впереди целый месяц, свободный от повседневных хлопот и обязанностей. Ни одного преступника, разве что егерь-браконьер, да это что за преступник, так... Все же трудную он работу себе выбрал. Сизифову. По статистике преступность сокращается, но в служебном кабинете этого не заметишь. Правда, придет иногда трогательное письмо: «Игорь Николаевич, вы мне отца родного дорожке, если б не вы, пропал бы я, сгубил жизнь молодую навеки, а вы спасли, свели с неверной дорожки...» Правильно, и такие были. Но не успеешь письмо дочитать — звонок: выезжай на место происшествия! То ли дело Борька! Без пяти минут профессор. Окружен молодыми порядочными людьми. Приобрел райский домишко. Красотища какая — воздух, гнишина, покой...

Он посмотрел на горный склон по ту сторону реки. Обрывки туч цеплялись за пихты. «Крики души... Позер.. На чужом пиру похмелье...» В окне, как в кинокадре, появилась женщина на лошади и промелькнула, низко наклонившись, укрывая лицо от дождя. Засыпая, Мазин вспомнил нескладные строчки капитана Лебядкина:

И порхает звезда на коне
В хороводе других амазонок.
Улыбается с лошади мне
Ар-ристократический ребенок.

...Проснулся он в темноте. Надрывно ревела речка, и гул ее смешивался с шумом сильного, равномерного дождя. Кровать Сосновского была пуста.

«Куда его занесло? И сколько сейчас времени?»

Мазин пошарил по столу, где лежал спичечный коробок. При неровном, вздрагивающем свете он нашел на полке керосиновую лампу и зажег ее второй спичкой. Было зябко и неудобно, хотелось надеть теплые носки и свитер и выпить рюмку водки.

Скрип досок нарушил гул воды. Мазин подумал, что возвращается Борис, но пришедший, потоптавшись на крыльце, не толкнул дверь по-хозяйски, а постучал.

— Войдите.

Появилась незнакомая фигура в модной заграничной куртке на застежке-«молнии». По блестящей ткани стекали струйки.

— Увидел огонек и позволил себе, помня приглашение...

— Это вы, Демьяныч? Не узнал вас в куртке.

— С вашего позволения, за сапогами зашел. Дай бог здоровья Борису Михайловичу. А куртку мне художник Калугин привез. Теплая она, легкая, хотя и не по возрасту.

— Теперь молодые и старые одинаково одеваются. Располагайтесь. Борис выскочил куда-то, пока я спал. Выпить не хотите?

— Спиртного не употребляю. А вы в гости к нам?

— Да вот заманил меня Борис Михайлович в ваши края.

— Края любопытные, во многом еще первозданные. Мало где природу такую сыщешь, хотя лес извели значительно. Вы, извиняюсь, как и Борис Михайлович, по юридической части работаете?

— По медицинской, — сказал Мазин неохотно. «Вечно Борька что-нибудь выдумает!» — Как ваши пчелы?

— Трудятся пчелки. Все пчелиное производство пользу человеку приносит. Много народному хозяйству целебных продуктов дает.

Но произнес это Демьяныч вяло, без энтузиазма. Заметно было, что не чувствует он в Мазине понимающего собеседника и тяготится отсутствием Сосновского.

— Борис Михайлович, видимо, к Калугину направился? Тогда не скоро вернется. Беседовать с художником любопытно. Много в жизни повидал, в столице с видными людьми общается.

— А сбежал в медвежий угол.

— Угол? — удивился пасечник. — Усадьба со всеми удобствами! Большие деньги наше государство творческим работникам выплачивает...

Старик не закончил, услышал шаги. Сосновский распахнул дверь, вытирая мокрое лицо носовым платком.

— Заждался, Игорь? И Демьяныч тут? За сапогами пришел?

— За ними, Борис Михайлович.

Пасечник вскочил со стула.

— Сейчас достану. Да сиди ты, папаша! — Борис повернулся к Мазину. — Задремал ты, а я думаю: что это Калугин мной интересовался? Ну и решил сбежать.

— Что же?

— Поторопился. У него с Валерием разговор происходил. Кажется, прорвало родителя. Выглядели они мрачновато. Страсти я охладил, замолчали оба. Но Калугину уж не до меня было, да и жена вошла. Постепенно общий треп начался, хотя и натянуто.

Сосновский вытащил из рюкзака сапоги.

— Держи, Демьяныч. Примеряй!

— И так вижу: в самый раз. Что я должен, Борис Михайлович?

— Ерунда. Медком угостишь.

— Премного благодарен. — Пасечник заспешил.

— Чудак, — сказал Сосновский ему вслед. — Надел бы сапоги. Дождь как из ведра поливает. А нас ждут на медвежатину.

За окном сверкнуло, и следом оглушительно треснул раскат грома. Отдавшись в горах, он повторился, перекрывая шум дождя.

— Сдался, — махнул рукой Мазин. — Под воздействием стихий у меня исчезает предубеждение к здешнему обществу.

Дача художника светилась в пелене дождя, напоминая корабль, застигнутый штормом в бурном море. Снова сверкнула молния, высветив контуры дома, и снова прокатился по ущелью гром, на этот раз сильнее, чем раньше, и продолжительнее. После вспышки тьма стала еще чернее, и особняк Калугина больше не выделялся в ней.

— У Калугина электричество?

— Он подключился к леспромхозовской линии. Постояй... Свет-то погас! Оборвало провода, или столб подмыло.

Мазин освещал путь фонариком-жужжалкой. В конусе света сыпались бесконечные капли.

Марина Калугина, одетая в толстую вязаную кофту, встретила их с подсвечником. Выглядела она озабоченно.

— Ко всему прочему выключили свет. Приходится коротать время в романтическом полумраке. Не возражаете? Тогда раздевайтесь.

На вешалке в прихожей уже собралось много одежды, в том числе две куртки, похожие на куртку Демьяныча. Мазин повесил болонью между ними и прошел вслед за женой художника. Она показалась ему совсем молодой.

Свечи усиливали необычное впечатление от большой комнаты. В центре ее находился широкий круглый стол, вернее — обыкновенный дубовый пень с набитыми поверх толстыми, грубо обработанными досками. В стене напротив двери гранитными глыбами был выложен камин. Жарко горели смолистые поленья, отчего в комнате казалось особенно тепло и уютно. Освещали ее с десятков свечей, вставленных в сработанные природой подсвечники — корни и сучья, лишь слегка подправленные рукой мастера. Калугин строго выдержал гостиную в определенном, диковато-охотничьем стиле.

Вдоль стола и поодаль сидели люди, знакомые Мазину. У камина, протянув ноги к огню, расположился Кушнарев. Валерий откупоривал бутылку с грузинским вином. В руках у него вместо штопора был большой охотничий нож. В стороне сидели учительница и бородатый парень-турист с журналом «Юность». От стола их отделяла безголовая медвежья шкура. Положив на колени сжатые в кулаки руки, присел на стул Филиппенко, человек лет тридцати пяти. Мускулы плотно подпирали его поношенную гимнастерку, схваченную новеньким офицерским ремнем. Свечи оттеняли лицо с густыми бровями и крупным носом. Под глазами выделялись темные мешки отеков, что не вязалось с прямой, здоровой фигурой. Задержавшись секунду на последнем госте, пасечнике Демьяныче, Мазин понял, что хозяина в комнате нет. Марина, которая успела тем временем два или три раза пересечь гостиную и прикурить от свечи сигарету, откликнулась на его мысль:

— Михаил Михайлович решил, что света недостаточно, и отправился в мастерскую за лампой, которая сломалась полгода назад. Теперь он там возится без толку, а мы ждем.

— Хозяин всегда прав, — возразил Сосновский примирительно.

— Валерий, ты не поторопишь отца?

Тот посмотрел на Марину как-то непонятно и не ответил.

— Я прошу тебя, Валерий.

— Не стóит.

Мазин не понял, что не стóит — просить или идти наверх.

— Позвольте я, с вашего разрешения, побеспокою Михаила Михайловича, — предложил пасечник.

— Сделайте одолжение.

— Я пойду к себе, — заявил Валерий и вышел в другую дверь.

Мазин подсел к учительнице.

— Как ваш поиск?

— Самолет лежит в трудном месте, но Олег собирается взобраться по скале.

— Нужно ли рисковать? — спросил Мазин, узнав наконец, как зовут парня в очках. Имя это ему ничего не говорило.

— Нужно, — ответил Олег лаконично.

Демьяныч задерживался. Марина, крутя в тонких пальцах сигарету, поглядывала то на лестницу, откуда должен был появиться Калугин, то на дверь, в которую вышел Валерий. Потом она подошла к этой двери и скрылась за ней. И тут же вернулся пасечник. Он не улыбался, как обычно.

— Михаил Михалычу нехорошо. Где Марина Викторовна?

— Нужно ее позвать, — предложил Сосновский.

— Минуточку. Вы доктор, Игорь Николаевич? Может, посмотрите его...

Мазин бросил недобрый взгляд на Бориса, и они втроем вышли из гостиной. Лестница тянулась вдоль каменной стены. На площадке у двери пасечник оставился.

— Что случилось, Демьяныч?

— Михаил Михалыч скончался.

Это прозвучало негромко и неправдоподобно.

— Умер?!

— Видно, Михаил Михалыч заряжал ружье и произошел выстрел.

Мазин первым вошел в мастерскую. Наверно, днем здесь бывало очень светло, целая стена и часть крыши были стеклянными, но теперь только тусклая свечка выделяла из мрака отдельные предметы обстановки: широкий мольберт с натянутым и загрунтованным холстом и кресло, в котором, свободно откинувшись на спинку, сидел мертвый Калугин. У ног его лежало ружье. Тульское, добротное, с насечкой. Выстрел в упор обжег вельветовую ткань, края рваного отверстия пропитались кровью. Глаза Калугина были полуприкрыты и неподвижны. На чисто выбритом, широкоскулом, очень русском лице застыла неожиданная боль.

Сосновский наклонился.

— Невероятно, чтобы случайный выстрел произошел одновременно из двух стволов.

— Как же вы понимаете? — спросил пасечник.

— Самоубийство?.. — Борис раздвинутыми пальцами замерил расстояние от мушки до курков, потом прикинул длину руки художника и покачал головой. — Он не мог дотянуться до спусковых крючков. Иногда это делают ногами, но Калугин обут, и я не вижу палочки...

Хлопнула дверь позади, и Мазин едва успел подержать вошедшую Марину. Она замерла, даже не крикнула.

— Марина Викторовна! — попросил Сосновский. — Умоляю вас, будьте мужественной. Вы должны помочь. Милиция доберется не скоро, и убийца может воспользоваться временем...

— Убийца? Временем? Кто это сделал?

— Мы не знаем. Но преступник недалеко. Может быть, здесь, в доме. Когда прозвучал выстрел?

— Я не слышала выстрела.

— А ты, Демьяныч?

— Не слышал.

— Что за чушь, — нахмурился Борис Михайлович. — Марина Викторовна, соберитесь с силами. Присядьте. Вспомните, пожалуйста, когда Михаил Михайлович пошел в мастерскую?

— Сразу, как только потух свет.

— Кто мог подняться сюда за это время?

— Не знаю. Никто. Каждый. Муж не любит свечи. Считает, что они чадят. — Она еще говорила о погибшем так, будто он был жив. — Поэтому он сказал: «Свечи не зажигай, я налажу лампу». Мы ждали минут пятнадцать. Потом мне стало неудобно держать людей в темноте, и я зажгла свечи. За это время каждый мог подняться. Но я не верю. Зачем? Зачем?

— Это важный вопрос. Хранил ли Михаил Михайлович в мастерской какие-нибудь ценности?

— Ничего, кроме этюдов.

— Ружье всегда было здесь?

— Оно висело над тахтой.

— Будем считать, что ружье сняли со стены. Что ж нам известно? — обратился Сосновский к Мазину и Демьянычу.

Оба промолчали.

— Но никто не стрелял! — повторила Марина.

— Это требует разъяснений. Боюсь, что искать преступника придется среди гостей. Только человек, хорошо известный Михаилу Михайловичу, мог свободно войти в мастерскую, взять ружье и навести в упор, не вызвав подозрений. Теперь убийца рассчитывает, что Калугин не назовет его имени. Марина Викторовна! Помогите нам лишить его этой уверенности.

— Как? — спросила Марина, ничего не поняв.

— Вам нужно спуститься и сказать, что Михаил Михайлович жив, но еще не пришел в себя.

— Это невозможно. Скажите сами. Я не смогу.

— Сказать должны вы. А мы посмотрим, как откликнутся гости.

— Хорошо, я попытаюсь.

Мазин и Борис подняли художника с кресла и перенесли на тахту. Жена наблюдала за ними, прижав пальцы к вискам.

— Пойдемте, Марина Викторовна.

Сосновский взял ее под руку. Демьяныч поднял свечу.

— Что там стряслось? — спросил первым Кушнareв, когда они спустились.

— Ужасный... ужасный случай... Он заряжал ружье...

— Рана не смертельная. Игорь Николаевич оказал первую помощь. Попытаемся связаться с больницей, — пояснил Сосновский.

Мазин успел осмотреть каждого, но не увидел ничего, что могло бы дать повод для размышлений. Все вели себя сдержанно. Даже подчеркнутого облегчения он не заметил, но и это не было удивительно: ведь слышали только о несчастном случае, а далеко не каждый такой случай смертельно опасен. В общем, реакция казалась нормальной. Никто не проявил страха или растерянности. Впрочем, при свечах многое могло и ускользнуть.

— Сейчас лучше разойтись по своим комнатам, — предложил Борис Михайлович. — А нам придется пойти позвонить, — повернулся он к Мазину.

Тот кивнул.

— У тебя ключ от почты, Матвей?

Егерь отделил ключ от связки.

Собственно, почтовое отделение в поселке перестало

существовать с тех пор, как расформировали леспромхоз, но жена Филипенко исполняла функции почтальона и телефонистки, просиживая в бывшем отделении два-три часа в день. Домик этот находился неподалеку, и Сосновский с Мазиным добрались туда за несколько минут, однако попытка связаться с райцентром окончилась неудачей.

— Похоже, связь повреждена.

— Не мудрено в такую погоду, — отозвался Мазин меланхолично. Он совсем не так представлял себе долгожданный отпуск. Дождь продолжал неукротимо заливать ущелье. Игорь Николаевич пригладил слипшиеся волосы. — Зато тебе будет что рассказать студентам. Небольшая криминалистическая разминка солидного ученого... Кстати, ты блестяще принялся за дело.

— Шутки сейчас неуместны.

— Почему? — Мазин качнул слегка керосиновую лампу в решетчатом чехле, висевшую на крючке, ввинченном в потолок. По тесной, давно не беленой комнате заметались тени. — Без юмора тебе не обойтись. Особенно когда останешься наедине с покойником. Ведь ты надеешься, что его придут убивать во второй раз!

— Считаешь, что затея неудачная?

— Наоборот. Потеряешь за ночь пару килограммов. При склонности к полноте это хороший выигрыш.

— Я думал, что туда пойдешь ты.

— Я?

— Конечно. Убийца наверняка будет следить за мной. А ты сможешь действовать, не привлекая внимания.

Мазин вздохнул.

— Я надеялся, тебя заинтересует необычное дело, Игорь.

— Что ты увидел необычного?

— Хотя бы то, что никто не слышал выстрела.

— Выстрел прозвучал одновременно с громом. Прибавь дождь, гул реки, плюс каменные стены — и все станет на место. Расчет!

— Как можно рассчитать удар грома?

— Гроза продолжалась не меньше получаса.

— Но гром мог и не ударить, когда убийца навел ружье на Калугина. Не мог же он держать его на прицеле несколько минут, дожидаясь очередного раската!

— Конечно, нет. Ты правильно предположил, что убийца хорошо знаком хозяину. Он без помех взял ружье и поднял его, когда вспыхнула молния. Она предваряет гром на несколько секунд. По вспышке, кстати, можно предположить и силу удара.

— Да... Хладнокровный наглец. Придется нам повозиться.

— Желаю успеха.

— Прекрати, Игорь. Это твой долг. Мы не знаем, когда придет милиция. Нельзя его упустить. Я все продумал. Ситуация складывается в нашу пользу. Благодаря моей хитрости ты вне подозрений — рядовой врач. Мы делим функции: я брожу по поселку в городском пальто с лупой и отвлекаю преступника, а ты делаешь настоящее дело. Разумеется, и я не ограничиваюсь показухой.

— Ты перегнул, объявив Калугина живым. Мы имеем дело не с дураком. Он стрелял в упор из двух стволов, а ты хочешь убедить его в том, что он промахнулся.

— Не согласен. Преступление не шахматная задача. Всего не рассчитаешь. И не робот же он! Он должен был опасаться, что Калугин заподозрит его, что кто-нибудь войдет в мастерскую, что гром задержится... И так до бесконечности. В подобном состоянии неуверенность неизбежна. Разве ты не помнишь случаев, когда пуля проходила в миллиметре от сердца? Он...

— Пуля, но не картечь дуплетом... И почему не она? Что мы знаем о мотивах?

— Тут я пас. Вообще, это невероятно.

— Задача! — произнес Мазин, постепенно отступая под натиском Бориса. — Интересно, что убийца предпримет дальше? Конечно, твой ход — типичная авантюра, но лучшего, пожалуй, не придумаешь. Однако всю ночь я там не выдержу.

— Игорь! Ты настоящий друг. Спасибо, старик!

— Боря, не будь сентиментальным. Это не идет лысеющему научному работнику. Сделаем так: я незаметно поднимусь в мастерскую, а ты покрутись на глазах. Потом подменишь меня.

— Обязательно заряди ружье! Патронташ на стенке.

Они поспешили к даче. Смутная тень мелькнула впереди. Человек шел без фонаря.

— Ты, Матвей?

— Я, — ответил егерь. — Дозвонились?

— Нет. Забери ключ.

— Дрыхнут, заразы? Ну ничего. Утром подыму.

Несколько тусклых огоньков светилось в окнах второго этажа и один наверху, в мансарде. Не доходя подъезда, Мазин шагнул в сторону. Сосновский поднялся по ступенькам. Игорь Николаевич услышал слова Марины:

— Наконец-то! Мне так страшно...

— В мастерской никого нет?

— Нет, я сказала, что он забылся.

Мазин обогнул дом и огляделся, но ничего подозрительного не обнаружил. Дождь немного ослабел, и гроза прекратилась, зато поток в реке звучал сильнее, тревожнее. Через заднюю дверь Игорь Николаевич проник в прихожую и остановился, припоминая, где находится лестница. Потом на ощупь нашел перила и стал подниматься, избегая шума.

«Прекрасное начало отдыха», — попробовал Мазин мобилизовать на помощь юмор, но это не помогло. Обстановка была жутковатой. В полустеклянной комнате обосновались холод и сырость. Струйки воздуха, просачиваясь сквозь щели, колебали язычок пламени на маленьком огарке. Игорь Николаевич пересек мансарду и опустился в кресло так, чтобы мольберт отгораживал его от двери и, он сознался себе, от покойника. «Нервы разболтались», — подумал он недовольно, убеждаясь, что присутствие мертвого художника гнетет, мешает осмыслить происшедшее. «Стоило захватить пару свечей. Огарок вот-вот догорит. А может, это и к лучшему? Убийца скорее решится. Если решится! Если попадетсЯ на удочку». И словно подстегнутый этой мыслью, огонек затрепетал беспомощно и погас. Наступил полный мрак, но ненадолго. Постепенно окружающие предметы выступили из темноты.

Мазин поймал себя на том, что ему хочется взглянуть на мертвого. «Чертовщина какая! Прямо «Вий»! Нет, нужно подойти и посмотреть. Убедиться, что ничего страшного нет. Обыкновенный мертвец. Но кто убил этого человека? Зачем?» И снова Игорь Николаевич почувствовал, что не может сосредоточиться. «Хватит!» Он встал и решительно направил луч фонарика на художника... И вздрогнул. Из груди мертвого торчал глубоко всаженный в тело охотничий нож.

Игорь Николаевич опустил фонарик и перевел дыха-

ние. Первым пришло чувство досады, поражения. «Сам виноват, проболтал, опоздал». Вторым — недоумение. «Как он успел? Когда?» Потом стало спокойнее. «Что-то мы и приобрели, заставили убийцу действовать, а значит, оставить новые следы, нервничать. Он был в гостиной, когда Борис сказал, что Калугин жив. Хотя это доказано».

Мазин покинул мастерскую и спустился на второй этаж. На столе горела керосиновая лампа с низко забраным фитилем. В кресле, положив голову на спинку, дремал Сосновский.

— Подъем, Борис. Есть новости.

Сосновский вздрогнул и заморгал.

— Неужели взял?

Мазин влил в стакан вина.

— За блестящую победу криминалистической школы профессора Сосновского!

— Смеешься? Я ж доцент.

— Это по табели о рангах. Для меня же ты теперь академик. А также мореплаватель и плотник. И герой на общественных началах. Ты все угадал, Боря... Сходи, посмотри сам... а я, пожалуй, выпью.

Когда Борис Михайлович вернулся, Мазин заедал вино куском хлеба с холодной медвежатиной.

— Ничего себе обмишурились!

— Будем точны и справедливы: не мы, а я. — Игорь Николаевич, отодвинув тарелку, достал записную книжку и карандаш. — Поэтому шутки в сторону. Начнем с наименее подозрительных. Первым я ставлю самого Калугина. Он один из трех наверняка не принимавших участия в убийстве. Двое других — Игорь Николаевич Мазин, о котором мне доподлинно известно, что он невиновен, и Борис Михайлович Сосновский, пребывавший на виду у Мазина.

— Благодарю за алиби.

— Оно понадобится милиции. Еще двух людей мне хотелось бы исключить из круга подозреваемых: Марину Калугину и пасечника. И Демьяныч и Марина с самого начала знали, что Калугин мертв, и у них не было необходимости резать его вторично.

— Тогда вычеркни их.

— Охотно бы... Однако история слишком запутана, чтобы быть категоричным хоть в чем-то. Пока отчеркну их от других, которых ты мне перечислишь.

— Кушнарев, архитектор.
— Бывший архитектор. Есть. Олег, турист. Два.
— Егерь Филипенко — три. Учительница исключается.

— Посмотрим. Пишу, Галина — четыре. Постой, а сын? Я его весь вечер не видел, кстати. Валерий — пять. Вот и обойма. Что скажешь?

— Не могу даже отдаленно предположить, зачем одному из них понадобилось покушаться на Калугина.

— Попробуй от противного. Зачем им, вернее, почему не было нужно?

— Для Кушнарева смерть Калугина — тяжелый удар.

— Они старые друзья?

— Как-то Калугин упомянул, что многим обязан Алексею Фомичу. А тот фигура странная. Вроде бы пострадал, претерпел, не смог войти в колею, остался на месте.

— Любопытно, однако неопределенно. Оставим пока. Следующий — Олег.

— Его ты знаешь не меньше моего.

— Почему он живет у Калугина?

— Тот принимал всех, кто ни появится в Дагезане.

— Итак, личность случайная, а ограбление исключено. Но есть в нем что-то замкнутое, скрытое. И решительное одновременно.

— Психология?

— Увы. Одна психология. Кто на очереди?

— Матвей. Человек наверняка решительный. С Калугиным отношения неровные. Тот возмущался браконьерством, но охотно покупал у Филипенко мясо и шкуры. Ему привозил патроны.

— Заметим. Галя? Согласен, что она меньше всех похожа на убийцу, но не все убийства совершаются в одиночку.

— Чушь! Вычеркни учительницу!

— Номер пять?

— Вот это номер, прости, каламбур. Сын. Сам видел, каков. Но в отцеубийство верить не хочется.

— Мне тоже. Однако где он был весь вечер?

— Когда мы пришли, Валерий откупоривал бутылки.

— Ножом?

— Тем самым?

— Похожим. Придется проверить. — Мазин посмотрел на часы. — Время бежит. Положеньице... Природа заключила двух сыщиков в старый добрый мир Шерлока Холмса. Даже отпечатки пальцев для нас практически не существуют. Одни умозаключения. А мы избалованы техникой, умными экспертами, энергичными оперативниками...

Закончить ему не пришлось. Без стука вошел Филипенко.

— Вижу — огонь. Решил зайти сказать. — Он показал пальцем в потолок. — Марина Викторовна там? С Михайлычем? Как ему?

— Не хуже, чем было. Ты что сказать собрался?

— Если не хуже, тогда хорошо. Помощи-то ждать долго. Связи не будет, столбы поносило. И мост тоже.

Сообщил он это обычно. Видно было, что здесь, в горах, событие такое не относилось к числу экстраординарных.

— Откуда вы знаете про мост? — спросил Мазин.

— Да сбежал. Я как стал звонить, молчит, зараза. Факт, столбы понесло. Значит, и мосту не устоять. Я ремонтникам двадцать раз говорил: на соплях держитесь. Все же, думаю, нужно сбежать. Пошел — точно.

— Трудно было идти?

— Мне-то? Какой тут ход! По дороге километров десять.

— Выпей, Матвей, согрейся, — предложил Сосновский.

Егерь посмотрел на бутылку, причмокнул губами.

— Охота, конечно, но жинке зарок дал. На месяц.

— Хорошее дело — крепкая воля, — сказал Мазин. — Сейчас мы еще раз проверим вашу выдержку. Давайте поднимемся к Калугину.

— Не потревожим? — заколебался Филипенко.

— Не беспокойтесь.

В мастерской Мазин поднял свечу к лицу Матвея. Егерь прищурился и наклонился над тахтой.

— Шестнадцатый калибр, не иначе, — пояснил он профессионально. — Да и ножик еще. Ножик зря. По мертвому резали, крови-то нет. Эх, жисть человеческая, сегодня жив, завтра нету! Кто убил, нужно понимать, не знаете, раз меня испытываете...

Возразить было нечего.

— Сам-то что скажешь?

— Ничего не скажу. Неожданное дело. Милиция нужна.

— Связи нет.

— Ну сбегая. Местечко знаю. Там пихта над скалой сломанная. Если петлю закинуть капроновую, можно на тот бок перескочить. Только по светлу.

— Хорошо, Матвей. Отдыхай пока.

Филипенко повернулся было, но остановился и еще раз оглядел мертвого Калугина.

— Ножик интересный. Валерий таким бутылку открывал. Но не один же он такой на свете.

— Не один, — согласился Мазин. — Нож вынуть придется, Борис.

Сосновский достал носовой платок и извлек нож из раны.

— Нож побывал у Валерия. Что предпримем?

— Самое простое — спросим у самого Валерия. Как тебе показался Филипенко?

— Хаотичный человек. На каком он счету в заповеднике?

— Выгнать хотят за браконьерство. Ну, идем к Валерию?

— Сначала к хозяйке.

Марина Калугина не спала. Она сидела на кровати в спальне и вязала, механически перебирая спицами.

— Заснуть невозможно. Пытаюсь забыться, занять хоть руки. Чувствую себя ужасно. — Она мельком взглянула в зеркало. — Борис Михайлович, скажите скорее, пригодилось то, что вы сделали?

— Отчасти. Вашего мужа пытались убить еще раз. Вот этим ножом.

Марина бросила спицы на туалетный столик.

— Вы видели.. кто?

— Нет, не видели. Но остался нож. Он не знаком вам?

Она смотрела на нож долго, будто не понимая, чего же от нее хотят, но, когда сообразила, ответила быстро, торопливо:

— Никогда не видела. — И повторила: — Никогда.

— Вечером за столом Валерий открывал бутылки...

— Бутылки? Ножом?

Мазин, отвернувшись, рассматривал безделушки на тумбочке. Их было много — матрешки, индийские будды, спутник с усиками-антеннами, язвительный мефисто-

фель, — двоились, троились, отражаясь в трельяже. Хотелось сдвинуть створки зеркала, убрать лишние предметы.

— Вы его подозреваете, я понимаю, — слышал он голос Марины и не мог составить определенного мнения об этой не столько убитой горем, сколько испуганной, ошеломленной сероглазой женщине с короткими, чуть подкрашенными, бронзовеющими в свете лампы волосами. — Это не его нож. У Валерия никогда не было такого ножа, ведь в доме, в семье, все на виду. Я не обманываю вас. Я думала всю ночь, но никого... ни на кого не могу подумать.

— Мы, к сожалению, тоже.

— Особенно на Валерия... Михаил Михайлович о нем очень заботился... любил. Не имеет никакого значения, что он не родной.

Мазин оставил безделушки.

— Валерий не родной Михаилу Михайловичу?

— Нет, он сын его первой жены.

— Он знает это?

— Конечно.

— Никогда бы не подумал! — признался Сосновский. — Михаил Михайлович меньше всего напоминал отчима.

— Но случались и ссоры? — спросил Мазин.

— По пустякам. Трудно даже вспомнить. Отец говорит: сегодня чудесный день. А Валерий: нельзя так примитивно воспринимать природу. И раздражаются, злятся.

— Несхожесть мироощущения? И за этим не было ничего более определенного?

— Что вы хотите сказать? — насторожилась Марина.

— Я спросил. Иногда бывает, что за пустяками скрываются другие раздражители, не заметные окружающим.

— Я ничего не замечала.

— Понимаю. Борис Михайлович, Марине Викторовне трудно сейчас отвечать на вопросы... Постарайтесь заснуть. А мы посидим внизу, если не возражаете, подумаем.

Короткая летняя ночь шла на убыль. Мазин присел на скамеечку перед камином и принялся разбивать ко- чергой несгоревшие поленья. Дрова дымились, выбрасы-

вая из-под пепла темно-красные искры. Потянуло теплом.

— Валерий скорее всего ни при чем, хотя и ложится в схему. Если всплывет, что его отношения с мачехой сомнительны, получится типичная буржуазная судебная хроника. У них там проще. А тут копайся, пока не обнаружишь, что убийца — старик Демьяныч, который застрелил Калугина потому, что тот неодобрительно отозвался о качестве его меда.

— Такой вариант нам не грозит.

— Не гаси во мне чувство юмора, Борис. После трудового года не так-то просто отыскать оптимальное решение в этой дикой ситуации.

Игорь Николаевич снова занялся поленьями.

— Не спится, молодые люди?

Мазин обернулся. Его давно не называли молодым человеком. Из своей комнаты вышел Кушнарев.

— Не спится, — согласился Сосновский сухо, показывая, что к болтовне он не расположен.

— Разрешите пободрироваться вместе? — не уловил интонации архитектор. — Вы, доктор, давно навещали Михал Михалыча?

— Калугину доктор не требуется, — ответил Мазин.

Кушнарев нахмурил кустистые, сходящиеся на переносице брови.

— Как прикажете понимать?

— Убит Михаил Михайлович.

— Вот как.. — произнес архитектор почти без изумления.

— Убит, и преступник неизвестен, — подтвердил Борис Михайлович.

— Вас это больше всего волнует?

Игорь Николаевич удивился.

— Разве вопрос, кто убил Калугина, незначительный?

— Важнее знать — почему? А вы спешите на расправу.

— Возмездие не расправа.

— Возмездие? Немного изменили слово «месть», и вам уже слышится благородный оттенок?

— Как всегда, оригинальны, Алексей Фомич? — спросил Сосновский.

— Нисколько. Я имею право так мыслить. Мне причиняли зло.

— И вы простили?

— Не в этом суть. Мне нанесли зло непоправимое. Понесут ли кару виновные или нет, моя судьба не поправится. Что же даст мне мстительное злорадство? Только черствит душу. Я не верю в графа Монте-Кристо. Любая месть, даже во имя справедливости, порождает новое зло. Где же конец?

— Месть и правосудие — вещи разные. Убийца нарушил закон.

— УК РСФСР? — перебил Кушнарев с иронией.

— Именно, — ответил Мазин серьезно. — Что толкнуло его на преступление — неизвестно. И его следует задержать, чтобы узнать истину.

— Истину? Вы самоуверенны. Ну что ж... Только без меня.

— Мы полагали, что Калугин был вашим другом.

Кушнарев ответил без желчи и сарказма:

— Он опекал меня, как приبلудившегося старого, беззубого пса.

Мазин отложил кочергу.

— Вы страдаете комплексом самоуничижения.

— Наверно. Хотя это и нехорошо. Здесь скрывается тайная гордость. Я несправедлив. Михаил заботился не из жалости, он считал это долгом.

— Что это значит?

Старик подумал, стоит ли пояснять.

— Долг не имеет отношения к смерти Михаила. Просто, когда он был неизвестен и мог навсегда остаться неизвестным, в то давно прошедшее время, мне понравились его рисунки, и я сказал об этом.

— Авторитетным лицам?

Кушнарев усмехнулся.

— Нет, самому Мише.

— Не много, — заметил Борис.

— Ошибаетесь...

— Не будем спорить. Вы поддержали его морально, и Калугин на долгие годы сохранил чувство благодарности?

— Именно. Хотя, возможно, не только благодарности.

— Выходит, человек любил вас, поддерживал, — настаивал Сосновский, — и вот он зверски убит. Сначала выстрелом в сердце, потом еще раз, ножом, потому что убийца счел свое дело не доведенным до конца. Не-

ужели ж этого недостаточно, чтобы вызвать справедливый гнев?

Архитектор нервно заморгал.

— Как понять ваши слова? Вы обманули нас вечером? Когда сказали, что Миша жив?

— Я хотел посмотреть, как поведет себя преступник. Старик выпрямился.

— Мне отвратительны такие люди, как вы!

Сосновский не нашелся, что ответить.

— За что такая немилость? — спросил Мазин серьезно.

— Нельзя ставить опыты на людях, живых или мертвых. Вы, как я понял, подозреваете кого-то из нас? Лично я всегда на месте.

И Кушнарев, круто повернувшись, выбежал из комнаты.

— Ненормальный старик, — буркнул Борис смущенно.

— Ты напрасно прервал Кушнарева, когда он сказал, что Калугин испытывал не только чувство благодарности. Ну ладно. Пошли к Валерию.

— Странно, что он сам не появляется. Слишком крепкий сон для такой ночи. Впрочем, кто-то идет. Люпус ин фабулис — легок на помине.

Сосновский ошибся. Протирая глаза, в гостиную вошел Олег. Он увидел людей за столом и надел очки. Заспанное лицо обрело свойственную ему деловитость.

— Доброе утро. Дежурили у больного? У врача отпуска не бывает? А я собираюсь на Красную речку, посмотреть самолет. Но дождь...

— Сходите в другой раз.

— Мне нужно.

— Нужно? — переспросил Мазин.

— Да. Я журналист — работаю в аэрофлотской многотиражке.

— О... Почти летчик, — заметил Сосновский.

Олег не среагировал на насмешку. Он был гораздо разговорчивее, чем вчера, и чувствовалась в его словах какая-то цель, задача.

— Иногда в форме принимают за летчика. Однажды сидел я в Батуми, в ресторане...

«Породистый парень, — думал Мазин, слушая Олега. — Ему должна идти форма: синий китель, фуражка... Но где я слышал его голос? Неужели? Сам под-

сказывает? Батуми, ресторан. Парень в ладном кителе и седой пожилой грузин». А он, Мазин, пьет цинандали и с удовольствием закусывает вкусной, острой зеленью. Зелень лежит на тарелке длинными пучками, и он берет ароматные стебли пальцами и откусывает маленькими кусочками, заедая кислое, холодное, веселящее вино. А рядом говорят громко, потому что выпили, слова доносятся резко, мешают спокойно сидеть и пить спокойно мешают. Громкие, отрывистые слова раздражают, не задерживаясь в мозгу. Не думал он тогда, что слова эти придется вспоминать.

«В прошлом году? Коньяк пили?»

«Армянский. Пьешь — и все становится ясно».

Но говорил он сумбурно. Говорил о самолете. Сбитом самолете!..

— Вы надеетесь, что это тот самый самолет?

— Какой самолет?.. — удивился Олег не очень убедительно.

Мазин не собирался выдавать себя за Вольфа Мессинга.

— О котором шла речь в ресторане. Я сидел за соседним столиком.

— Ну и совпадение! Вы все слышали?

— Бывает и похлестче, — ушел от вопроса Мазин, потому что запомнил из разговора немного. — Кажется, вы затеяли поиск вроде Сани Григорьева из «Двух капитанов»?

Он повторял тогда: «Понимаете, я уверен, уверен!» А грузин поддерживал: «Правильно, дорогой, правильно». Больше Мазин ничего не помнил. Да и стоило ли вспоминать? Зачем ему этот самолет в горах?

— Пойду умоюсь, — сказал Олег, не распространяясь о Сани Григорьеве. Он повернулся и заметил нож, лежавший на краю стола. Рукоятка выглядывала из-под платка.

— Откуда здесь мой нож?

— Ваш?

— А то чей же? Мне подарил его парень из венгерской делегации.

— Этим ножом пытались убить Калугина.

— Почему ножом? Говорили же про ружье. Про несчастный случай.

— Из ружья Калугин был застрелен. А ножом его пытались убить вторично. Тот, кто думал, что Михаил

Михайлович не умер. Вам придется объяснить, как попал нож в руки убийцы.

— Что за компот! Калугина убили? И меня запутываете? Я вам ничего не обязан объяснять. Вы здесь такой же посторонний, как и я.

— Не горячитесь, Олег! — прервал Мазин. — Я полагаю, в ваших собственных интересах объяснить, кто мог воспользоваться ножом?

Олег кусал губы.

— Вы не разыгрываете меня? Неужели убит? Нож я никому не давал.

— Ножом открывал бутылки Валерий, — напомнил Мазин.

— Это ерунда. Открыл и отдал.

— Хорошо помните?

— Разумеется. Я положил нож в карман.

— А дальше?

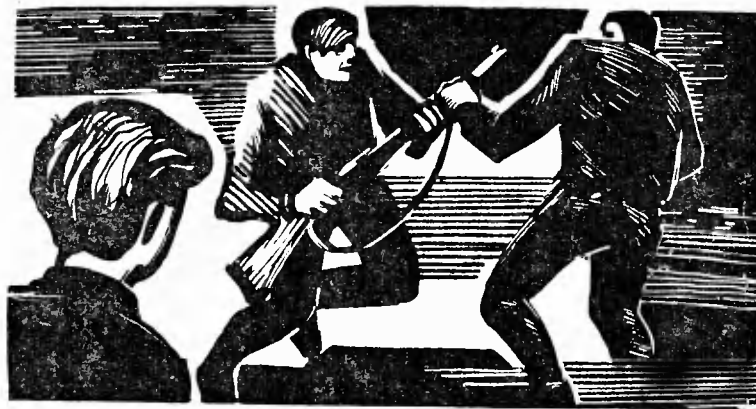
— Не помню. Увидел его у вас на столе.

— Постарайтесь вспомнить до приезда милиции.

— Компот, — повторил Олег.

Мазин встал со скамеечки и задул свечу. Комнату наполнил неохотный свет дождливого утра.

— Пойду погляжу погоду, — сказал он Борису.

2. ТУМАН

Мазин отворил дверь и удивился неожиданной картине. Гор не было. То есть они куда не делись, конечно, но тучи, плотно укутавшие ущелье, оставляли для просмотра не больше двух сотен метров, и в этом ограниченном непроницаемым туманом пространстве часть Дагезана, видимая с порога калугинского дома, казалась не заоблачным экзотическим поселком, а простенькой подмосковной деревушкой с соснами на косогоре, серыми избами и меланхоличным мычаньем проснувшегося теленка. Игорь Николаевич уловил в сыром воздухе сладковатый запах парного молока.

Телячий голос доносился справа, а впереди тропка вела к домику Демьяныча, старому, покосившемуся, купленному пасечником у давно покинувших поселок хозяев. Мазин пошел по тропинке, наступая на прошлогоднее сено, разбросанное в особенно вытопанных местах. Мокрая трава чавкала под ногами. Клочья тумана плавали так низко, что хотелось раздвигать их руками, как занавески.

Демьяныч стоял у забора в соломенной не по погоде шляпе. Спросил заинтересованно, но без излишнего любопытства:

— Как ночь прошла, Игорь Николаевич?

— Скажу, все скажу, — пообещал Мазин, понимая, что старику не терпится узнать, что же произошло на даче. — Устал я...

— Заходите, Игорь Николаевич. Живу я, правда, запущенно. Так сказать, жилище человека одинокого.

В тесноватой избе пасечника в самом деле не чувствовалось заботы об уюте. Даже большая печь не была побелена и выделялась густыми коричневыми пятнами глины, как загрунтованная малолитражка, покалеченная в дорожной катастрофе.

— Ежели пожелаете, угощу чайком с такой травкой отменной, что усталость как рукой снимет.

— Не откажусь. — Мазин присел к столу, покрытому голубенькой, в цветочках клеенкой.

— Сию секунду.

Демьяныч отворил дверцу настенного шкафчика, на которой была приклеена вырезанная из журнала фотография улыбающегося космонавта Поповича, достал две пачки с чаем, ловко смешал в заварном чайнике и поставил на раскаленную плиту.

— Настояться требуется, — пояснил он. — Раздевайтесь пока. У меня не замерзнете. Сам стынуть не люблю.

Теплая крестьянская изба и основательный старик, такой далекий от невероятной реальности щегольской дачи с гаражом и мансардой, где лежит труп человека, прожившего жизнь в столичной суете, действовали успокаивающе. Не хотелось уходить, разыскивать подозрительного невропата Валерия, выуживать по крохам детали истины, восстанавливая мрачные обстоятельства человеческой смерти. Хотелось спокойно прихлебывать вкусный чай и толковать о повадках пчел.

Однако Демьяныча интересовало другое.

— Борис Михалыч — человек проникательный и ловушку расставил умело.

— Нас перехитрили. Кто-то пробрался в мастерскую, когда мы звонили с почты, ударил Калугина ножом и скрылся.

— Скрылся? Удивительно, как и многое в жизни.

Простой этот и даже риторический вопрос поставил Мазина в тупик. При всем желании он не мог ответить на него утвердительно, потому что здравый смысл, логика доказывали, что скрыться невозможно и преступ-

ник по-прежнему здесь, рядом. Между тем никто из тех, кого видел до сих пор Мазин, не казался ему убийцей.

— Вы, Демьяныч, философ, оказывается.

— Стараюсь смысл понять...

— Жизни? Трудное дело. Или постигли?

— Много беспощадного вижу.

— Опечалены?

— Не скажу. В этом мудрость.

— В жестокости?

— Нет, в беспощадности. Это разное. Волка убить мудро. А зачем? Чтобы овцу не тронул. Так природа распорядилась. Овцу нам. А мы многое сделать можем. Даже на Луну слетать. Поэтому овцу нам, а не глупому волку.

— Волк не заслужил, выходит?

Ставший было серьезным и даже утративший от этого что-то свое, добродушное, пасечник снова заулыбался.

— Не заслужил, Игорь Николаевич, не заслужил. Сер больно.

Он налил ароматный чай в граненый стакан и поставил на стол блюдечко с медом.

— Вам, наверно, немало пришлось повидать в жизни?

— Что положено, повидал.

— Вы верующий, Демьяныч?

— В бога не верю. Верю в диалектический закон, он нашу участь определяет.

— И участь Калугина?

— И его тоже, — ответил пасечник твердо. — Значит, суждено ему было.

— Закон законом, а на курок-то пальцем нажали.

— Ну, если по-житейски, то человек убил, конечно. Как полагаете, найдет его Борис Михайлович?

— Ему есть над чем подумать. Убийца оставил нож.

— Нож бросил? Спустили, значит? Улику потерял.

— Или решил бросить тень. Хозяин-то ножа известен.

— Кто ж именно?

— Олег.

— Олег? — Лицо пасечника вытянулось.

— Удивлены?

— Уж больно не похож.

— Не похож. Скорее, ножом кто-то воспользовался. Брал его Валерий, но вернул. Мог и другой взять.

— Скажите какая история! — Демьяныч покачал головой. — Любопытно, почему смерти его помогались? Не месть ли?

— Мне трудно судить.

— Мудреное дело, мудреное. В Москве небось некролог дадут...

Пасечник поднял свое блюдо и пил, держа его в растопыренных пальцах. Вдруг он наклонился через стол.

— А что вы насчет ревности думаете?

— Вам что-нибудь известно, Демьяныч?

— Неопределенно, Игорь Николаевич. Борис Михалычу я бы говорить не стал, потому законник он, в строгих фактах нуждается. Ну, а вы человек вольный, доктор, если не запамятовал... — поглядел пасечник будто с сомнением, и Мазину, в который уже раз испытывая неприятнейшее чувство, пришлось подтвердить, что он доктор.

— Вот, вот... Живые люди мы с вами, сидим, размышляем между собой, и разговор у нас частный, для души, а не для закона. Люблю я, грешный человек, полюбопытствовать, как другие люди на земле существуют. Не все живут одинаково, Игорь Николаевич. Даже у нас, не говоря уж про буржуазный мир. Судьба-то, фортуна свое дело знает, не всем сестрицам одинаковые серьги достаются. Кому и ожерелье перепадет, а другому колечка обручального, глядишь, не хватило. Вот Михаил Михалыч, покойник... Широко судьба вела его, веточки над головой раздвигала, чтоб не поцарапался. Но достоин, ничего не скажешь. Народный талант.

«Однако старик болтун», — заметил Мазин, хорошо знакомый с категорией неглупых и повывавших на своем веку простых людей, но склонных к старости преувеличивать свой жизненный опыт.

— К чему ж вы пришли, наблюдая Калугина?

— Да так... Сплетня сплошная. Скажите, Игорь Николаевич, положила руку на сердце, была ли у него необходимость с молодой супругой свою жизнь связывать? — доверительно спросил Демьяныч.

— Он и сам не старик.

— Все ж Марина Викторовна на пару десятич

лет помоложе. А что двадцать лет в наше время значит? Другой человек — вот что. Он на фронте сражался, а она про Отечественную войну в школе услышала. Он черный кусок ценил, а она черный хлеб ест, чтобы фигуру не попортить.

— В жизни такие грани часто стираются.

— Может, и стираются, а молодое к молодому тянет.

— Скажите проще, Демьяныч.

— Не решился б никогда, если б не случай ужасный. Но ежели пообещаете, что Бориса Михалыча вы этой сплетней не смутите...

— Смущать не буду, — пообещал Мазин.

— Если так... Еду я, значит, раз на пасеку. На переезде с моста спустился ишака напоить. Умнейшее животное, между прочим. И душевное. Зря оклеветанное. Однако отклонился, потому что животных люблю. Смотрю, значит, Марина Викторовна с чумным этим парнем, Валерием. Верхом оба, и меня им не видно. Ну, он на мосту близко к ней ехал, пагнул и поцеловал... Мне неловко стало. Отвернулся, помню. Вот и все... Ой, минутку! Дровец в печь подброшу.

Пасечник вскочил и наклонился над плитой.

— Чего не бывает, — произнес Игорь Николаевич неопределенно и, помешав ложечкой в пустом стакане, поднялся.

— Благодарю за угощение.

— Но уговор наш...

— Уговор дороже денег.

И снова он прошел по мокрой дорожке и по лому прошлогоднему сну мимо блестящих дождевыми каплями сосен.

— Куда ты пропал? — выскочил из тумана Сосновский.

— Чай пил.

— Чай! Валерий исчез! В его спальне даже постель не разобрана. Он не ночевал дома.

— Превосходно. Кажется, Валерий Калугин единственный, кого можно не подозревать.

— Нашел алиби?

— Напротив. Все говорит не в его пользу.

Они стояли под развесистой елкой. Сосновский в раздражении взмахнул рукой и зацепил ветку. Вода полилась на головы.

— Сил у меня нет общаться с гением! Я обыкновенный кандидат наук и считаю, что в нашей ситуации твои псевдооригинальные, высокомерные и бесплодные парадоксы совершенно неуместны!

Мазин развел руками.

— Я пытаюсь найти путь — и только.

— И отвергаешь очевидное? Валерий, именно Валерий мог войти в мастерскую, не вызвав подозрений, и выстрелить, дождавшись удара грома. Конечно, патология убийства пугает, вызывает сомнение, но сын-то он не родной, как оказалось!

— Погоди. Убил, но не убедился в смерти?

— Что здесь удивительного? Ты же поклонник Достоевского. Помнишь Раскольникова? Преступник в момент преступления подвергается упадку воли и рассудка. Именно в тот момент, когда наиболее необходимы рассудок и осторожность... Я почти цитирую. Ведь Валерий психологически такой же тип. Чего стоил ему этот выстрел! Представляешь? Но он выстрелил, и тут же пришел упадок воли и рассудка. Ему стало невмogu слушать пульс или сердцебиение. Он спешил уйти, сбежать. И вдруг он узнает, что отчим жив. Его охватывает шок. Он в панике. Страх гонит его наверх. Как часто бывает, преступнику везет. В руках у него чужой нож...

— Погоди. Олег помнит, что Валерий нож вернул. И его не было в гостиной, когда ты сказал, что Калугин жив.

— Олег мог и спутать. А мои слова были прекрасны слышны и в его комнате. Наконец, ему могла сказать Марина.

— Между прочим, Валерий и в самом деле был к ней неравнодушен.

— Отлично!

Мазин поскущел. Такое он наблюдал не раз: простительную, в сущности, радость при виде легкого хода. Он и сам грешил ею в свое время. В умозаключении Бориса были логика и система, но согласиться с ними Игорь Николаевич не мог. Почему? Слишком просто? Что из того? Многие убийцы вряд ли строго нормальны, они поступают противозаконно, идут на неоправданный риск, не считают с реальностью. Отсюда неизбежные просчеты, ошибки. Зачем же усложнять?

— Борис! Твоя версия не хуже других. А других у нас вообще нет. Но я в нее пока не поверил. Возможно, от неосознанного высокомерия, в котором ты меня упрекнул, а скорее от усталости. Поэтому предлагаю разделить. Ты идешь своим курсом, а я еще подумую. Если придумаю, узнаешь немедленно.

— Зря выкаблучиваешься, Игорь. Но дело хозяйское. Вольному — воля.

Мазин почувствовал облегчение. «Если дело так просто, в нем разберутся и без меня, если же оно очень сложно, то и я не ясновидец». И утешенный этим софизмом, он оставил Бориса и спустился к речке, подмывавшей склоны быстрой, желтой дождевой водой. Вода захлестнула валуны, вчера еще видные посреди извилистого русла, и мчалась победоносно и весело, легко одолевая каменные преграды. Поток гипнотизировал, от него было трудно оторвать глаз.

— Правда, хорошо?

На скале, у самой воды, сидела Галина, натянув юбку на колени, защищаясь от холодных брызг.

— Правда. Мне не часто приходится видеть такое.

— А я здесь выросла. Меня многие душой считают, что в глуши живу. — Она наклонилась и вытащила из воды прибившуюся к камню сосновую ветку. — Видите, сколько домов пустых? Летом еще люди приезжают, а зимой никого. А зимой, знаете, красота какая! Когда снег везде. Не налюбуйешься. — Она вдруг засмеялась с горечью. — Только вот замуж выйти не за кого. Да и вообще ничего не происходит.

— Ничего не происходит? Вчера мне показалось, наоборот.

— Это вы про Михаила Михайловича? Как он там? Я никого не видала. Встала пораньше, домой собралась, да мост смыло. Сажу, жду у моря погоды.

— Калугина убили, Галя.

— Не может быть!

Мазин рассказал, что знал. Учительница слушала, широко раскрыв темные, узкозаточенные глаза.

— Вы рано заснули?

— Нет. Олег зашел.

— Олег — парень интересный.

— Что из того?

— Как все учителя, вы женщина строгая.

— Учителя тоже разные. Да не о том речь шла...

А вы странный. Спокойный очень. Доверие вызываете. Вас больные уважают, наверно?

— Больные? Я не врач, Галочка. Я работаю в уголовном розыске.

Мазин забрался на камень и присел рядом. Она посторонилась.

— Допросить решили?

— Что вы. Поухаживать. Правда, я лет на пятнадцать старше Олега, но иногда женщинам нравятся солидные мужчины.

— Скажите еще, что вы не женаты. — Галина рассмеемлась, но тут же спохватилась: — У людей горе какое, а мы глупости болтаем. Насчет уголовного розыска у вас получилось неудачно.

— Жаль. Я хотел расспросить об Олеге.

— Он ужасно скучный. Не похож на журналиста. Все о тропе на Красную речку толковал. Показать просил.

— Вы согласились?

— По такой погоде? Там и в хороший день шею сломать можно. Прямо помешался на своем самолете.

— Он собирается написать о нем в газете.

— Пусть пишет на здоровье.

Чувствовалось, что самолечение Галины уязвлено.

— Дорогу может показать Филиппенко.

— Матвей отказался.

— Почему?

— Я знаю? Он всегда делает, что в голову придет. Живет сам себе хозяин. Начальство-то за перевалом. Зверя бьет, когда нужно и когда не нужно. Тут, конечно, без охоты не проживешь, да ведь разум требуется! И человеком быть нужно. В прошлом году пришел с гор, напился и куражится: «Я, Галина, трех туров подвалил». — «Где? — говорю. — Зачем?» Оказывается, вышел к ущелью, а туры по ту сторону, на склоне. Ну, он бах-бах... Стреляет-то без промаха. Всех трех и убил. «Скотина ты, — говорю, — Матвей. Зачем животных истребил? Ты ж их охранять поставлен!» — «Верно, Галка, — отвечает. — Потому и напился. А удержаться не смог. Душа загорелась. Смотрю — стоят на скалах. Пока сообразил, а карабин сам палит...»

— Карабин?

— Думаете, Матвей в горы с ружьишком ходит?

Ружье для инспекции. У него в лесу винтовка в тайнике и патронов куча. Здесь немцы к перевалу рвались, так на леднике до сих пор оружие найти можно. Чего хорошего, а стрелять у нас любят.

— И вы стреляете?

— Еще как! Однажды Матвея проучила. Расхвастался: «Вот я стрелок, а ты с десяти шагов в корову не попадешь!» Я ему и говорю: «Бросай фуражку!» Он подбросил, от нее один козырек остался. Посмотрели бы вы на его рожу!

Галина поднялась, придерживая вздувшуюся колоколом юбку.

— Нужно все ж повидать Олега. А то его одного попесет!

«Симпатичная девушка. Подозревать ее нелепо».

Мазин спустился со скалы и пошел вдоль речки, поглядывая на густо замешанную глиной беспокойную воду. «Интересно, что предпринял Борька? И сумел ли Матвей переправиться?» Как бы уточняя эту мысль, он посмотрел на гладкий, устойчивый с виду валун.

— Дяденька! На тот камень не вставайте. Подмыло его.

Игорь Николаевич увидел низкорослого паренька, одетого в длинную, с отцовского плеча стеганку и фуражку с золочеными листиками — эмблемой, сползавшую на уши.

— Почему ты решил, что я полезу на камень?

— Да вы ж на него смотрите и ногой примерялись.

«Нужно быть очень наблюдательным, чтобы заметить произвольное движение!»

— Спасибо, друг. Как тебя звать-то?

— Коля.

— Николай Матвеевич?

Угадать было нетрудно. Щуплый паренек как две капли воды походил на Филиппенко.

— Сколько ж тебе лет, Николай Матвеевич?

— Четырнадцать.

— Ого! Комсомолец уже?

Мальчику трудно было дать больше двенадцати. И не только по фигуре. Глаза у Коли были детские, не похожие на глаза тех преждевременно созревших городских подростков, с которыми Мазину приходилось иметь дело по службе.

— Не, пионер еще. А вас как зовут?

— Меня, Коля, зовут Игорь Николаевич. Ты здесь форель ловишь?

— Паренек улыбнулся городской наивности.

— Форель под плотинкой клюет... А это правда, Игорь Николаевич, что дядю Мишу убили?

— Правда.

— Вот жалко. Он здесь самый лучший был.

— Самый лучший? Почему? Он рисовал тебя?

— Не... Хотел нарисовать, но я неусидчивый. Не вышло. Зато мы с ним на охоту ходили. Дядя Миша, правда, ничего никогда не убьет. И стрелять не любил. Ходить любил, рассказывать. Про войну, как он воевал. Про Москву, про художников знаменитых. Сурикова он очень любил. Знаете «Переход Суворова через Альпы»?

— Знаю.

— Обещал меня в Москву, в Третьяковскую галерею повезти. Мы с ним часто ходили. Особенно на Красную речку.

«Там нашли самолет».

— Почему на Красную? Это красивое место?

— У нас везде красиво. Речка из озера водопадом пробивается. Напротив красных скал. Потому и речку Красная называют. А вообще-то она не красная, обыкновенная. А на гору ни за что не взойти. Озеро знаете только как увидеть можно?

— Нет, — ответил Мазин, с удовольствием слушая симпатичного паренька.

— Нужно на Лысую подняться. Она выше озера. С нее в бинокль озеро здорово видно! Там, где лед протаял, синие-синие пята. У дяди Миши бинокль был двенадцатикратный. Заберемся мы на Лысую, и он сидит, смотрит долго-долго.

— А самолет Михаил Михайлович не видел?

— Не... Никто не видел. Отец первый. Когда лавина пропасть засыпала.

«Зачем этот вопрос? Чем мой путь лучше Борисова? Он стремится к упрощению, я усложняю. Но где все-таки Валерий?»

— Ты, Коля, не встречал сегодня Валерия Калугина?

— Не.

— А с ним вы в горы ходили?

— С Валерием? — спросил мальчик, не скрывая

пренебрежения. — Куда ему! Ленивый он. Шашлыки любит. Купит мяса и зажаривает на полянке, — засмеялся Коля; и видно было, что покупка мяса с его, сына охотника, точки зрения — вещь нелепая.

Мазин улыбнулся.

— По горам, выходит, не ходок? Куда ж он сегодня девался?

— Да спит, наверно, в хижине.

— Где?

— В хижине. Тут рядом с колхозной пасекой домик ничейный. Его как дядя Миша отругает, он — туда, валется на кровати.

— Проводишь меня к домику?

— Пойдемте, — охотно согласился мальчик и сразу зашагал вперед, ловко выбирая камни поровнее и посуше.

Они обогнули калугинский дом стороной и вошли в полутемный лес. Все вокруг насквозь промокло. Холодные и тяжелые капли непрерывно скатывались с поникших веток. Особенно неприятно стало идти, когда каменистую тропу сменила расквашенная глина.

— Далеко еще, Николай?

— Вот, Игорь Николаевич!

Посреди просторной поляны зеленело застарелой тиной неглубокое озерцо. Посреди него плавала дверь с привинченной ржавой ручкой, никому в этих щедрых лесом местах не нужная, а за озерцом Мазин увидел похожий на другие домик под тесовой крышей. Над крышей поднималась струйка сизоватого неуверенного дыма.

Мазин пошел впереди мальчика. Ему хотелось заглянуть сначала в окно, но ближнее окно оказалось закрытым, и он остановился перед неплотно притворенной дверью, поймав себя на том, что ждет чего-то неожиданного. Дверь отворялась наружу. Игорь Николаевич потянул ее и остановился на пороге. На раскладушке, покрытой расстегнутым спальным мешком, лежал Валерий, уткнувшись лицом в подушку. Мазин схватил его за плечо.

Валерий повернулся и сел на койке, уставившись на непрошенных гостей недовольным взглядом.

— Что вам нужно?

— Простите. Мне показалось, что вам нехорошо. Ваша поза...

- Моя поза никого не касается. Зачем вы пришли?
- Возможно, вы не знаете...
- Все знаю.

Валерий говорил зло, грубо.

- Почему же вы здесь?

- А ваше какое дело?

Мазин подавил нарастающую неприязнь к художнику.

- Если у вас все в порядке, не буду мешать...

- Убирайтесь!

- Вы негостеприимны, — сдержался Мазин.

- Не хочу разделить участь отца. — Он вдруг вскочил и схватил ружье, стоявшее у стенки. — Убирайтесь отсюда, слышите! А то я всажу вам дробь в брюхо.

Игорь Николаевич шагнул вперед и сделал быстрое движение. Валерий оглетел на раскладушку, а ружье стукнулось об пол. Мазин поднял его и вышвырнул патрон. Валерий ошеломленно наблюдал за ним с койки.

— Извините, — сказал он наконец и спаясничал совсем по-вчерашнему: — Так уж получилось, мы не виноваты.

- Кто вам сказал о смерти отца?

- Ну, Марина сказала.

- Когда?

— Сразу же после того, как ваш друг затеял свой идиотский эксперимент. Спустилась вниз и сказала. Нужно ж ей было с кем-то поделиться. Она-то не прокурор, у нее нервы есть.

— У Бориса Михайловича тоже. И он не прокурор, как вам известно. Он делает все, чтобы разоблачить убийцу вашего отца. Разве вы не знаете, чем кончился «идиотский эксперимент»?

— По вашей физиономии вижу, что никого вы не поймали.

— Вы отличный физиономист. Однако Калугина пытались убить еще раз тем самым ножом, которым вы открывали бутылки.

— Нож я брал у Олега. Да что вы плетете! Это же провокация!

- Вы возвратили нож?

— Черт его знает! Наверно. Зачем он мне нужен? Оставьте меня в покое. И не воображайте себя Эркюлем Пуаро. Тут и милиция зубы сломает, будьте уверены. Не по зубам орешек. Не сумочку вытащили.

— Вы говорите так, будто имеете определенные предположения.

— Никаких предположений! — выкрикнул художник и снова сменил тон. — Вам-то зачем это, доктор? Это нас касается, меня. Не ввязывайтесь вы не в свое дело. Отдыхайте лучше. Не нравится в поселке, располагайтесь здесь. Когда солнце появится, вы оцените. Вид божественный! — закончил он вполне доброжелательно.

— Спасибо, — ответил Мазин, присматриваясь к Валерию.

— Отдыхайте! А я пойду. Хорошо, что вы меня разбудили.

«Чумной парень», — вспомнил Игорь Николаевич слова пасечника. «Он нервничает и переживает. Это понятно. Но что у него на уме? Что значит, «это нас касается, меня»? Или ничего не значит?»

Мазин посмотрел в окно и снова увидел зеленую лужу с плавающей дверью и густой туман, скрывший горные склоны.

— Вы его обязательно найдете, Игорь Николаевич, — сказал Коля.

- Кого?

- Кто убил. Я догадался.

- О чем же ты догадался?

— Да как вы у Валерия ружье вышибли, я и догадался, что это вы.

- Кто ж я, по-твоему?

— Мы с дядей Борей на лису ходили, — заговорил Коля быстро, спеша объяснить, о чем он догадался, — и дядя Боря меня похвалил. Говорит: «Ты следопыт настоящий, тебе бы в уголовном розыске работать». А я спросил: «А вы сами много преступников поймали?» А он говорит: «Я — мало, но у меня друг есть, он особенно опасных ловит». Я тогда еще подумал: вот бы на вас посмотреть! А как вы приехали, я все думал: вы это или не вы? Ну, а как вы ружье выбили, понял — точно.

- Разоблачил ты меня, однако.

— Игорь Николаевич, а вы специально приехали? Вы знали, что убийство готовится?

- Нет, сынок. Я отдыхать приехал.

— А можно я вам помогать буду? Я никому не скажу, кто вы, честное пионерское!

Он не успел ответить, когда, почти слившись, разда-

лись три звука. Потом уже Мазин восстановил их последовательность. Вначале же он услышал только звон разбитого стекла в окне. Но на секунду ему предшествовал выстрел, и тут же что-то глухо шлепнулось о стол.

Мазин инстинктивно, еще не осознав саднящую боль под мышкой, пригнул Колю к полу. Другая рука его потянулась за ружьем. Потом он выглянул в окно. Сквозь разбитое стекло тянуло свежим, сырым воздухом. Вокруг было спокойно и тихо. Стреляли из ближних кустов, только оттуда можно было рассмотреть в тумане силуэт в окне. Там скрывался стрелявший. Что он намерен делать? Придет в хижину? Поспешит в лес? Или будет ждать, пока кто-нибудь выйдет на поляну?

Спугнутая выстрелом, снова закричала в чаще какая-то незнакомая птица. Мазин стянул плащ. В рукаве было отверстие. Но болело не сильно. Видимо, заряд задел только кожу. Рубашка впитала кровь и неприятно липла к телу.

— Ранили вас, да? — спросил Коля шепотом.

— Немножко.

Игорь Николаевич продолжал наблюдать за лесом. Похоже, стрелок решил выждать или скрылся. Мазин приподнял и опустил раненую руку. Царапина, к счастью, не особенно досаждала.

— Коля, сядь к стенке ниже окна и жди меня.

Он осторожно отворил дверь. Осмотрелся, перебежал и укрылся за ближайшим деревом. Редкий лес просматривался на значительное расстояние, но стрелять было трудно, деревья перекрывали прямые линии. От дерева к дереву он продвигался по направлению к кустам, осматриваясь при каждой остановке. Вот и заросли орешника. На ветках галдели птицы. Мазин сделал последний бросок, готовый немедленно ответить выстрелом на выстрел, и очутился на каменистой площадке среди кустов. Площадка была пуста.

Мазин нагнулся и подобрал желтоватую теплую гильзу. Из отверстия тянуло порохом. Это была небольшая гильза с характерным желобком от немецкого боевого карабина военных лет. Видимо, стрелявший спешил, раз не нашел ее на земле. Куда же он мог уйти? Каменистая площадка была частью тропы, ведущей в горы. Преследовать стрелка дальше было бес-

смысленно. Он мог укрыться за любым камнем и встретить выстрелом в упор. Мазин вышел из кустарника и направился к домику, не выпуская ружья из рук.

Коли в комнате не было.

— Николай! — позвал Мазин.

— Здесь я, Игорь Николаевич, — появился паренек.

— Зачем выходил?

Дождаясь ответа, Мазин достал перочинный нож и ковырнул доску стола.

Коля молчал, не спуская глаз с лезвия.

— В нашем деле, Николай, главное — дисциплина. Ты нарушил приказ, и я больше не могу тебе доверять. Отправляйся домой!

Это прозвучало жестко, но не мог же он сказать: пуля, которую я извлекаю, могла попасть в тебя! Мазин ожидал возражений, заверений, что мальчуган не станет больше своевольничать, однако Коля глянул на пулю, насупись и молча пошел из комнаты.

«Пусть лучше обижается. Рисковать им я не имею права».

В рукаве стало липко. Кровь, сочившаяся из ранки, добралась до локтя. Игорь Николаевич скинул пиджак и рубашку и подошел к ведру с водой, что стояло на табурете за дверью. Он опустил туда кружку, когда за стеной послышались шаги.

«Вернулся!»

Мазин схватил ружье и стал в простенке. Человек за дверью остановился, не решаясь войти. Последовала длительная пауза. Было очень тихо. Только птицы в зарослях никак не могли утомиться. Потом дверь скрипнула. Человек на пороге, одетый в дождевик с поднятым капюшоном, осмотрел помещение, никого не увидел и сделал шаг вперед. В тот же миг ствол ружья уткнулся ему в бок.

— Игорь?! — только и смог произнести Сосновский, увидев окровавленного Мазина с двустволкой в руках. — Что с тобой?

Мазин взял со стола и молча протянул ему пулю.

— Не могу представить, что тебя могли убить. — Сосновский смотрел на разбитое стекло.

— Было бы забавно. «Подстрелен аки заяц на третий день отпуска, избежавши в свое время многих опасности». Хороша эпитафия?

Игорь Николаевич промыл рану левой рукой.

— Ты еще шутишь! Как ты попал сюда?

— В поисках Валерия. Он был здесь. Мне не понравилось его настроение. Крутится у него в голове нечто тревожное и небезопасное. Но к откровенности не склонен. Однако что за идиот вздумал сводить счеты со мной?

— Кто-то разгадал нашу хитрость, сообразил, что ты опасен.

— Возможно. Хотя никому я пока не опасен. Повидав всех этих людей, я заключил: среди них нет убийцы. И ошибся. Он есть. Значит, все мои предпосылки, или большая часть их, оказались ложными. Придется засучить рукава. Видишь, какой энтузиазм?

— Что значит личная заинтересованность! — съехидничал Борис.

— Да, кровь вызывает к месту. Стяни-ка мне руку носовым платком. Между прочим, что скажешь о пуле? Говорят, у Филипенко есть винтовка.

— Матвей ушел в район.

— Проверить, где он находится сейчас, невозможно.

— Если Филипенко придет в милицию в середине дня — значит, он в дороге. Придется уточнить время его появления в райцентре.

Но уточнять не пришлось. Егерь собственной персоной шел по тропинке вдоль озера.

— Легок на помин. Послушаем, что скажет.

— Что тут стряслось у вас? — спросил Матвей сразу.

— Стряслось кое-что. А ты почему здесь?

— Пихту подмыло. Вода идет невиданно. В брод пойдешь — снесет как щепку. Вернулся я, значит, а Николай так и так говорит. Выходит, стреляли в вас, Игорь Николаевич?

— Было дело. Но не повезло стрелку. Пулю мне на память оставил и скрылся. Говорил тебе Николай про пулю?

— Сказал.

Мазин перешел на «ты».

— Хочешь взглянуть?

— Позвольте, если можно.

Он положил пулю в большую, корявую ладонь Матвея. Ему показалось, что пальцы егеря дрогнули. Пуля исчезла в ладони, Филипенко сжал кулак. Потом посмотрел, но бегло и опустил руку.

— Знакомая? — спросил Игорь Николаевич с умеренным любопытством.

— Да нет... Так с одного раза не поймешь. Поглядеть бы, сравнить... Можно?

— Хочешь оставить пулю у себя? Пожалуйста. Не возражаешь, Борис Михайлович? — Он встретился взглядом с Сосновским.

Филипенко быстрее, чем следовало, сунул руку в карман, однако Борис категорически повел головой.

— Ни в коем случае! Пуля — важнейшее вещественное доказательство. Давай-ка ее сюда, Матвей!

— Дело ваше. Я как лучше хотел, посодействовать. Егерь протянул пулю Сосновскому. Тот положил ее в спичечную коробку. Мазин смотрел по-прежнему спокойно и доброжелательно.

— Пуля потребуется милиции.

— Дело ваше, — повторил Матвей. — Завтра с утра попытаю еще переправиться. А сегодня без толку. Сильно бежит, зараза. Про стрельбу, как я понимаю, лучше помалкивать?

— Лучше.

Он топтался, оставляя на полу следы грязных кирзовых сапог.

— Покудова, значит.

Мазин повернулся к Борису. Сосновский смотрел оживленно.

— Не перегнул, Игорь? Ты явно дал понять, что подозреваешь его.

— Все на месте. Судя по реакции, Матвей Филипенко — человек эмоциональный, горячий, как говорится, жестокий иногда, по вспышке, но не хитрец. Не его это стихия.

— Еще бы! Хорошо, что пуля осталась у нас.

— «У нас»? Ошибаешься. Пуля, что лежит в твоей коробочке, даже не похожа на ту, что продырявила мой плащ. Новый плащ, между прочим. Уверен, это не немецкая пуля.

Сосновский открыл коробок.

— Ты прав. Пуля от старой трехлинейки. А твоя?..

— На дне пруда скорее всего. Матвей не так глуп и не настолько сентиментален, чтобы хранить ее как сувенир.

— И ты позволил ему спокойно провести эту операцию?

— Спокойненько? Ну нет. Нервничал он наглядно. Сам видел. Вывод? Стреляли из Матвеева карабина. Помимо того, что пуля немецкая, на ней была личная метка. Наверно, такие значки нарезаны на всех его пулях. Охотничье тщеславие. Пулю узнал Николай и поспешил к отцу. Но ни он, ни Матвей не знают, что мне известно о карабине. Правда, парень догадался, что я не доктор.

— Колька?

— Представь! Очень наблюдательный мальчишка. Но сказал ли он отцу, кто я, не уверен. Почему? Неизвестно, как он относится к выстрелу, уверен ли в участии отца... Да и слово дал пионерское. Но это мы выясним. А пока Матвей узнает, что я жив и пуля у меня. Не считаясь с риском, с этакой простодушной одержимостью он пытается заполучить ее.

— Пошел напролом.

— Напролом. Значит, приспичило. Сейчас он доволен, уверен, что лишил нас доказательств. Но это чистый самообман. И недостаток информации. Он не знал, что я нашел и гильзу. Иначе Матвей подменил бы пулю немецкой, только без метки. Так что пол-очка мы отыграли. Теперь понаблюдаем.

Сосновский провел рукой по шевелюре.

— Или он за нами. Из-за куста, с карабином.

— Что поделаешь. Такая работа, как говорит один мой друг. Вина Матвея пока не доказана.

— Да, наши доказательства относятся к карабину, а не к его хозяину. Самого Матвея они косвенно даже обеляют. Глупо на его месте стрелять меченой пулей, непросительно бросать гильзу. Но, с другой стороны, человек недалекий и вспыльчивый сначала делает, потом соображает. Убив тебя, он мог бы извлечь пулю.

Мазин невольно провел рукой по телу.

— Знаешь, Борис, твои слова по-новому освещают этот хаос. Из чего мы исходили? Убийство Калугина — продуманное, подготовленное, дело рук человека хладнокровного, расчетливого. Так? А если наоборот? Погас свет. Кто мог это ожидать и предвидеть? Грозу тоже не запланируешь. Все произошло не по заказу. А убийца поднимается и, несмотря на огромный риск, расправляется с Калугиным за считанные минуты. Генеральный расчет? Или дураку счастье? Решительность у этого егеря, во всяком случае, феноменальная. Когда

он узнал, что его могут заподозрить (про карабин-то всему поселку известно!), он явился и сделал то, что задумал, без колебаний. И если у него вчера была не менее веская причина... Особенно если она возникла внезапно...

— Откуда? Перед нашим приходом шел обычный разговор. Никакого скандала, крутого столкновения мнений, вспышек гнева.

— Могла быть и неприметная вспышка. Вспышка страха. Страх толкает на авантюры не меньше, чем гнев. Особенно панический. Или страх, замешанный на скрытой ненависти. Какая-то комбинация сильных, требующих немедленных действий чувств. Я отталкиваюсь от Филипенко, но речь может идти о любом. И о женщине.

— Любое обострение не останется незаметным в маленькой группе людей.

— Разве мы осознаем все, что замечаем? Особенно когда это нас непосредственно не касается. Сколько раз мы проходим мимо назревающих конфликтов! Дома, на службе, в коллективе. Что-то заметил и тут же позабыл, потому что показалось несущественным, незначительным. А здешний конфликт был наверняка не на поверхности, его не афишировали, скорее скрывали. Однако что-то просачивалось, не бросалось в глаза, но не оставить следов не могло. И свидетели остались. Извлечь истину по капле — вот что нужно. Филипенко — один из вариантов, не больше. Главное — обстановка. Толчок к убийству был дан накануне того, как погас свет. Толчок непосредственный. Потому что общее стремление вызревало исподволь. Но толчок был, хотя и остался незамеченным. Чтобы ощутить его, нужно восстановить, о чем говорилось за столом, что предшествовало выстрелу.

— Представь, эта мысль уже приходила мне в голову. Я поговорил с Мариной и Галочкой.

— Женщины прежде всего?

— Не иронизируй. Вряд ли женщины причастны к убийству Калугина и наверняка не стреляли в тебя.

— Надеюсь. Кроме того, они умеют запоминать мелочи. Итак, разговор за столом.

Борис развел руками.

— Признаюсь, я пытался подкрепить свою версию, найти что-то связанное с Валерием. Однако ничего но-

вого не обнаружил. Они с отцом даже не цапались по обыкновению.

— У них был крупный разговор накануне.

— Был. Но он не походил на скандал. А о чем шла речь, я не понял и не интересовался, естественно. Они прекратили его, как только я появился. Всегдашней запальчивости в Валерии не было. И за столом он молчал. Возможно, был подавлен. Однако это домысел, не больше. Скорее его не интересовала общая беседа.

— О чем же говорилось?

— Филипенко рассказывал о сбитом самолете.

— Опять самолет?

— Ну, это понятно. Местная новость номер один плюс охотничья фантазия.

— Что за фантазия?

— Матвей обнаружил останки летчика в стороне от машины.

— Выбросило взрывом?

— И я так думаю, но Матвей нагнал туману, утверждая, что скелет совершенно цел и сохранившаяся одежда не обгорела. Получается, что человек выбрался живым из разбившейся вдребезги машины, отошел спокойненько на травку, прилег и умер. Типичная охотничья байка. А главное — связи-то с нашим убийством никакой!

— Во всяком случае, уловить ее трудно. Зато есть связь с приездом в поселок Олега. Мне почему-то кажется, что он искал самолет не только как журналист. В его настойчивости заметно что-то личное. Но почти невероятно, чтобы эта зависимость могла привести к смерти Калугина. А что говорили другие?

— Высказывались по-разному, но общее мнение сводилось к одному: узнать фамилию летчика и сообщить близким.

— Ничего криминального. Естественно.

— Банально. Еще говорили о том, что найти семьи будет трудно. Олег якобы сказал: «Это я беру на себя». Калугин понинтересовался, каким образом он собирается действовать. Тот ответил: «Сохранился номер машины, состав экипажа можно узнать в военном архиве». Тоже просто, как видишь. Потом разговор перекинулся в сферу абстрактную: как прошлое дает себя знать через много лет.

— Что же тут высказывалось?

— Обычные суждения. Об ответственности за совершенные поступки. Олег активно участвовал. «Истина всего дороже. Ее нельзя скрывать». Вмешался Кушнарев и стал говорить, что истина неуловима, что факты можно понять по-разному. Короче, общая болтовня.

— Что говорил Калугин?

— Он был на стороне Олега, собирался рассказать какую-то притчу, но Валерий заявил: «Отец, ты многословен, дай гостям поговорить». Калугин смутился, а тут и свет погас.

— Он назвал это притчей? Не случаем из жизни?

— Нет, нет. И Галя и Марина запомнили это слово.

— Да... Улов невелик. Ни одной фразы, наталкивающей на конкретные выводы. Однако если исходить из предположения, что толчком к убийству послужили слова, неосторожно или сознательно произнесенные вечером, то самолет вновь фигурирует. Но вернемся на грешную землю. Закончилась ли стрельба — вот вопрос? Или есть смысл застраховать жизнь?

— До приезда инспектора соцстраха я бы принял меры предосторожности.

— Обязательно. Бери ружье, и пойдем!

По-прежнему туман заволакивал ближние и дальние горы, по-прежнему, насупившись, стоял вымокший лес, и вода в озере казалась неприветливой и холодной, но что-то и изменилось.

— Ветерок потянул, — сказал Борис.

«Стало легче дышать», — понял Мазин и заметил мелкую рябь на поверхности озера. Почти незаметно покачивались ветки ближних деревьев.

— Разгонит непогоду, — ответил он без всяких аллегорий.

В затихшем лесу не верилось в опасность, в жестокость, в страх и ненависть, проникшие в забравшийся на кручи поселок, в то, что человек с карабином мог засесть за любым кустом. Треск ветки впереди вернул к действительности.

— Эй, кто там? — Сосновский повел стволом в сторону ближних деревьев.

Никто не откликнулся.

— Не паникуй, Борис. Он не нападет на двоих.

Шума больше не было. Они благополучно добрались до дому.

Там у дубового стола сидел Кушнарев и рассматри-

вал полупустую бутылку со «Столичной». Четкие, скульптурные черты лица его обмякли и разгладились, загар поблек, седые редкие волосы спутались, обнажив нездоровую кожу.

— Отдай ружье Валерию, Борис. Я посижу пока с Алексеем Фомичом.

Кушнарев исподлобья наблюдал, как Мазин подходит к столу.

— Не возражаете, Алексей Фомич?

— Я? Возражаю ли я? — переспросил старик медленно, подбирая слова, как делают это пьяные люди, понимая, что они пьяны, и стремясь вести себя нормально, «правильно». — Я не могу возражать, молодой человек, потому что нахожусь в чужом доме и даже бутылка, которую вы видите, мне не принадлежит. Поэтому я оставлю ее вам, потому что мне пора, мне пора домой, а здесь я, судя по всему, больше не нужен. Не требуюсь...

— Как сказать...

— Скажите же. Поясните. Осветите.

— Это не так просто.

— Не просто? Вы сказали не просто? Я не ослышался?! То есть сложно? Ведь раз не просто — значит, сложно?

— Сложно.

— Удивительно! Совершенно не подозревал, не мог предположить, что для вас с вашим другом существуют сложные вопросы! Хотя, хотя ошибался, конечно, потому что вы же ставили опыты, экс-гумировали, простите, экс-периментировали... на людях. Так сказать, неумимые исследователи! Да что вы, молодой человек, — Кушнарев вдруг обрел твердость речи, — что вы знаете о жизни и смерти?!

— Я не так уж молод, Алексей Фомич. И мне положено кое-что знать.

— Положено? По инструкции?

— Не все инструкции плохи.

— Ну! — Архитектор даже сверкнул желтыми глазами. — По-вашему, мысли можно упрятать в параграфы? Сформулировать высшую мудрость! Свести смысл жизни к уголовному кодексу?

— Иногда и уголовный кодекс помогает осмыслить жизнь. А причины смерти в основном укладываются в рамки медицинского заключения.

Он иронизировал вынужденно, а не для того, чтобы позлить старика. Но тот вскипел всерьез.

— Видимые! Видимые причины! — крикнул Кушнарев с торжеством, и Мазину показалось, что он собирается постучать пальцем ему по лбу. — Видимость — вот что ваши бумажки отражают! Фокусы, иллюзии. И вы — фокусник!

— Не могу с вами согласиться. — Игорь Николаевич говорил тоном, каким разъясняют ошибки упрямым, но способным ученикам. — Если удастся установить, кто убил Калугина...

— Кто убил Калугина! Нашли себе кроссворд на досуге? Смотрите! Мозги свихнете. Или шею. — Он запылся. — Ничего больше не скажу. Не хочу с вами разговаривать.

— Дело ваше, — ответил Мазин, подчеркнув сожаление.

— И не пытайтесь выведывать! Вместе с вашим приятелем из так называемых органов внутренних дел! Так вот — мои внутренние дела вас не касаются!

— Мой приятель — научный работник. И беседовать с вами не так уж приятно. Вы неискренни.

— Я? Какое вы имеете право?..

— Я вижу больше, чем вам кажется.

— Ну и самомнение! Любопытно, что ж вы увидели?

— Вашу неуверенность. Вам хочется знать, был ли Калугин настоящим вашим другом или он только боялся вас.

Кушнарев замер. Удар пришелся точно.

— Я не ошибся, Алексей Фомич?

— Почему... почему вам такое в голову пришло?

— С ответом повременю, если можно.

— Не скажете? Однако, не ожидал. Глубоко копнули, не ожидал.

— А если я не ошибся, — продолжал Мазин, — как же я могу поверить, что вам безразлично, кто убил Калугина... Вы это ночью утверждали.

И тут он получил ответный удар.

— Я не говорил безразлично. Не извращайте. У меня свой взгляд есть... Может быть, мне известно, кто его убил!

— Известно?!

— С ответом повременю, если можно, — шутовски

поклонился старик, но тут же посерьезнел. — На разных языках говорим. Боюсь, не поймете.

Заметно было, что архитектор не так пьян, как показалось Мазину вначале.

— Вы считаете, что убийца Михаила Калугина не должен понести наказания?

— Я излагал свою точку зрения.

— Вы ставили вопрос теоретически, не упомянув о том, что подозреваете конкретное лицо, человека, находящегося среди нас.

— А какая разница?

— Существенная. Ответственность определенного человека нагляднее. Она поддается точной оценке правосудия.

— Вот, вот!.. Вы о правосудии, о суде своем заботитесь, а я — об истине. Суд — дело рук человеческих, так и называется — народный суд, людской то есть, а у людей мнения, оценки, факты так и этак поворачиваются в голове. А истина от нашей оценки не зависит. Ее, как банку шпрот, не откроешь. Она с течением времени возникает и проясняется. Без сыщиков, без собак-ищеек. Да разве вы поймете! Строили на родине моей, в заштатном городишке российском, школу. Это я вам пример привести хочу. Зацепил экскаватор ковшом и клад вытащил — четыреста восемнадцать рублей серебром и медью тридцать шесть копеек. Старинные деньги.

— Вы запомнили?

— Сумма значение имеет. Потому что в местном архиве больше века дело хранилось на одного мещанина. Обвиняли его в убийстве купца и ограблении. Всего у купца взято было четыреста восемнадцать рублей сорок шесть копеек. Улавливаете? В гривенник разница! Однако обвинение тогда не доказали и оставили мещанина «в сильном подозрении». А фундамент-то на его бывшем подворье копали. Вот как истина вскрылась. Понятен смысл истории?

— Следствие находилось на правильном пути. Жаль, что его не довели до конца.

— Глухой вы человек. Гривенник забыли? Всех денег только и решил он потратить, что этот гривенник. А остальные не посмел. Значит, и без суда, который запутался в трех соснах, наказание свершилось. Да похуже каторги. Там — срок, а тут — бессрочные муки.

До смерти деньги рядом лежали, напоминали о пролитой крови, а он к ним прикоснуться не смел.

— А если не было мук никаких? Трусил ваш мещанин с деньгами объявиться, да и только! Выжидал, выжидал, пока богу душу не отдал. А истина вскрылась, когда она никому не нужна стала.

— Нет, почтенный! Не поняли вы! — возразил Кушнарев тоном снисходительного превосходства. — Как Гёте сказал: бог может простить, но природа никогда! А что такое природа? Мы сами, вот что! Вы, я, Миша-покойник тоже.

— Трудно с вами, Алексей Фомич. Темно говорите. Я вам о гибели Калугина, а вы о том, что человек сам себя способен наказать больше, чем правосудие. Способен-то, способен... А если не собирается? Как поступать прикажете?

— Приказывать не привык. И вообще наговорил лишнего. Следователю и того не скажу. Но вы... показалось, поймете. Я вам, как человек человеку... поделился. А не поняли, так и к лучшему.

— Как же к лучшему, если убийца не обезврежен?

— Для других он не опасен.

Мазин позволил себе запрещенный ход.

— На такую уверенность имеет право лишь один человек.

Желтые глаза заметались.

— Убийца? Так понимать следует?

Мазин смотрел на сапоги Кушнарева. Они были в свежей, непросохшей глине.

Долго тянулась пауза. Архитектор сложил перед собой руки, переплетя пальцы. Они тяжело лежали, почти такие же темные, как и доски, из которых был сбит стол. Мазин молчал.

— Что вам нужно? Как я понимаю, лицо вы неофициальное, а тем более покойному не друг, даже не знакомый человек, а любопытствуете, опыты ставите. Зачем вам это? Приедет милиция — разберется. Если уж вы так за правосудие выступаете, зачем впереди его бежать? Милиция еще за горами, а вы уж убийцу разоблачили, а?

— Не разоблачил. Как и вы, кажется.

— Я такой цели не ставил. То, что мне известно, дело мое.

— Милиция задаст вам вопросы.

— Факты скрывать не собираюсь, а догадками делиться не обязан.

— Значит, фактов меньше, чем догадок?

Мазин почувствовал, что старик снова ушел в себя, больше того — готовится к контратаке.

— Не знаю, чем обязан вашему настойчивому любопытству. И предположение ваше странное: зачем Михаилу меня бояться?

— Какое ж это предположение, Алексей Фомич? Сами сказали.

— Сам сказал? Ну, знаете...

— А вспомните! Вы заявили, что Калугин испытывал к вам не только чувство благодарности.

Кушнарев развел руками.

— Что из того? Не только... Ишь как повернули! «Заявил»! Ловко! Почему же страх обязательно? Зачем ему было меня страшиться? Кто я такой? Плохо вы представляете положение художника Калугина! Это не дагезанский дачник. Это фигура, можно сказать, союзная. А я?

— Все равно, Алексей Фомич. А, выходит, побаивался.

— Не говорил я, что побаивался.

— Говорили. Десять минут назад, когда я высказал свое предположение, вы, в полном согласии с ним, упомянули, обмолвились, что копнул я глубоко. Хотя ничуть я не копнул, а судил всего лишь по вашим словам и в доказательство признаюсь, что понятия не имею, почему Калугин вас боялся.

— Еще бы вам и понятие иметь!

— Но предположить могу. Наверно, было что-то с Калугиным, о чем вам известно, а другим нет, и не очень ему хотелось об этом других оповещать.

Архитектор хлопнул кулаком по столу:

— Да кто вам право дал на подобные предположения?

— Защищаюсь, — ответил Мазин коротко.

— Что? — не понял Кушнарев.

— Защищаюсь, — повторил Игорь Николаевич. — Если уж вы отвергаете правосудие, то признайте хоть право на самооборону. Мне бы хотелось знать, кто стрелял в меня сегодня.

— Стрелял?.. — протянул Кушнарев недоверчиво. — А вам это не... того, не приснилось?

Мазин приподнял руку.

— Отверстие видите?

— Везучий вы!

— Не всегда так хорошо обходится. Поэтому не хотелось бы искушать судьбу впредь. Мне нужно знать, кто за мной охотится. Раз выстрел оказался неудачным, он может повториться.

Кушнарев задумался. Он уже совсем не походил на пьяного, и Мазин усомнился, а был ли архитектор пьян вообще. Перед ним сидел усталый, запутавшийся, недоверчивый и самолюбивый старик.

— Ничем не могу помочь, — повторил он слова, которые Игорь Николаевич слышал утром, но на этот раз без вызова, вяло.

— Однако вы заявляли, что знаете убийцу Калугина.

— Я совсем другое подразумевал...

— Валерий опять запропастился, — нарушил их разговор вернувшийся Сосновский. — И Марина Викторовна его не видела. А вы, Алексей Фомич?

— Я тоже. — Кушнарев поднялся. — Простите, уважаемый, вынужден вас покинуть. Понимаю ваше состояние, но бессилён, бессилён. — Он покосился на Бориса. — Ждать милицию нужно, а не мудрствовать. На меня не рассчитывайте. Я болтун. Наговорю, а все не так. Не так совсем или даже наоборот. Наврежу только. Нет, простите великодушно. Бессилён.

Он поспешно зашагал в свою комнату.

— Кажется, я невпопад? — спросил Борис Михайлович.

— Наоборот. Не хочу ничего «выведывать». Пусть скажет сам.

— Ему есть что сказать?

— Я надеюсь понять то, что он сам до конца не понимает. Со стороны легче заметить детали, которые примелькались тем, кто рассматривает картину постоянно. А он присматривался долго, годами. Однако где же Валерий? После этого выстрела я стал беспокойным. Что делает Марина?

— Марина у себя. Совсем раскисла. Утром выглядела живее. А сейчас, видимо, стало доходить, что произошло. Ведь она девчонка, в сущности, а в такую передрыгу угодила. Зайди к ней, а я посмотрю, чем заняты остальные.

По пути в комнату Марины Мазин посмотрел в ок-

но. За ним, прижавшись носом к стеклу, стоял Коля. Игорь Николаевич повернулся и вышел из дому.

— Не прячься, пионер. Считай, что ты прощен.

Получилось удачно. Мальчишка не ожидал полной амнистии.

— Правда?

— Ты думал, что нашей дружбе конец, потому что разболтал про выстрел отцу? Пулю узнал сразу?

— Ага.

— Ага! Прекрасное слово. А зачем бегаешь за мной? В лесу ты ветки ломал, следопыт? Хочешь просить прощения?

— Не виноват я, Игорь Николаевич! Я хотел про пулю сказать, а вы говорите: «Уходи». Я не успел.

— Зря выкручиваешься. Воспользовался обстановкой, чтобы улинуть, ага?

Коля опустил глаза.

— То-то! Теперь слушай. Работник ты оказался недисциплинированный. Наверно, это у тебя наследственное. Придется, брат, вступить в борьбу с природой. Или возьмешь себя в руки, или отставка. Решай быстро.

— Беру в руки, Игорь Николаевич.

— Предположим. А прощаю я тебя именно за то, что сказал отцу.

На этот раз Коля не понял.

— Пояснить? Думаю, ты предупредил отца потому, что был уверен, что стрелял не он.

Теперь паренек обрадовался открыто.

— Ну да, Игорь Николаевич.

— А если б ты знал, что стрелял он, как бы ты поступил?

Радость сбежала с веснушчатого лица.

— Не знаю...

— Понятно. Наверно, я не должен был задавать тебе этот вопрос. Это сложный вопрос... Значит, был уверен?

— Конечно, не он, Игорь Николаевич! Отец бы не промахнулся. Он знает как стреляет!

Такого своеобразного аргумента Мазин не ожидал.

— Пуля прошла близко.

Коля замахал энергично.

— Что вы! Вас же ранило в правую руку. Это от сердца далеко.

— Не так уж далеко, Коля. Но не будем спорить. Отец сказал тебе, что он подменил пулю?

— Подменил? — Мальчик покраснел. — Чтоб вы не узнали, что стреляли с карабина, да?

— По-видимому.

— А вы заметили, да? — Коля стоял красный как рак. Видно было, что ему стыдно и за поступок отца, и за то, что он не удался. — Отец же не знал, кто вы, Игорь Николаевич. Он думает, что вы доктор. Я про вас не говорил. Я же слово дал...

— Доктора тоже не лопухи. Значит, отец считает, что провел нас?

— Да ведь отцу страшно, что на него подумают. Ему и так от начальства попадает. А я ему нарочно сказал. Он теперь нам полезен будет. Он этого гада все равно выследит.

— «Нам»? — Мазин засмеялся, а мальчик нахмурился.

— А что тут плохого?

— Под пулю отца подставить можешь, — пояснил Игорь Николаевич, не распространяясь, что сам он далеко не уверен в непричастности егеря. — Меня-то подстрелили.

— Отца не подстрелят, — ответил Коля с обидной для Мазина гордостью.

— Будем надеяться. А ты рассчитываешь получить задание? Тогда иди в дом и посиди за столом. Подожди меня. Можешь смотреть по сторонам. Пока все.

Игорь Николаевич вытянул руку. На ладонь упали две снежинки, маленькие, четкие, как на рисунке в школьном учебнике.

3. СНЕГ

«Посиди за столом», — сказал он. Мазин вдруг осознал, что распоряжается в чужом доме, что дом этот, ни в чем не изменившись за ночь, стал совсем другим, превратился в место преступления, и вести себя в нем надлежит иначе, чем вчера вечером. Это было знакомое ощущение. Не раз ему приходилось появляться в квартирах в трагические минуты, осматривать их, как врач осматривает больного, стараясь увидеть все, чтобы сохранить в памяти необходимое, то, что требуется, не больше. Без оскорбительного любопытства осматривал он портреты и фотографии, шкафы с одеждой и столы с дорогими кому-то письмами и пожелтевшими документами. Он умел делать это, не причиняя боли, профессионально и деликатно касаясь кровоточащих ран, ни на секунду не забывая, что мир состоит из людей, а не из потерпевших и преступников.

Но и сами люди, скованные горем или страхом, напугались, теряя обычную чувствительность, а дома их, жилища, подчиняясь какому-то психологическому иммунитету, вдруг превращались просто в обстановку, среду жизни, утрачивали неповторимо личное, интимное. Горе как бы вскрывало прозрачность, сиюминут-

ность мира, который люди склонны кропотливо, настойчиво создавать вокруг себя. Пришла беда, и жестокая реальность вторгается в мир, который только что казался единственным, нерушимым, только тебе принадлежащим, и он дробится на составные части, каждая из которых возвращается к своему первоначальному простому предназначению: кровать становится обыкновенной мебелью, а фотокарточка — листком бумаги, запечатлевшим не кусочек жизни, а ее оптическое отражение.

Духом этой жестокой реальности, возвращающей все на свои места, и пахнуло сейчас на Мазина в калугинском доме, показавшемся ему кораблем, когда они с Борисом спешили ночью под ливнем, и ряды окон светились, как палубы, разгоняя грозу. Но свет погас, корабль на мели, капитан с зарядом картечи в груди лежит в рубке, и чужие люди ходят по дому, думая о том, что непогода скоро кончится и можно будет сложить чемоданы и рюкзаки и покинуть навсегда ставшее таким неудобным, вчера еще шумное и гостеприимное жилище.

«Наверно, Марина продаст дом», — подумал Игорь Николаевич, подходя к ее комнате, и испытал сожаление. Он постучал и приготовился к тому, что ответят не сразу. Калугина могла и забыться. Она имела на это право. Но ответила немедленно, и он вошел. Марина сидела почти в той же позе, что и утром, но уже не вязала.

— Игорь Николаевич?

— Да, я.

— Вы, конечно, осуждаете меня за то, что я здесь, а не наверху?

— Вам не следует быть там. Борис Михайлович запер мансарду до приезда милиции.

— Нет, я должна быть там. Я знаю, что должна. Но я не могу, — призналась Марина. — И в то, что случилось, почти не могу поверить. В моей жизни никогда ничего не случалось. А теперь я знаю, такое в самом деле бывает. Не в кино и не с другими. Со мной... И нужно пережить...

Без косметики, без привычного лоска она выглядела совсем молодой и беспомощной, похожей на вчерашнюю школьницу, провалившуюся на вступительном экзамене в институт.

— Нужно. Многое удается пережить. Существует запас прочности.

— Откуда? У нас никто не умирал. Даже бабушка и дедушка живы. И знаете, что ужасно! Я не о нем жалею, я себя жалею.

— Простите, вы любили Калугина?

Она вспыхнула.

— Зачем вам это? Наверно, нет, раз я так поступаю.

Он помолчал.

— Я вам показалась дрянью, да?

— Почему? Вы старались ответить искренне. Как вы познакомились с Михаилом Михайловичем?

— На выставке. Он выставлялся. Была встреча. Я задавала вопросы о его работах, они показались мне старомодными. Он объяснял подробно, дал мне свой телефон. Я сначала боялась. Девчонки смеялись: трусишь! Ну, я решила доказать, позвонила.

— Его первая жена умерла?

— Да. Решили, что я женила его на себе?

— А как вы считаете?

— Никогда так не думала. Нет. Все проще. Сейчас многие стараются жить просто, — пояснила она то ли убежденно, то ли с горечью.

— Просто? Сколько вы тратили в месяц?

— Нет, вы не поняли. Не о деньгах... Просто смотреть на вещи, не усложнять. Ведь оттого, что много думаешь, не становишься счастливее, правда?

— А вы были счастливы?

— Все считали, что мне повезло.

— Квартира в Москве, этот дом, машина, поездки за границу?

— Ну да. Но я не виновата. Он сам...

— Как же вы все-таки относились к Калугину?

Марина отвернулась.

— Я ценила заботы Михаила Михайловича.

«А что вы дали ему?» — хотел спросить Мазин, но сформулировал вопрос иначе:

— А он вас за что ценил?

— Он ценил мою молодость, — ответила она сухо. — Дорожил мной. Жена была старше его и много болела.

Мазин не откликнулся на этот прямолинейный ответ. Ему послышалась в нем нарочитость. Да он и не относился к числу моралистов. Не затем он пришел

в эту комнату. Его интересовало другое: виновна ли сидевшая перед ним женщина в смерти своего мужа?

— Рассказывал ли Михаил Михайлович вам о своем прошлом?

— Он не любил говорить о прошлом. «Зачем тебе это? — спросит. — Ты тогда под стол пешком ходила. Да и невыгодно мне свой возраст подчеркивать». Отшутится — и все.

— Что же вы знали?

— То, что все. Он деревенский. На войне был, ранили его, демобилизовали, учился в Москве. Потом его признали...

— Откуда Калугин родом?

— Из Белоруссии.

— У него остались родные?

— Нет, погибли во время войны.

— Когда он женился в первый раз?

— Сразу после войны. Она была из Казани. Вдова. Ее мужа убили на фронте.

— Михаил Михайлович жил в Казани?

— Он ездил туда по делам... не знаю. А теперь вдова я. Смешно, да? Ведь сейчас вдов не бывает.

Мазин сидел рядом с Мариной. «Пожалуй, спальня маловата». Бросалось в глаза, что, несмотря на размеры всей дачи, комнаты были небольшими. Все, кроме гостиной. Зато комнат было много.

— Михаил Михайлович сам проектировал этот дом? — спросил Мазин, отвлекаясь от главной мысли о прошлом Калугина, которая не должна была звучать навязчиво.

— Да, тут все сделано, как он хотел.

— А какова основная идея этого дома? Вы понимаете меня? Когда человек с возможностями Михаила Михайловича и его индивидуальностью берется за такое сооружение, тут не может быть случайного, тут должна быть общая идея. Зачем такой дом? Спокойное место работы? Или отдыха? Уединения?

— Нет. Только не уединения. Он терпеть не мог одиночества. Ему постоянно нужны были люди. Знакомые, незнакомые. Он любил гостей, любил угощать, любил, когда у нас ночевали, засиживались допоздна.

— Вас это не тяготило?

— Иногда. Но хозяином в доме был он. Однажды я сказала, он вспыхнул: «Я трачу свои деньги!» Я испу-

галась, что он сочтет меня скрягой, подобравшейся к тому, что он заработал.

«Она подчеркнула свое бескорыстие».

— Калугин был щедр?

— Еще бы! Вы не поверите, у нас... у него не осталось никаких сбережений. Сразу придется все продавать. И эту гостиницу...

Гостиница! Именно. Дом, в котором будет жить много посторонних людей, — вот как он замыслился. Или почти посторонних, случайных. У Калугина нет родственников, и вряд ли можно найти столько настоящих друзей, чтобы заполнить все эти комнаты.

Мазин огляделся. Широкая тахта, туалетный столик, шкаф, и совсем мало свободного места... На стене картина или набросок, сразу не поймешь — то ли современная раскованная манера, то ли недописано, недоработано: тяжелый, пасмурный фон, почти такой, как сейчас за окном, силуэты гор, насупивший лес — все грубо, в невыразительной серо-зеленой тональности, — и вдруг приковывающая глаз яркая точка, пятно, нет, не пятно, а полоска, красный бросок кистью поперек покрытого тучами неба, как след взлетающей ракеты или, наоборот, несущейся к Земле, входящей в атмосферу. Или метеорит? Нет, на картине день, и комок пламени не похож на небесное тело...

— Мрачновато для спальни.

— Ужасно. Далеко не лучшее, что написал Михаил Михайлович. Я говорила, что колорит меня угнетает. Тогда он взял кисть и бросил этот красный мазок. «Что это?» — спросила я. Он пожал плечами: «Так лучше смотрится».

Это действительно был один бесформенный мазок. Но случайный ли?

— Михаил Михайлович писал с натуры?

— Ему нравились окрестности Красной речки.

«Он знал, что там самолет, разбившийся, сгоревший», — думал Мазин, глядя на алое пятно — след пламени, прорезавший горизонт.

— В каких войсках служил ваш муж?

— В пехоте.

Это прозвучало отрезвляюще. Где связь между гибелью самолета, разбившегося четверть века назад, и убийством Калугина? Он не был летчиком и не мог находиться в самолете. Но мог оказаться свидетелем

его гибели. Мог сражаться в горах, защищать перевалы. Однажды над головой солдат вспыхнул воздушный бой. Калугин видел, как подбитая машина устремилась к земле. Это запомнилось, вернулось через годы, отразилось на клочке полотна, холста. И все? Скорее всего...

— Он воевал на Кавказе?

— Кажется, нет.

— Его не связывали с Дагезаном воспоминания, прошлое?

— Нет. Он выбрал это место потому, что его привлекала природа, натура. Так он говорил. Я еще училась тогда.

— Где вы учились?

Это был снова шаг в сторону, в нужном или случайном, бесполезном направлении, Мазин не знал.

— В цирковом училище.

— Вот как? По призванию?

Потухшее лицо Марины оживилось.

— Цирк нельзя не любить.

Было в этой женщине трудно воспринимаемое противоречие: цирк, спорт — все это требует воли, настойчивости, характера. И тут же стремление жить «просто», по течению, слабость.

— Значит, Михаил Михайлович не служил на Кавказе?

Вопрос вырвался вопреки логике.

— Я могу уточнить. Я записала важные даты из его жизни. Чтобы знать, чтобы помнить, чтобы как-то понять его прошлое, прикоснуться к нему, не быть чужой. Стащила его автобиографию, вернее — хронологию. У него хранился такой листок. Как справка. Я переписала.

«Она старалась быть хорошей женой».

Марина достала из сумки блокнот. То, что интересовало Мазина, было записано на листке, спрятанном под обложку. Очевидно, ей не хотелось, чтобы этот кадастр попался мужу. Почерк у Марины оказался мелкий, но четкий. И сокращения были понятны. Сверху стояло: «Все о М. М.». Она не привыкла звать мужа мысленно по имени. Дальше шли цифры и короткие слова:

«Род. 21.8.22 в Кулешовке».

«Пост. в шк. — 29 г.».

«Оконч. ср. шк. — 39 г.».

«Пост. пединститут — 39 г.».

«40 г. — призван в РККА».

Так и было написано — РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия, как называли в те годы. Марина добросовестно скопировала записи.

«41, июль — ранен на фронте».

«41, июль — сент. — госп. Воронеж».

«41, окт. — 42, март — воен. учил. Ашхабад».

«42, май — ранен на фронте».

«42, май — август госп. Арзамас. Признан негодн. Демобилиз.».

«44 — пост. Моск. худ. уч.».

Дальнейшие записи говорили почти исключительно об успехах:

«Перв. выст.», «Награж.», «Присв. зв.» и т. п.

Личных было мало:

«46, сент. 14 — женился на К. Ф. (д. рожд. Вал. — 14.10.41)».

«67, 8 апр. — ум. К. Ф.».

Военные даты Мазин просмотрел еще раз.

Калугин, видимо, начал войну с первых дней на границе и уже через месяц, а может быть, и раньше (числа в записи не было) был ранен, лежал в госпитале в Воронеже, что довольно далеко от Кавказа, а затем был откомандирован в Среднюю Азию, в военное училище. Потом снова фронт, и снова ранение, тоже не на Кавказе, потому что к этому времени немцы сюда еще не добрались. Лечился в Поволжье. Демобилизовался. Учиться продолжал в Москве. Правда, в срок первом Калугин мог ехать в Среднюю Азию через Баку и Красноводск. Но что из того? Железная дорога проходит по равнине далеко от Дагестана.

Игорь Николаевич положил листок на столик и почувствовал, что дышать стало труднее. Заложило нос. «Неужели ко всем прочим сюрпризам прибавится насморк? — подумал он с огорчением. — Совсем не вовремя, хотя и не удивительно в такой сырости». Он достал платок и уловил непривычный запах. На белой ткани выделялись пятна краски. Платок был выпачкан так, будто краску вытирали, она размазалась по чистому полотну. Но главное — это был не его платок.

— Это платок Михаила Михайловича, — узнала Марина.

Мазину стало неудобно.

— Вы уверены? Не пойму, откуда он у меня.

— Я привезла две дюжины таких платков. Он признавал только белые, но относился к ним варварски. Если не попадалось под руку ничего подходящего, вытирал краски.

— Тогда понятно. Наверно, я сунул платок в карман, когда находился в мастерской.

— Скорее всего. Платки всегда валялись на тахте или кресле.

Возвращать платок показалось нетактичным, неуместным. Мазин спрятал его в карман, почувствовав на ощупь, что ткань грязновата, в чем-то маслянистом, не только в засохшей краске.

— О чем вы хотите еще спросить?

Оставался трудный вопрос: он собирался спросить о Валерии.

— Где сейчас Валерий?

Марина плотнее поджала под себя ноги.

— Наверно, прячется в хижине возле пруда. — И добавила, имея в виду Калугина: — Мы оба его бросили. Один Алексей Фомич остался с ним. А мы... такие свиньи. Стыдно. Люди разных поколений не понимают друг друга. Я это давно чувствовала, но думала, что мы, молодые, лучше... Нет. Мы трусливее. Бежим куда-то, в хижину на озере или в самих себя, а Кушнарев остался. Я и перед ним виновата, он казался мне лишним у нас, вообще в жизни лишним. Смешно, я думала, что жить стоит, пока ты что-то значишь. А что я значу? — Ей, видимо, становилось легче от этого самобичевания, и она преувеличивала и наговаривала. — Алексей Фомич не подходил к нашей обстановке. Не вязался. Неряшливый, суетливый. Неприятно было видеть на ковре его починенную обувь. И наверно, я ревновала. Он имел какие-то права на Михаила Михайловича, или нет...

Мазин прислушался.

— Права?

— Моральные, конечно. Старая дружба. Он приходил, когда хотел, много ел. Ел жадно, неаккуратно, вымазывал тарелки хлебом. Как будто голод.

— Вы из обеспеченной семьи?

— Да. Мы всегда жили хорошо. Я ж единственная. Недавно одна журналистка писала, что единственные дети неполноценные, воспитаны ненормально. В основ-

ном погибает, потому что теперь почти все единственные, а не могут же все быть неполноценные? Но что-то тут есть. Посмотрели б вы на мою мамочку. Уж она-то не позволила бы мне вымазывать тарелку. Сразу лучший кусочек!

— Кто ваши родители?

— Мама — очень хорошая портниха, а папа — строитель. Я сбежала от их опеки, торопилась жить самостоятельно.

— И вам не нравились неаккуратные люди в вашем доме?

Марина не заметила сарказма. Хотя говорила она охотно, внешне откровенно, но говорила прежде всего сама с собой, отвечала на собственное, о чем раньше не думала и что открылось неожиданно. Не думала... Но чувствовала, может быть подсознательно, потому что если бы не чувствовала, не смогла бы говорить так, как говорила.

— Знаете, что я поняла ночью, когда не спала? Что, когда все в порядке, а у меня было даже лучше, чем «все в порядке», жизнь воспринимаешь неправильно. Действуют вещи незначительные, создается мир пустяков, которые принимаешь всерьез. И не замечаешь главного.

— Что вы считаете главным? — спросил Мазин, с интересом улавливая в Марине нечто новое, прорывающееся сквозь наивный цинизм и бездумный эгоистический фатализм.

— Вы видели, я выписала даты, чтобы покупать цветы в день рождения, а близким человеком не стала, не сумела. И это неправда, что я не любила. Но я о другом... Верьте или нет, его убили не случайно. Он что-то предполагал, что-то беспокоило его, но ему и в голову не пришло поделиться со мной. Я была далеко. Я фантазирую, да?

— Зачем вы сказали Валерию, что отец погиб сразу?

Ответ напрашивался: сказала потому, что Валерий — сын, пусть не родной, но он имел право знать правду. Ложь же была рассчитана на преступника, которым не может быть Валерий. Так следовало ответить, и так Марина и ответила, но ответ дался ей с трудом. И трудно было понять, утверждение это или встречный вопрос.

— Но он, он же не мог убить.

— Верно. С точки зрения здравого смысла, нормального, неиспорченного человека. Однако и нормальный человек в самом здравом уме способен оказаться во власти неожиданных, неоправданных сомнений, утратить чувство реальности...

— Что вы хотите сказать?

Она приподнялась на тахте, зябко прижав к плечам мягкий шарф.

— ...особенно когда речь идет о человеке близком, которого не хочется подвергать опасности.

— Вы это обо мне... и Валерии?

— Не только. Скорее вообще. — Мазин сказал все, что собирался. Больше говорить пока не следовало. — Вы упомянули, что Кушнарев был близок Михаилу Михайловичу...

— Да, да. — Марина обрадовалась повороту разговора. Видимо, боялась даже продумать, проанализировать слова Мазина, оценить степень их определенности. — Но я не понимала этого. Он казался старым неудачником, навязчивым, неподходящим... Меня раздражало его право на постоянное внимание Михаила Михайловича.

— Опять это слово — право.

— Оно неудачное. Но странно. Казалось бы, Кушнарев должен был чувствовать себя обязанным. Михаил Михайлович так много ему помогал!..

— А было наоборот? Калугина тяготила эта дружба?

— Нет. Однажды я не выдержала, сказала: «Михаил, все-таки Алексей Фомич неприятный человек». Он посмотрел на меня так... Когда он становился суровым, резким, я чувствовала себя беспомощной. Он бывал обычно мягким, приветливым, но иногда в нем прорывалось непреклонное, категоричное. Возражать было нельзя. И в этот раз он крикнул: «Не смей так говорить!» Я растерялась. А ему стало неудобно, он попытался разъяснить: «Ты молодая. Ты не жила в то время, когда нам пришлось жить, а это было не самое легкое время. Люди испытывались по-настоящему: горе было горе, а жизнь — жизнь. Кусок хлеба был жизнью, а не ужин в «Арагви». Это понимать нужно. И жизнь может ударить неожиданно. Алексея ударило под корень».

— Он стал жертвой несправедливости?

— Да, Михаил Михайлович рассказал мне. Он считался очень талантливым, самородком. Его все любили, прочили блестящее будущее. Он хотел возводить дворцы, вроде Дворца Советов, что на месте бассейна планировали. Тогда особенно любили молодых и талантливых, выдвигали, гордились, писали в газетах. Мировой проект советского архитектора! Да что я вам рассказываю, вы лучше знаете. И вдруг рухнуло. Он любил женщину, очень любил... и ее нашли убитой. Все улики пали на него. Он был последним, с кем ее видели в тот вечер. Он ревновал ее, был вспыльчивым... Его арестовали, обвинили. Он отсидел почти весь срок. В самом конце, уже во время войны, в Москве поймали бандитов, которые грабили квартиры эвакуированных. Выяснилось, что и та женщина — их жертва, а Кушнарев не виноват.

Игорь Николаевич до боли сжал кулак. Судебная ошибка... Такие трагедии по-прежнему случаются; наверно, в полном соответствии с теорией вероятностей. Как авиационные катастрофы, преждевременная смерть, необъяснимая вражда между близкими людьми, врываю-ются и они в жизнь, подобно эпидемии в средневековые города, внезапно и беспощадно, и мы до сих пор не можем предотвратить их. Но нельзя смириться с этой проклятой неизбежностью, сколько б ни подкрепляла ее бездушная статистика. И, как всегда в подобных случаях, Мазин испытал острое чувство личной вины, собственной ответственности.

— Алексея Фомича освободили, но он был разбит. Он так верил в жизнь! Потрясла и ужасная гибель женщины, которую он любил. Сначала он уехал к себе на родину, жил там затворником, приходил в себя, потом появился в Москве, однако создать ничего стоящего не смог. Пришло другое время, другие требования. Он устарел со своими дворцами. Начал пить... Михаил Михайлович старался поддержать его. Это я теперь поняла, а тогда...

— Как они подружились?

— Они знали друг друга давно. Но Валерий помнит, что появился Алексей Фомич неожиданно. Много лет Михаил не слышал о нем. Потом Кушнарев прочитал в газете о выставке... Нет, кажется, это произошло иначе. Не помню точно. Да это неважно.

«Неважно?» Для Марины. Но Мазину, который при-

вык мыслить профессионально, кое-что в ее рассказе показалось странным.

— Выходит, они возобновили знакомство лет десять или пятнадцать назад?

— Не раньше. Иначе Валерий бы не запомнил.

«Что же говорил Кушнарев? «Просто, когда он (Калугин) был еще неизвестен, мне понравились его рисунки, и я сказал об этом». И слова сыграли важную роль! Кушнарев поддержал Калугина в момент, когда тот нуждался в поддержке, очень нуждался, если память о такой поддержке сохранилась на всю жизнь, не стерлась в годы успеха. Но выбитый из жизни, измученный, забытый Кушнарев не мог сыграть такую роль в судьбе Калугина десять или пятнадцать лет назад, когда тот уже завоевал известность и твердо стоял на ногах. Значит, речь шла о более раннем периоде? Да, архитектор упомянул «давно прошедшее время». Какое же? Арестован он был до войны...»

— Когда арестовали Кушнарева?

— Он любит повторять: «Я жил на свете двадцать шесть лет». А родился он в девятьсот девятом.

«Девять плюс двадцать шесть получается тридцать пять. Если Марина не путает, архитектор попал в тюрьму в тридцать пятом году и, находясь там, наверняка не мог сыграть никакой заметной роли в судьбе Калугина. А до тридцать пятого? До тридцать пятого Михаилу Калугину было... он был мальчишкой, школьником. Вот так арифметика! Кушнарев соврал? Зачем? Своего рода самовнушение? Самообман испытывшего крах надежд человека? Но как увязать эту легенду с сомнениями в искренности Калугина?

Когда я предположил, что Калугин боялся, Кушнарев согласился, даже буркнул: «глубоко копнул». Или это была ирония? Если записи верны, у художника не было никаких оснований опасаться Кушнарера. Абсолютно никаких. Прекрасная биография, простая, чистая, — школа, армия, фронт, учеба, творческий путь — всё по восходящей. И семейная жизнь не вызывает сомнений: очевидная преданность первой жене, забота о ее сыне, потом этот брак, пусть с разницей в возрасте, но по-человечески понятный. Ни единого нарушения ни уголовного, ни морального кодекса. И хотя у него не было к этому никаких видимых оснований, Калугин чего-то боялся. Однако если я пра-

вильно понял, Калугину следовало относиться к Кушнареву дружески и уважительно. Мысль о том, что отношения их не просты, а чем-то осложнены, отравляла ему жизнь, беспокоила Кушнарева. Иначе он не высказал бы ее так опрометчиво при посторонних, да еще в такой день. Почему же Калугин не должен был бояться? Потому ли, что Кушнарев был ему предан, или потому, что сама причина опасений была незначительной, преувеличивалась? Впрочем, я опять ушел далеко...»

— Простите, Марина Викторовна. Я утомил вас расспросами.

Мазин встал. Но он видел, что ей хочется еще что-то сказать — возможно, спросить. Он посмотрел выжидательно.

Марина решила:

— Игорь Николаевич, я не совсем поняла вас, когда вы говорили о Валерии. Вы говорили неопределенно, но связывали наши имена.

— Вас это обеспокоило?

— Да. Я уверена, уверена, что Валерий... Даже говорить страшно. Он не мог. Он не такой. И у нас ничего-ничего не было. Хотя он сумасброд, несерьезный.

— Что значит сумасброд?

— Ну, глумил иногда. Мог стать поперек гропы верхом и сказать ерунду: «Требую выкуп. Не поцелуешь — не пушу».

— Эти... глупости не находили отклика?

— Что вы! Никогда. Он просто шутил, я думаю.

— А Михаил Михайлович знал о таких шутках?

— Нет. Ему было бы неприятно.

«Да, такие шутки радости не приносят. Она это понимала. Однако Калугин мог знать. Знал же Демьяныч».

— Спасибо, что поделились, Марина Викторовна. Не беспокойтесь, придавать этому значения я не собираюсь.

«Это всего лишь одна из рабочих гипотез», — добавил он про себя.

Позднее Мазин удивлялся своеобразному двойному течению времени в эти три дня. События развивались стремительно, с промежутками в считанные часы: смерть Калугина, вторичное покушение на него, выстрел на озере — все это заняло меньше суток и, каза-

лось, требовало лихорадочного ответного ритма, энергичной деятельности. Между тем сам Мазин воспринимал происходящее как бы растянутым на гораздо более широком промежутке времени; он не мог избавиться от ощущения, что находится в Дагезане давным-давно, а не приехал сюда вчера, погостить у Сосновского. Ощущение это смущало, вызывало сомнение в правильности собственных действий.

«Я похож на самодовольного неторопливого чиновника, которого даже пуля под мышкой не может расшевелить, нарушить консервативную привычку поспешать медленно. А ситуация иная. Нужны немедленные решения. Мне показалась наивной прямолинейная уловка Бориса объявить Калугина живым, а убийца на нее клюнул и попался бы намертво, если б я не промедлил. И продолжаю медлять, предпринимаю продолжительные исторические экскурсии, а требуется прежде всего определить, от кого исходит опасность, и принять меры, чтобы никто больше не пострадал».

С этой мыслью Мазин вошел в гостиную, где усвоивший азы дисциплины Коля Филипенко терпеливо дожидался его за столом.

— Как вахта?

— Валерий приходил.

— Наконец-то! Блуждающий форвард. К себе пошел?

— Нет. Сначала у Алексея Фомича был, потом вас спрашивал. Я сказал. Он походил по комнате, походил, наверх поднялся, туда. — Мальчик показал пальцем на мансарду. — Спустился быстро, опять про вас спросил. Узнал, что вы не выходили, выпил стакан вина и ушел.

— Не знаешь куда?

— Не... Вы же сказали, сидеть.

«Интересно, зачем я понадобился Валерию?»

— Ладно. Гуляй пока.

Игорь Николаевич подтолкнул Колю к дверям и вышел вслед за ним. Пушистые хлопья спускались с неба, украшали неторопливо ближние елки. Мазин невольно поискал игрушки на ветках — так по-новогоднему выглядел этот еще раз сменивший декорации Дагезан. Из взлетевшего над дорогой снежного роя появился всадник. В своей неуместной соломенной шляпе с отсыревшими опустившимися полями Демьяныч по-

ходил на Санчо Пансу, покинувшего сумасбродного хозяина.

— Мое почтение, Игорь Николаевич! — Пасечник наклонился в седле. — Новенького-то что?

Говорить о ранении не хотелось.

— Все по-старому. Ничего не известно.

— Ничего, значит? И то слава богу. — Пасечник тронул осла каблуками. — Может, на чаек зайдете? Я согрею.

— Спасибо. Захаживайте вы.

— Правильно, доктор, — услышал Мазин сзади.

Он еще провожал взглядом пасечника, трусившего на ишаке по присыпанной снегом дороге. Голос принадлежал Валерию. Невозможно было спутать его прощескую и вызывающую интонацию.

— Чем я вызвал ваше одобрение? — спросил он, медленно оборачиваясь.

— Осторожностью. Побоялись, что он вам яду в чай подсыплет? А? Краснодарский чай, экстра, с ядом. Звучит?

— Интересно... Зачем?

— Черт его знает!

— Не знаете? А почему подумали?

— Чтобы существовать: мыслю — значит существую. Вот и хочется просуществовать подольше. Есть у нас еще дома дела.

Мазин пристально посмотрел на художника.

— Что вас натолкнуло именно на это мрачное предположение?

Валерий ответил раздраженно, но не по существу:

— А что вы устались на меня? То вам обернуться лень, то рассматриваете, как в телескоп.

— Вы красивый парень, Валерий. Фигура у вас хорошая, физкультурная. И лицо выразительное: подбородок мужественный, нос приятный.

— Премного благодарен!

— Не спешите, я не кончил. Удивительно постоянно созерцать на вашем мужественном лице какое-то капризное, я бы сказал, по-бабски обиженное выражение. И эта ваша страсть к стишкам...

— Кончайте, доктор. Тоже мне психоаналитик! Люблю я стишки. Хотите послушать? «Первая пуля ранила коня». — Валерий сделал паузу. — А вторая выбила стекло в известной вам хибаре.

Мазин почти точно описал внешность молодого художника, открытое лицо которого портила застывшая обиженная гримаса, да еще выглядело оно неряшливо — спутанные волосы, проросшая щетина, налет чего-то темного, нездорового, отчего лицо казалось невымытым.

— Вы искали меня, чтобы сообщить об этом?

— Нет. Чтобы спросить, кто будет вставлять стекло.

— Милиция установит.

— Пока милиция доберется, вам еще пару дырок просверлят.

— За что?

— Вам виднее.

Как хотелось Мазину, чтобы ему и в самом деле было «виднее», но видел он пока меньше, чем Валерий, и потому приходилось продолжать этот напряженный, прощупывающий разговор с нервным, ошетинившимся художником. Но тот внезапно, подчиняясь какой-то внутренней, непонятной Мазину логике, убрал колючки.

— Послушайте, док! Я вас так на американский манер называть буду, чтобы покороче. Что мы сцепились, как собака с кошкой? Двух дней не знакомы, а обязательно слово за слово. Где ваш друг, прокурор?

— Он...

— ...не прокурор. Знаю. Плевать! Вы ведь тоже не доктор?

— А кто же?

— Меня это не касается. Хотите проходить за доктора, пожалуйста! Только не беритесь лечить младенцев. Мамаши вам этого не простят. И не придирайтесь ко мне на каждом шагу. Пойдемте лучше к прокурору и обсудим кое-что. Для вашей пользы.

И Валерий смахнул с носа таявшие снежинки.

Сосновский задумчиво мерил комнату шагами. Он посмотрел на вошедших, как бы соображая, что это за люди.

— Те же и Калугин-младший, — отрекомендовался Валерий.

— Никого больше не подстрелили?

— Кажется, никого, но Валерий не исключает возможности отравления. Он не доверяет Демьянычу.

— Вот как! — отозвался Борис Михайлович деловито. Заметно было, что его уже ничем не удивишь. — Факты есть? Основания? Почему заподозрил старика?

Валерий сморщился.

— Я видел его с карабином Филипенко минут через пять после выстрела на тропе за хижинкой.

Это произвело впечатление.

— Расскажи!

— Встретились случайно. Мне не хотелось идти домой. Спросите, почему? Долго объяснять. Но было нужно. Бросить Марину одну — свинство, хотя и ее видеть не хотелось. Но это не относится. Короче, решил идти дорогой, что подлиннее. Вдруг — выстрел, отчетливый, винтовочный. Думаю — Матвей...

— Вы знали, что у Филипенко есть карабин? — уточнил Мазин.

— А кто не знал? Не сбивайте меня. Думаю — Матвей, но вспомнил, что егерь-то в район собрался. Кто ж палит? Матвей — мужик сердитый, не дай бог его оружие в руки взять. Посмотрели б вы, как у него глаза кровью наливаются! Ну, я пошел на выстрел. Идти пришлось недолго.

— С осторожностью или напрямик?

— Выслеживать не собирался.

— И что же?

— Наткнулся на старика. Усаживается на осла, в руке карабин.

— Что он сказал? — нетерпеливо спросил Сосновский.

— Ничего он мне не сказал, потому что я ничего не спрашивал.

В словах Валерия промелькнула неуверенность, сомнение в том, что его правильно поймут.

— Тебя не удивило, что стреляет Демьяныч, да еще из чужого карабина? — Сосновский повернулся к Мазину. — Старик проповедует: «не убий» живую тварь, а тут с карабином!

— Слишком удивило. Пока соображал, он на ишака взгромоздился и отчалил.

— Не заметив вас?

— Я, док, стоял за деревом.

— Куда он дел карабин?

— Увез.

— Открыто?

— Разве его спрячешь? Не иголка. В карман не поместится.

— Резонно. А дальше?

— Пошел домой, тут и узнал, что стреляли-то в вас. Снова удивился.

— Кто вам сказал?

Валерий усмехнулся непонятно:

— Кушнарев сообщил.

— Интересно, с какой целью?

— Не ведаю. Глубокомысленно плел, с подходами и намеками.

— На что намекал?

— Сволочь!

— А если без эмоций?

— Пожалуйста! Меня подозревает.

— Не горячитесь, Валерий! В такой запутанной ситуации можно заподозрить кого угодно. Кушнарев — вас. Вы — пасечника.

— Я видел его с карабином. Больше я ничего не сказал. А кого подозреваю, дело мое.

— Напрасно ты не подошел к нему. Возможно, он объяснил бы свое поведение, — сказал Борис Михайлович.

— Хотел бы послушать.

— Возможен и такой вариант, — предположил Мазин. — Стрелял не Демьяныч, а... ну Икс, скажем. Выстрелил и бросил винтовку на тропе. Пасечник проезжал и увидел ее.

— Свежо предание, но верится с трудом...

— Значит, вы допускаете, что Демьяныч мог стрелять. Не утверждаете, но допускаете. Почему? Известно, что пасечник не берет в руки оружия, что он стар и, вероятно, не такой уж отчаянный человек — наконец, у него нет видимых оснований желать моей смерти. Это говорит в пользу Демьяныча, не так ли? И все-таки вы допускаете противоположное. Повторяю: почему? Есть ли у вас какие-то еще, не известные нам с Борисом Михайловичем основания? Или вас запугала путаница с ножом и подозрения Кушнарева, вы нервничаете и ищете алиби?

Валерий покусал верхнюю губу.

— А вы не из простаков, доктор. Может быть, это вы прокурор? Что-то вы в нашей беседе на допрос сбиваетесь. Не нравятся мне это. Я сам к вам пришел.

— Важно понять, зачем вы пришли и с чем, с какой целью.

— С чем, я выложил. А вот зачем, ответить труд-

но. Предположим, вы мне симпатичны, и я не хочу, чтобы вас подстрелили.

— Спасибо. Уверен, что в вашей иронии есть доля серьезного. Но не все вы сказали. Что-то еще у вас на душе осталось.

— Душа, док, — загадка. Особенно славянская. Оставим ее. И пасечника тоже. Нет у меня улики против него. Но он мне не нравится. Финиш.

— Откуда финиш, Валерий? Четверть дистанции.

— Я сошел с дорожки.

— А нам что делать?

— Бегайте. Можете забежать к старику и поинтересоваться его похождениями.

— Вы и утром его подозревали? Во время нашего разговора в хижине? — спросил Мазин.

Художник вспыхнул:

— Я вам отвечал! Помните, что я отвечал? Никаких предположений! Я к вам не с догадками пришел, а с фактом. Не устраивает он вас — разрешите откланяться.

Он круто повернулся на каблуках, оставив на полу комок грязи, прилипшей к подошве, и вышел из домика.

— Нервный юноша, — проговорил Игорь Николаевич, раздумывая. — Старика он подозревает. И не подошел к нему в лесу, потому что выслеживал, хоть и не нравится ему это слово. А зачем было следить, если он не знал, что стреляли по человеку в хижине? Не знал? Мог и не знать. Такие ребята легко заводятся. Но материал он нам подбросил. Куда только его употребить? И как систематизировать? Может быть, в самом деле спросить у Демьяныча? Он приглашал меня на чашку чаю.

— Постой. А что плел Валерий об отравлении?

— Это от избытка воображения. Сначала предостерег, потом говорит: зайди! Непоследовательно. Однако зайти придется. Не понимаю, зачем было старику тащить с собой карабин?..

Пасечник увидел Мазина в окно и гостеприимно распахнул дверь.

— Решились, Игорь Николаевич?

— Соблазнился чаем.

— Чаек готов. Он у меня всегда готов. Присаживайтесь.

— Как сапоги, Демьяныч?

— Великоваты сапожки оказались. Портянку подворачивать приходится. Не будет ли неловко, если я их егерю уступлю? Нога у него побольше...

Старик возился неторопливо, и ничего в его поведении не подтверждало подозрений Валерия, разве что желание угодить, да и в том не заметно было угодничества, скорее чувствовалось хорошее доброжелательство.

— Выходит, не продвинулось расследование, Игорь Николаевич?

— Расследование? Это вы, Демьяныч, неточно сказали. Расследовать милиция будет, а мы с Борисом Михайловичем помочь хотели по возможности, да похвастаться пока нечем.

— Может, оно и к лучшему, Игорь Николаевич. Дело замысловатое, запутаться легко. А коль результата нет — значит, на худой конец, и путаницы нет, ошибки нету.

Мазин улыбнулся.

— Кто ничего не делает, тот, по крайней мере, не ошибается?

— Попроще беру. Себя виною, наговорил вам лишнего.

— Лишнего?

— Именно. Про Валерия. Выдумка моя, несерьезно.

— Почему так строго, Демьяныч?

— Если уж бесхитростно сказать, от обиды вышло, Игорь Николаевич. Плохой советчик обида.

— Чем он вас обидел?

Пасечник подул на горячий чай.

— Да ничем вроде и не обижал. Скорее видимость одна. Человек так устроен: составит мнение и поверил, горе одно!

«Они почти одинаково признаются во взаимной антипатии!»

— Как сказал Цицерон: горе порождается не природой, но нашими мнениями?

— Очень верно, Игорь Николаевич. Запомнить такие слова хочется. Мнение — важный предмет. И у меня своя гордость есть. Хоть я не заслуженный художник и ничем не знаменитый, а человек простой, трудящийся

ся, но люблю, чтобы меня люди уважали. Тщеславие такое. Здесь я с людьми поладил, никто не жалуется, а вот Валерий, чувствую, против меня настроен. Зла не делает, но в шутках, насмешках проявляется. То сектантом обзовет, то единоличником. А какой же я единоличник, если за колхозной пасекой смотрю? Зачем такие политические упреки делать? Недобрый он, Игорь Николаевич. Отцу завидовал, а это нехорошо. И насчет супруги его вел себя недостойно. Врать я вам не врал. Что видел, то было. А говорить не следовало. Перепуталось все, а я вроде бы мшу, счета свожу. Потому повторно вас прошу: сплетню мою до следствия не доводите.

«Хитрит старик, — подумал Мазин. — Вроде бы сожалеет, а сам не любит Валерия крепко».

— Напрасно беспокоитесь, Демьяныч.

— Успокоили, Игорь Николаевич, успокоили. А то я заметил, изменились вы с утра.

«Ему не откажешь в наблюдательности!»

— В самом деле?

— Сдержаннее стали, посуровели.

«Старик настойчив, и за этим не одно любопытство. Однако о карабине ни слова. Впрочем, если он не знает, что в меня стреляли, зачем ему говорить об этом?»

— С утра кое-что произошло, Демьяныч. В меня стреляли.

Мазин сделал паузу, а пасечник осторожно поставил на стол блюдце с недопитым чаем и вытер бескровные губы.

— В вас? Не ожидал. Слава богу, промахнулись. Как же это произошло?

— Я стоял у окна в домике на озере... — начал Мазин, а окончив, спросил: — Как вам моя история показалась?

Ответ последовал фаталистический:

— Да раз возникло, Игорь Николаевич, смертоубийство, так что поделаешь? Кто такое начал, того не остановишь, пока он цели своей не добьется или, наоборот, шею не сломает.

— Цель-то в чем?

Пасечник глянул, как показалось Мазину, снисходительно.

— Не знаю, Игорь Николаевич. А вы?

И он принялся наливать себе чай. Не в чашку,

а прямо в блюдце, очень крепкий чай из заварного чайника. Густого ароматного настоя.

— Есть у меня, Демьяныч, зацепка для поиска. Пуля. Нужно выяснить, у кого здесь карабин имеется.

Пасечник поднес блюдце к губам и причмокнул, раскусывая во рту кусочек сахара.

— Труда это не составит, Игорь Николаевич. Секреты здешние на виду. От своих не скроешь. Тесновато.

— И вы знаете?

— Знаю, да и без меня вам его фамилия известна.

— Догадываюсь, — согласился Мазин.

— Но не Матвей в вас стрелял. Потому что не такой он парень, чтобы карабин в лесу бросить.

— Бросить?

— Именно. Привелось мне той тропкой ехать утречком. Гляжу, стоит винтовка, к дереву прислоненная. Бесхозная.

«Прислоненная к дереву! Любопытная аккуратность».

— Что же вы с ней сделали?

— Как что? Отвез Матвею.

Мазину стало досадно. Подтвердилась простая и бесплодная версия. Похожая на мираж, проплывший заманчиво по горизонту. Филипенко не стрелял, Валерий не стрелял, Демьяныч тоже. Остаются Олег и Кушнарев. Впрочем, почему он списал первую тройку? Матвей мог пожертвовать карабином, чтобы отвести от себя тяжкое обвинение, Валерий мог подсунуть оружие на пути пасечника и наблюдать из кустов, как тот среагирует. Да и сам Демьяныч... Хотя его психологическое алиби выглядит наиболее убедительно.

— Откуда ж мне было знать, что из этого ружья на вас покушались? Вот и доставил хозяину. Еще чайку позвольте?

Мазин подвинул пустой стакан.

— Налейте. Вы здесь, значит, обитатель не постоянный?

— Временный. Пчелок подкормиться вывез.

— Калугина давно знали?

— Что вы! — покачал головой пасечник, снисходя к простодушию собеседника. — Откуда мне такого человека знать? В Тригорске по случаю пришлось познакомиться. Медок у меня Михал Михалыч брал. Он там

в санатории лечился. Понравился ему мед, беседовать стали. Он и посоветовал пчел сюда на лето вывозить. Место тут подходящее. И народ любопытный.

— А вы любитель понаблюдать за людьми?

— Есть грех, Игорь Николаевич.

Пасечник часто и охотно называл Мазина по имени и отчеству, твердо и отчетливо выговаривая оба слова.

— Поделитесь, Демьяныч.

— Да о покойнике мы с вами уже рассказывали, и о Валерии с Мариной Викторовной. — Два последних имени прозвучали вместе, случайно или преднамеренно объединенные. — А других вы сами знаете: друг ваш Борис Михайлович, Филипенко — лихой человек.

— Лихой?

— Вот именно. Не уважаю я людей, которым живую тварь жизни лишить ничего не стоит. Да еще бахвалится. По-настоящему, зачем эта охота? Государство обеспечивает, в магазине продукты продаются, зачем же живодерствовать? Тем более заказник, природа Советской властью охраняется. А он, вишь, пушку какую завел и стреляет.

— Однако карабин вы ему вернули.

— Это, Игорь Николаевич, вопрос другой. Людей не переделаешь. Осудить я Матвея могу, а переделать не в силах. Если уж природа подогнала характер, с тем и помрешь. Горячий егерь, обидчивый, непростительный, а уж такой есть. Отбери у него карабин, другой заведет, а стрелять не перестанет.

— И по людям может?

— Охота все ж и человекоубийство — вещи разные.

— Несомненно. А что про Олега скажете?

— С неделю всего как в поселке объявился. Замкнутый парень. Гордец. С чего бы это, Игорь Николаевич, молодежь такая пошла? Вроде мы, старые люди, обидели их чем. Предками называют, за первобытных людей считают, вроде обезьян, от которых они, человеки, произошли. А вся цена этим человекам — что машинками разными обзавелись: один мотоцикл гоняет, другой магнитофон крутит. Да так к этому бараклу прикипают, что ни мать, ни отец на дороге не становись. А уж чужого враз стопчут.

— И Олег вам таким показался?

— Не скажу. В себе парень. Что-то ищет, рыщет...

— Он искал самолет, который обнаружил Филипенко.

Демьяныч почесал худой, покрытый короткими, выцветшими волосками затылок.

— Зачем ему самолет?

— Он журналист, хочет написать о погибших летчиках.

— Вот оно что... Ну, вроде я вам обо всех рассказал.

— Про Кушнарева не говорили.

— Что про него скажешь? Ближайший друг считался...

«Считался... казался... вроде бы...» А на самом деле? Кто есть кто в действительности?

Об этом думал Мазин, возвращаясь от пасечника. Снегопад почти прекратился. Белый покров скрадывал наступающие сумки, но светло было только внизу, над головой, и по ближайшим склонам по-прежнему висели тяжелые, неповоротливые тучи.

Сосновский хозяйничал. В печи теснилось энергичное пламя. Стало тепло и уютно. Пахло жареным мясом.

— Перцовочки, старик, отведаешь? Перцовка собственного изготовления. Хороша, бесовка! Чем порадовал Демьяныч?

— Ларчик просто открывался. Он нашел карабин и отвез егерю.

— Ты поверил?

— Сам не знаю. Налей-ка горькой!

— Забавно, Игорь, получается. Знаменитый сыщик в тупике! Ты мне Печорина напоминаешь. Из «Тамани». Помнишь, как его контрабандисты околпачили?

— И прикончить хотели.

— Вот это не смешно. Значит, ничего из старика не вытянул?

— Определенного нет. Пожалуй, несколько изменилось мое отношение к нему.

— В какую сторону?

— Если говорить упрощенно, оно ухудшилось. Старик не такой доброжелательный, каким хочет казаться.

— Выпустил коготки? На кого?

— Он никого не подозревает, даже вступался, когда речь заходила, и все-таки не удержался, о каждом

сказал такое, что может при случае наслоиться на тот или иной факт, создать неприятное впечатление.

— Это подозрительно?

— Вряд ли. У него не было необходимости покушаться на Калугина вторично, убивать тоже вроде не-зачем. История с карабином правдоподобна.

— Кого же подозревать?

— Пока я всех считаю невинными.

— Обидно, что мы ничего не выяснили до приезда милиции. Даже то, что убил Калугина тот же тип, что стрелял в тебя, по существу, не доказано.

— Меня другое тревожит. Боюсь очередного кровопролития и не знаю, как его предотвратить. Как Архимеду, не хватает рычага. Если б знать, почему хотели убить меня?

— Ты опасен.

— Чем? Кручусь по поселку? Этого ж мало для убийства. Убивать меня имеет смысл в одном случае: если я напал на след, если получил преимущество в поединке, если противник попал в безвыходное положение. Только в этой ситуации любой риск оправдан. Но я не вижу в своей позиции никаких, даже элементарных, преимуществ.

— Значит, видит он.

— Находится в приятном заблуждении?

— Не очень-то приятном. А что касается заблуждения... Не проглядели ли мы чего? Не выплеснули в ажитации с водой и ребенка? Что-то не заметили, не оценили! А он думает, что оценили.

Мазин заходил по комнате.

— Утверждать, конечно, невозможно, но это мысль. Нужно заново пересмотреть каждый шаг, каждую мелочь.

— Тигр! Орел! Стол не опрокинь.

— Тесно у тебя, Борька.

— Я ж не рассчитывал на взлет твоей неукротимой энергии. Думал, отдыхать человек едет. Будет рыбку ловить, на коврике полеживать с журналом «Огонек», кроссворды решать.

— Не подначивай! Я по воздуху пройду, подышу, подумаю на морозце.

— Смотри не простудись. По-моему, ты уже сопишь.

— Есть немного. Нужно платок взять, кстати. А то я калугинский затащил из мастерской.

Игорь Николаевич показал выпачканный в краске платок.

— Он не из мастерской. Ты взял его в избушке на озере, когда я перевязал твоим платком рану, — вспомнил Сосновский.

— В самом деле? Не обратил внимания. Да, он валялся на койке, где лежал Валерий. Старую, Борис. Нервы сдают, память отказывает.

— Не прибедайся!

Мазин вышел из домика. Снега больше не было.

4. ЛУНА

Было еще светло и очень тихо. Река при-
молкла, истощив нерасчетливо растрачен-
ные силы. Хотелось идти долго, отрешившись от бес-
покойных мыслей, но на пути вырос Валерий.

— Видели пчеловода?

— Казалось, он поджидал Мазина.

— Демьяныч подтвердил мое предположение.

— Выкрутился?

— Не суди ближнего... И возьмите свой платок.

Художник посмотрел на платок.

— Не такая уж ценность. Но если вы щепетиль-
ны... Из хижны утащили?

— Случайно.

— Не сомневаюсь. Куда направляетесь?

— Алексея Фомича хочу повидать.

Валерий приподнял одну бровь.

— Дотошный вы...

Архитектор брлся у окна. В комнате пахло
«Шипром».

— Не помешаю?

— Представьте, нет. Присаживайтесь. Я ждал вас...

Он вытер полотенцем и осмотрел в зеркальце выбри-
тую щеку. Выглядел Кушнарев не пьяным и не утом-

ленным. Что-то изменилось в нем за прошедший
час.

— Хотел спросить, уважаемый...

За окном громоздкая туча с трудом продиралась по
ущелью, цепляясь за скалы. В одном месте они вспоро-
ли продолговатую брешь, и в ней засветились розовые
закатные лучи. В комнате стало виднее. Здесь царил
строгий и неприхотливый, почти солдатский порядок.
Кровать была покрыта одноцветным шерстяным одея-
лом, закрывавшим и подушку, ни на столе, ни на стуле
не валялось ничего постороннего, и только несколько
высокогорных, незнакомых Мазину цветов в глиня-
ном кувшинчике нарушали это упорядоченное однооб-
разие.

— ...Вы сыщик-любитель или профессионал?

— Полномочий предъявлять не могу.

— Бумажки меня не волнуют. Меня интересует,
подготовлены ли вы к роли, которую на себя взяли.
Или играете в детектива, пользуясь советами милейше-
го Бориса Михайловича?

— Можете на меня положиться.

— Доверие предполагает взаимность. Если же я
включен в проскрипции, взаимопонимание исключено.

— Для окончательных выводов у меня до сих пор
нет данных. Поэтому жду любых неожиданностей.

— От меня сенсаций не ждите. Хотя обязан при-
знать, что не ошиблись вы. Я в самом деле был неспра-
ведлив к покойному Мише, подозревал в его отношении
к себе нечто нехорошее. Но этот вопрос не практиче-
ский. Это мое, личное.

— Я знаю, Алексей Фомич, что вы особенно доро-
жите справедливостью. Мне стало известно...

— Моя грустная история? Это не тайна. Это в про-
шлом. Не поправишь. Я говорил. Не хочу множить зла.
У ваших коллег все сошлось. Против меня были факты,
а факты, как тогда говорили, — вещь упрямая. В чем
я могу упрекнуть своих судей? В том, что у них не хва-
тало... это трудно сформулировать... не хватило сил
приподняться над очевидностью? Они выполняли долг,
как они его понимали, даже добра желали, справедли-
вости. Ох уж эти добрые намерения! Ими вымощена
не одна дорога в ад. Потому что каждый идет туда сво-
им путем. Я не выдержал, упал духом. Но Миша по-
нимал мою трагедию. Он любил меня. Не боялся,

а любил. Может быть, жалел... Я не имел права чернить его в ваших глазах. Он погиб. Это наказание.

Кушнарев нервно провел лезвием бритвы по широкому ремню, зацепленному пряжкой за гвоздь в стене.

— Кто наказан? Кем?

— Не ловите меня! Михаил наказал себя сам.

— Сам? Он же убит.

— Что из того! Наказать себя можно и чужими руками. Но я не желаю, не желаю об этом! Я боюсь слов, удобных, незаменимых формул, в ужасный смысл которых мы не вдумываемся и не способны их осмыслить, потому что если б осмыслили, то лишились рассудка. Например, эти крошечные газетные заметки о приговорах и слова, слова — «приговор приведен в исполнение». — Кушнарев глянул на Мазина, заметил, что тот хочет возразить, и замахал рукой с бритвой. — Только не говорите про выродка, который ходил по Москве с туристским топориком и убивал детей! Да, он заслужил! Но не себя ли мы убиваем, когда казним человека? Может быть, потому и убийцы существуют, что убивать-то вообще можно? Только бы причина была! Вина! Вы думали об этом?

— Необходима ли смертная казнь? Боюсь, мы не решим этот вопрос. Я думаю о том, кто убил Калугина.

В ответе красного заката глаза старика блеснули диковато.

— Послушайте, вы добиваетесь, чтобы я помог вам убить взамен Миханла другого человека, да?

Мазин отодвинулся. «Неужели его так взвинтили мои слова о допущенной несправедливости?»

— Я разъяснял, чего я добиваюсь. Я не хочу, чтобы этот другой человек прикончил сегодня ночью еще одного, третьего человека.

— Вас? Да? Вас? Чем вы ему помешали? Он боится? Значит, он тоже спасает себя! Разве вы не понимаете, что он защищается? Если б вы не угрожали его жизни, он не стал бы стрелять в вас!

— Алексей Фомич! — сказал Мазин устало. — Я вызываю в вас идиосинкразию. Простите. Вашу справедливость я готов признать в идеале, но живем-то мы в мире реальном, и смотреть на него свысока, добру и злу внимая равнодушно, извините, не могу.

— А что оно дает, беспокойство ваше? Улучшает человечество на микрон? Ничтожный микрон?

— Пусть на полмикрона, на четверть. Ведь и до Луны-то расстояние по сравнению с Галактикой ничтожно, но стремимся же! А крупица справедливости ничтожной быть не может! Сами знаете! И не верю я в вашу философию. Может, обижу я вас, но скажу: в отношении своем к убийце Калугина вы не из теории исходите!

— Как понять прикажете? — вскочил архитектор.

— Поясню. Только бритву спрячьте. Не люблю режущих предметов. Вам хотелось бы, чтоб убийца понес кару, но существует причина, которая пугает вас, заставляет опасаться разоблачения убийцы или обстоятельств преступления. Помилуйте нетактичного прагматика, но люди в своих поступках не столько от теории идут, сколько теорию под поступки подгоняют.

— Я не лицемер.

— Верю. Бритву-то спрячьте, прошу! Думаете вы, как поступить лучше, правильнее, но устойчивости в решениях не находите, вот и выдумываете, мечетесь, себя убедить хотите — не меня!

Кушнарев опустил на койку и сложил бритву.

— Неотвязный вы человек! Что еще вымыслили?

— Вымыслил? Две вещи могут вас страшить. Или истина повредит вам самому, или она повредит... Ну, да вы понимаете кому.

— Как ему может стать хуже?

— А уж это вам виднее.

Кушнарев выдвинул ящичек из стола и начал укладывать бритвенный прибор. Потом сказал ровно, невыразительно:

— Клянусь вам честью, молодой человек, совестью своей, а я не подлец... Неизвестно мне, почему убили Михаила Калугина.

— Так я и знал, — вздохнул Мазин. — Так и знал! Все ваши сомнения отсюда. Ведь как бы ни теоретизировали, а изверга, зверя защищать бы не стали. Того, что с топориком по квартирам ходил. Его б спасти не стали! А тут вас червь гложет, не уверены вы, неизвестно вам: а не было ли на самом Калугине вины? Вы не за самосуд, разумеется, но вы пострадали, знаете много, видели, даже бессилие правосудия вам знакомо, и потому, именно потому не хотите вмешиваться. Терзают вас сомнения, и к легкому решению стремитесь, переложить его на судьбу хотите. А попросту — устра-

ниться, руки умыть. Не от равнодушия, не из эгоизма, пусть от страха ошибиться, зла не причинить напрасного, но ведь что в лоб, что по лбу.

Мазин замолчал, потом добавил негромко:

— Поступайте, как знаете. Философствуйте в одиночку.

В приоткрытую форточку тянуло морозом и проливал приглушенный рокот успокаивающейся реки, бежавшей почти рядом, под окном. Чувствовалось, что наверху, где вода собиралась в мутный и быстрый поток, стихия уже побеждена. Скоро Филипенко переправится, вызовет милицию, делу будет дан законный ход, а он, Мазин, превратится в рядового свидетеля, даст показания, и отпуск его возобновится.

«И все-таки кто же этот Калугин, что заставляет тебя заниматься его судьбой? Профессиональная инерция? Чувство самолюбия? Стремление к собственной безопасности? Нет! Тут не выделишь единственную причину. Ты поступаешь так, как обязан поступить, а долг в конечном счете категория не менее сложная, чем любые другие моральные побуждения, он также соткан из множества переплетенных ниточек, и их не разберешь, не разорвешь, не разорвав всю ткань».

— Алексей Фомич, если вы сказали все...

— Нет. Но я в затруднении. Сознаюсь, может проясниться неблагоприятное для Михаила. Никто ошибок в жизни не избегал, однако за некоторые платить приходится так дорого, что упрекать больше нельзя, бесспорно копать в белье.

Мазин видел, что, как только Кушнарев приближался к черте, за которой начиналось то главное, что он знал о Калугине, что могло пролить свет на обстоятельства его гибели, шелкал выключатель, и архитектор лишь беспомощно разводил руками во мраке.

Прорваться к нему, как понимал Игорь Николаевич, можно было единственным путем — догадаться, сообразить самому, что тяготит архитектора. Мазин заметил, что старик не способен хитрить и быстро капитулирует, когда становится известной хотя бы часть того, что ему хочется удержать в секрете. Кушнарев ни за что не соглашается сказать первое слово, но он болтлив и готов назвать Б и В, хотя А и не произнесено. Осмыслить и использовать эту вторичную информацию — вот в чем задача!

«Он говорил об услуге, о поддержке, о помощи, оказанной Калугину. Но Кушнарев сидел в тюрьме, когда эта помощь могла оказаться необходимой. Неувязка? Противоречие... Соврал? Зачем? И как можно соврать? Вот оно! Соврать невозможно. Во всяком случае, самому Калугину. А тот признавал, подтверждал, что помощь была. Пусть лишь слова. Именно слова. Да как я этого раньше не сообразил!»

Открытие было настолько простым, что Мазин с трудом сдержался. Сдержался по двум причинам. Бросить эту сильную карту стоило только в единственный, подходящий момент. Потому что карта была все-таки не самой старшей, не козырным тузом. И еще потому, что Кушнарев перепугался, приблизившись к опасной грани, и сделал неожиданную попытку отчаянным маневром отвлечь Мазина, пожертвовать частью, чтобы сберечь основное.

— А любители в скважину замочную заглядывать есть. И подсмотрели даже.

Трудно дались ему эти слова, эта жертва, в полезности которой Кушнарев наглядно сомневался.

— Кто?

— Нужно ли?

— Необходимо.

— Олег.

— Не ожидал, — сказал Мазин искренне. — Олег здесь единственный случайный человек. Я считал, что он интересуется самолетом.

— Одно не исключает другого.

— Вы хотите сказать, что прошлое, ошибка Калугина и самолет связаны?

Кушнарев уверенно покачал головой.

— Абсолютно нет. Здесь другое, неясное. Вы полагали, что Олег появился в здешних краях сам по себе и остановился в доме Калугина случайно. Это не так. Они знали друг друга.

Архитектор смотрел на Мазина не с торжеством человека, сообщившего неизвестный собеседнику факт-сюрприз, а с грустью.

— Что из того?

— Само по себе не предосудительно, разумеется. Непонятно, почему и Миша и Олег скрывали свое знакомство. Я прекрасно помню, как Олег появился в доме. Михаил его представил: «Вот юноша, в наши дебри

забрался, журналист. Познакомились только что. Прошу любить и жаловать».

— Почему же вы думаете, что Калугин его знал?

— О! Это просто и несомненно.

Кушнарев полез в карманчик вязаного шерстяного жилета и извлек свернутый дважды телеграфный бланк с наклеенными полосками отпечатанных на бумажной ленте букв.

«Дагезан. Калугину.

Вашего разрешения выезжаю условие помню Олег», — прочитал Мазин.

— В куртке Михаила Михайловича находилась. Марина Викторовна попросила меня вынуть все из карманов...

На сгибах помятого бланка виднелись табачные крошки.

«Что это? Ключ или еще один мираж? Калугин и Олег не распространялись о своем знакомстве, но в крошечном поселке телеграмма могла стать известной многим. Калугин ее даже не выбросил».

— О каком условии помнит Олег?

— Понятия не имею.

— И больше вам ничего не запомнилось, не показалось странным в их общении, отношениях?

— Нет. Дня за три до трагедии я, правда, услышал мимоходом брошенные фразы, которым значения не придавал, потому что ничего привлекающего внимание в них не нашел. Уж после телеграммы вспомнил. Мы с Демьянычем о пчелах беседовали в гостиной, а Миша с Олегом вошли, и Миша спросил: «По-прежнему безрезультатно?» Тот отвечал: «За осыпью — крутой склон. Поищу в другом месте». Тогда Михаил говорит: «Нет, нет. Там ищи!» Тут он меня увидел и отошел.

— Не хотел, чтобы слышали разговор? Прервался?

— Кто знает... Мерещится.

— Выходит, Калугин советовал Олегу искать самолет там, где он и обнаружился?

«А знать о самолете не мог! Что из того? Олег давно слышал о самолете, искал его. Где-то, при вполне объяснимых обстоятельствах, он познакомился с Калугиным, рассказал о своем поиске, и тот пригласил парня в Дагезан. И разговор логичен. Олег не сумел пробиться к озеру, которое хотел осмотреть, а Калугин сове-

тует не отступать, не оставлять «белых пятен». Разумно. Но какие условия могли обсуждаться между ними? Условия, без которых Олег не мог приехать в Дагезан? Он принял условия и приехал, приехал, почему-то никому не сказав о знакомстве с хозяином. Не в этом ли заключалось условие? А куда гнет Кушнарев? Зачем он рассказал об Олеге? Почему думает, что тот «подсмотрел в скважину?»»

Вопросов набегало слишком много, и Мазин почти с облегчением оборотился на отвлекающий скрип отворившейся двери. Там, словно подслушав его мысли, появился Олег. Видно было, что день он провел под открытым небом, штормовка намокла и топорщилась, схваченная морозцем, к джинсам прицепились репы и комья глины.

— У вас гость, Алексей Фомич? Добрый вечер, доктор. Все еще подозреваете меня или откопали, кто воспользовался ножом?

Спросил он почти небрежно, но подчеркнутая небрежность говорила больше о выдержке, чем о легкомыслии.

— Вы собирались выяснить это сами.

— Ошибаетесь. Это вы рекомендовали мне встряхнуть мозги до прибытия милиции. Но у меня не нашлось времени.

В комнате потемнело, выделялся только квадрат окна, да и то не ярко. Мазин не видел лиц собеседников. Он вспомнил, что электричество так и не подключили, и рассчитывать приходится в лучшем случае на керосиновую лампу, а то и на огарок свечи. А хотелось видеть Олега, его лицо, на котором просматривались одни очки да полукруг короткой бородки.

— Жаль. Человек-то убит. Впрочем, вас больше интересует сбитый самолет.

— Представьте.

— А если смерть Калугина связана с находкой самолета?

Олег еще больше отодвинулся от окна. Ему потребовалось время, чтобы взвесить и оценить мысль Мазина.

— Парадоксы ищите? То с ножом, теперь с самолетом?

— Тут факты разного порядка. Связь между ножом и вами очевидна, хотя им мог воспользоваться и другой человек, связь же между находкой самолета и

убийством в самом деле производит впечатление парадокса, но только на первый взгляд.

— Что вы знаете?

— Знаю, что вы приехали сюда не случайно.

— Вам не дает покоя батумский ресторан?

— Вспомнили меня?

— Это вы меня вспомнили. Но раз уж у вас такая хорошая память, вы должны помнить и другое: я говорил открыто, гибель этого самолета меня давно интересует.

— Почему?

Он мог бы возмутиться, надерзить, но ответил обстоятельно:

— Я работаю в авиационной газете, приходилось встречаться с ветеранами, они вспоминали этот случай. Самолет пропал без вести в сорок первом году. Пронзла авария. Он выполнял важное задание, и погибшие заслужили, чтобы родные узнали, где они погибли. Достаточно?

— Почему никто не искал самолет до вас?

Олег снял очки и протер стекла носовым платком. С каждым вопросом он становился суше и спокойнее. Трудно было понять, насколько правдивы его ответы, но он не увиливал от них.

— Искали. Безрезультатно. Видимо, мешала лавина.

— А вам повезло?

— Не мне, а Филипенко. Машину нашел Матвей.

— Нашел там, где искали вы.

— Нашел там, где она находилась.

— И все-таки вам повезло. Даже неоднократно. Калугин оказался жителем поселка, рядом с которым разбился самолет, предложил вам гостеприимство...

В спокойствии Олега пробились первая трещина.

— Ну и что?

— Ничего особенного. Удачно, что вам не пришлось жить в палатке. Сыро, холодно. Радикулит подхватить можно.

— У меня отличное здоровье.

— А тренаж неважный. Озеро не одолели.

— И это известно?

— Тесно живем, — повторил Мазин слова Демьяныча. — Однако удачи не кончились. К озеру поднялся Филипенко. Не по совету ли Калугина?

Олег достал из кармана штормовки спички и сига-

реты. Первая спичка сломалась. Вторая тоже не зажглась. Наверное, коробка отсырела. Мазин вынул зажигалку и протянул журналисту.

Ответ после паузы прозвучал с вызовом:

— Возможно. Калугин любил советовать.

— А у вас не сложилось впечатление, что советы его на редкость безошибочны?

— Если и сложилось, какое отношение имеет это к смерти Михаила Михайловича?

«Резонно. Нельзя же думать, что парень сошел с ума и убил Калугина, чтобы не делить с ним славу первооткрывателя! Да и что за открытие? Случайно разбившийся самолет, летевший в тыл... Однако сложилось!»

— Когда погиб самолет, Олег?

— Двенадцатого октября.

«Знает даже день. Нет, не могла обыкновенная, непримечательная история так заинтересовать их обоих. Калугина тоже. Но чем? И что произошло в тот день? Калугин ехал из госпиталя в Ашхабад. Ехал поездом. Из окна вагона за сто километров не увидишь. Но услышать, узнать что-то в пути можно. Только обязательно значительное, чтобы запомнить на два с лишним десятка лет!»

— Калугин знал эту дату?

— Я сказал ему.

— Давно?

— Порядочно.

— Странно. Вы же тут неделю всего живете. Или вам случалось встречаться с Калугиным раньше?

— Нет.

«Вот и попался», — подвел итог Мазин без особого торжества, потому что победа далась легко.

— Алексей Фомич, зажгите лампу, пожалуйста.

Кушнарев сидел, опустив голову на руки, и Мазину пришлось повторить свою просьбу, прежде чем он встретился и заспешил, не попадая стеклом в выгнутый ободок.

— Покажите бумагу, которую вы нашли, Алексей Фомич.

— Не нужно, Игорь Николаевич, не стоит.

— Лучше разрешить недоумение сразу, чем держать камень за пазухой. Это ваша телеграмма?

Олег поднес бланк к лампе, посмотрел, поправил очки.

— Как она к вам попала?

— Объясните, что здесь написано. И почему вы не сказали, что давно знакомы с Калугиным.

Игорь Николаевич выдвинул фитиль. Стало светлее. Олег положил бумагу на стол. Он не делал никаких попыток оспорить право Мазина задавать вопросы, но держался по-прежнему ровно, не роняя себя.

— Не понимаю, почему он ее не выбросил. Это была его затея. Калугин не хотел, чтобы в поселке знали о нашем знакомстве.

— Как вы познакомились?

— Он приезжал в наш город, писал летчиков. Мы разговорились, оказалось, что у него здесь дача. Я рассказал, что меня интересует самолет. Последняя телеграмма с борта была из близкой точки. Он предложил остановиться на даче.

— А условие?

— Я не придал ему значения. Калугин просил, если я найду самолет, не упоминать его фамилию в газете. Я счел это за обычную скромность.

— Откуда он знал, что самолет лежит у озера?

— Он никогда не говорил, что знает, но упорно советовал искать в верховьях Красной речки.

— Упорно?

— Упорно. Когда я не одолел, как вы выразились, подъем, он послал Матвея. Обидно. Подняться было можно. Я ходил туда сегодня с Галиной.

— Когда вы вышли?

— Рано. — Олег откашлялся. — Может быть, достаточно, доктор? Я стремился, как мог, удовлетворить ваше любопытство.

— Спасибо.

— Всего доброго.

«Самоуверенный парень. Не битый. Современный. У Демьяныча верный глаз».

— Игорь Николаевич! — услышал Мазин. Впервые архитектор назвал его по имени и отчеству, и в этом обращении Мазин уловил доверие и еще другое — раскаяние. — Все я напутал, насловоблудил, сам не пойму зачем. Ведь зарекался не болтать... А наплел про скважину, бред всевозможный. К счастью, прояснилось, рассеялось.

— Что прояснилось, Алексей Фомич?

— Да галлюцинации мои. Что Олег странно вел се-

бя, и вроде Миша скрывал, зависел от него. Вот уж ахинея!

— Не уверен. На мой взгляд, ничего этот парень не прояснил, наоборот, замутил. Что знал Калугин о самолете? И почему журналист к нему прикипел? В такую погоду жизнью рисковал. Зачем? Самолет нашли. Никуда он не денется. Зачем к черту на рога в такой спешке взбираться?

— Характер, Игорь Николаевич. Спортивный, упрямый.

— Ладно, Алексей Фомич. Понимаю вас. Поймите и вы меня. — Мазин решил бросить свою карту. — Факты мне требуются и ваша помощь. Расскажите, как Калугин попал в тюрьму. Я не ошибся? Ведь вы встретились с ним не на свободе?

Кушнарев сник. Ему стало больно.

— Как это я... как мог проговориться...

— Вы не проговорились. Я сопоставил ваши слова о помощи Калугину с датами его жизни. Не вините себя. Он совершил серьезное преступление?

— Серьезное? Он напился водки. — Кушнарев вдруг заторопился, спеша поскорее избавиться от всего, что таил, что давило на него. — Он выпил. Первый раз в жизни выпил. И друзья, нет, не друзья, подонки, враги злейшие, решили сломать замок на киоске или ларьке, а его попросили постоять, посмотреть, предупредить, свистнуть. Вы знаете, как это делается. Он свистнул или не успел... Все попали в милицию. Признали предварительный сговор группы лиц... Беда заключалась в том, что мальчик органически не мог переносить неволи... Художник! Хотя он не был еще художником, а ребенком, мальчишкой, шестнадцать лет! Он не мог покориться этой страшной нелепости. И совершил еще две непростительные глупости. Сначала он... Поймите только правильно!

— ...попытался бежать?

— Да! Откуда вам...

— Нетрудно сообразить. Его поймали и увеличили срок.

— Именно. Тогда Миша попытался покончить с собой.

— Вы спасли его?

— Помог. Спасла война. Он попросился на фронт... И прожил еще больше четверти века.

«Это шаг вперед. Но как сосчитать шаги? Сколько их?»

— Я встретился с ним в Москве, на выставке. Тогда я боялся встреч со знакомыми. Они напоминали мне о прошлом, а прошлого больше не было. Жизнь разделилась на до и после... Мостика я не искал. Я боялся отверстий в стене. Там виднелись юношеские сны, сказки, а я проснулся, я не досмотрел сладких снов и не хотел их больше видеть... Простите. Мы говорим о Мише, а не обо мне. Я забыл, увлекся. Однажды я зашел на художественную выставку. Все-таки я был не чужд изобразительному искусству. Фамилия художника мне ничего не говорила...

— Фамилия вам ничего не сказала?

— Миша сменил ее. Ему тоже не хотелось встречать старых знакомых. Но я узнал один пейзаж — тусклый день на севере, почти незаметные краски. Он не бросался в глаза, посетители не задерживались, но я видел эту тундру в другой рамке... Мне захотелось посмотреть на автора.

Понимаете, не в том дело, что я его за рукав стеганки схватил, когда он в смерть хотел кинуться. Не за то он мне обрадовался. Это странно, так в жизни только бывает. Мне в свое время, еще до ареста, в школе случилось побывать, где Миша учился, увидеть его рисунки. Они запомнились. И потом «там» я сказал ему, что думал, и о рисунках, и главное — как человек жить должен, дорожить собой, если его коснулось настоящее, искра таланта. Короче — сказал то, что тысячу раз повторял себе и во что сам не смог поверить, потому что дара-то подлинного не было и многого другого не хватило, не коснулось. А его коснулось! И он поверил — и выжил. Как художник выжил, понимаете? За это он и ценил меня. А за рукав и охранник схватить мог: «Стой, мол, парень! Не положено тебе жизнью своей распоряжаться!» И мне от этого легче жить стало. Ведь не зря просуществовал, не без пользы все-таки...

Мазин видел, что старика остановить трудно, да и жестоко прерывать, но необходимо было осмыслить новые факты, найти связь между ними.

— Алексей Фомич, по-вашему, Калугин скрывал прошлое исключительно по соображениям моральным, личным, не практическим?

— Практическим?

— Он поступал учиться, проходил различные официальные рубежи, заполнял анкеты, писал автобиографию... Утаивал ли он и там...

Кушнарев сидел у самой стены. Круг неяркого света, ограниченного абажуром, не достигал его.

— Именно! Добрались, докопались! Ну, почему вы не способны мыслить за пределами уголовного кодекса? Почему не верите, что человек сам себя и осудить и оправдать может?

— Так поступил Калугин?

— Не спрашивал! Не интересовался, потому что видел, справедливо он поступил. Нет больше мальчишки, что дрожит на углу, пока дружки замок сворачивают. Того судить нужно было за то, что не думал, голову на плечах имея, не ведал, что творит. Дурак был, не человек, не личность. А Михаил Калугин формальностям не подсуден. Долги выплатил, имя заслужил чистое. Человек, художник. Совесть ему судья. И мелочные подробности роли тут не играют.

— Играют, — возразил Мазин. — Получается, что Калугин фамилию сменил незаконно и прошлое скрывал сознательно, а не просто не любил о нем распространяться.

— Кровью, пролитой на фронте, он заслужил... талантом своим...

— Алексей Фомич, не понимаете вы меня! Формальностям друг ваш действительно уже не подсуден. И не о том я хлопочу, чтобы память его очернить. Поступки его меня с другой стороны интересуют. Как они самому ему навредили! И не подписал ли он себе смертный приговор сам, когда впервые чужой фамилией подписался?

Кушнарев приблизился к лампе.

— Вот вы как повернули!

— Ощупью продвигаюсь, ориентиры в тумане. А тут еще самолет... Не могу его от смерти Калугина отделить. И соединить не могу. В самой смерти логики не вижу. Предположим, нашелся подлец, задумал нажиться на прошлом Калугина. Но тогда художник шантажиста убить должен, а не наоборот! Получается, не Михаил Михайлович боялся, а сам он кому-то мешал. Вот главная неувязка! И вам приходила эта мысль в голову, пока вы решали тяжкий вопрос, сказать мне, что знаете о Калугине, или нет. В том и тяжесть — жертва ли Калугин? Убит злодейски или была тому причина? Коле-

бались вы, даже в неискренности к себе его заподозрили...

— Во мне колебаний больше нет.

— Но были! И шли они от поступка, который теперь оправдали, а меня убеждаете (а не себя ли?), что имел Калугин право присвоить чужие документы! Чьи? Все документы кому-то принадлежат. Где же их владелец? Калугин-два? Вернее, Калугин-первый?

— Понятия не имею. И плохого думать не желаю.

— Мне тоже не хочется. Больше ничего вам не запомнилось?

— Есть еще зацепка, но ничтожнейшая. Собирался Михаил в тот день беседовать с Валерием.

— О чем?

— Если б знать! Заглянул я к нему, а он мне: «Погоди, Алексей, с сыном потолковать нужно». — «Уму-разуму поучить?» — «Да нет, — отвечает, — хуже». Но пояснять не стал. А выпрашивать, сами понимаете, как я мог?

«Разговор этот был нарушен Сосновским. Но и сам Сосновский пришел говорить. Не поговорил. А потом стало поздно».

— Зацепка не ничтожная, Алексей Фомич, а характерная. С двумя людьми собирался говорить Калугин. С очень близким и вовсе не близким, но сведущим в законах. Он собирался посоветоваться с Борисом Михайловичем. И с сыном. Знаменательное сочетание. Предположим, Калугин решил довериться обоим. Такое можно объяснить только так: ему грозило большее, чем разоблачение прошлого. Он знал об угрозе! Но что успел Калугин сказать Валерию?

«Он мог назвать имя предполагаемого убийцы, человека, который заинтересован в тайне Калугина больше, чем он сам. Но если верна эта версия, таким человеком должен быть кто-то немолодой, современник тех, давних лет. Таких двое — Кушнарев и Демьяныч. Однако Кушнареву я верю, Демьяныч же с Калугиным раньше знаком не был, да и зачем ему было покушаться на человека, который, как он знал, заведомо мертв? Но если Валерию что-то известно, как объяснить его поведение? Почему молчит? Ждет милицию? Или ничего не знает? А что, если замешан вовсе не пожилой человек? Мало ли тут возможных связей, взаимодействий, последствий?»

— Пойдемте к Валерию, Алексей Фомич!

И тут Кушнарев негромко рассмеялся.

— Иначе я вас представлял, Игорь Николаевич. Логическим, рациональным, не поддающимся увлечениям.

— Разочаровались? Ах, вспомнил: вы за высшую истину — через сто лет. Спешку не одобряете.

— Не обижайтесь: молоды вы еще. Но умны. Пойдите к Валерию, попытайтесь. Верю я в вашу справедливость. А мне идти к нему не хочется. Зачем я там? Уличать, если откажется? Вы и без меня с ним справитесь. Даже лучше без меня, потому что беда эта всех ожесточила, подозрительными сделала. Валерий тоже озлился. Я это чувствую. Сказать я уж все до предела сказал. Не нужен больше. И больно мне будет, если что худшее откроется. Михаил, Игорь Николаевич, дорог мне. На ногах я ему помог удержаться и заслугу свою в этом вижу. Так не отбирайте ее у меня.

— Хорошо, Алексей Фомич. Схожу сам.

Он запомнил комнату Валерия, хотя и не был в ней, и без труда сориентировался в темном коридоре. Нашупав ручку, Мазин подергал ее сверху вниз. Из комнаты не ответили. Тогда он повернул ручку до предела. Дверь оказалась запертой. Валерий или не желал откликнуться, или отсутствовал. Кушнарев стоял на пороге, поглядывал в его сторону.

— Не достучались?

— Нет. Возможно, он в хижине.

— Пойдете?

— Придется.

— Я с вами.

Мазин удивленно посмотрел, как архитектор натягивает на голову берет.

В комнате Игорю Николаевичу казалось, что на дворе еще светло, на самом деле ночь давно наступила. Самозванный снегопад кончился, ветер угнал последние, ненужные тучи, и луна, скрывавшаяся в горах, появилась над ущельем, огромная, тяжелая, круглая, провисшая, как переспевший апельсин, готовый сорваться с пригнувшейся к земле ветки. Она-то и освещала все вокруг.

— Сколько ненужной красоты, — сказал Кушнарев, оглядываясь.

Весь горизонт над черной, зубчатой стеной гор светился неодолимым лунным пламенем. Зато напротив скалы, которые отражали поток этого удивительного,

живописного света, припорошенные застывшим на несколько ночных часов хрупким и неглубоким летним снегом, подсекали белизной совсем другое небо. Не пуская туда свет, они возвращали его, обрушивали целиком в долину. В этой стороне небо было ровнее и глубже. В высоте его, стесняясь своего ничтожества в присутствии такого гигантского, напоенного энергией светильника — луны, мерцали небольшие ледышки-звездочки. Невозможно было поверить, что это многоцветное импрессионистское чудо возникло на том же месте, где несколько часов назад не было ничего, кроме вымокшего насквозь серого тумана.

По голубому скрипучему снегу шагало легко и быстро. Мазин первым заметил, что дверь хижинки открыта. «Жарко ему, что ли? Перетопил, наверно». Но дыма над трубой не было.

— Валерий! — позвал Игорь Николаевич.

Никто не отозвался. Кушнарев смотрел в сторону. Мазин шагнул через порог.

В комнате было пусто. Печь погасла, видимо, недавно. Ощутимо слышался запах дыма, хотя заслонка в трубе была выдвинута до предела. На койке, как и днем, царил хаос — подушка смята, одеяло перекошено. Зато разбитое пулей стекло успели заменить прибитой к раме фанеркой. Мазин перевел взгляд на стол и увидел бутылку с водкой. Рядом стояли два пластмассовых стаканчика, но никакой закуски. Пить не начинали. Тускло мерцала керосиновая лампа.

— Очередная загадка! — развел он руками. — Где же Валерий?

— Следовало бы зайти к Марине Викторовне.

— Пожалуй. А почему он не потушил лампу?

— Рассеянность, волнение, влияние алкоголя.

— Предположим, хотя бутылка полная. Любопытно, с кем он собирался ее опустошить?

Мазин передвинул по столу стаканчики.

— Вы видели такую примитивную посуду у Калугиных?

— Не приходилось.

— Типичный ширпотреб. Мечта любителя раздавить бутылочку на тропе. Может быть, Валерий пригласил гостя и побегал на угол за колбасой. Вас не шокирует мой юмор, Алексей Фомич? Мы слишком долго беседовали всерьез.

— С вашего позволения я выйду на воздух. Здесь угарно.

Собственно, Мазину в хижине оставаться тоже было незачем. Не ждать же гостя. Лучше поискать хозяина. У печки стояло ведро со щепками для растопки. Поверх щепок валялась еще одна бутылка, на этот раз пустая. Днем ее не было. Игорь Николаевич взял бутылку за горлышко и поднес к носу. Несмотря на насморк, ошибиться было трудно. Пили недавно. Но Мазин не успел оценить новую находку.

— Игорь Николаевич! — послышался голос Кушнарева. — Здесь...

— Иду, Алексей Фомич.

После накаленных переговоров оба стремились быть подчеркнуто вежливыми.

— Обратите внимание!

Кушнарев вытянул руку в сторону реки. От хижинки по узкому лугу до самого берега виднелись следы.

— Вот так открытие! — воскликнул Мазин.

— Интересно? — спросил Кушнарев, сомневаясь.

В следах не было ничего криминального, ни капель крови рядом, ни примет того, что владелец рифленых подошв тащил какой-то подозрительный предмет. Поразило Мазина направление следов. Они вели не к тропе, и не мимо пруда в сторону дороги, а прямо туда, где луг обрывался над речкой крутым откосом. Игорь Николаевич двинулся рядом, стараясь не затоптать след. Он был далек от скоропалительных предположений, но тревога уже появилась, шевельнулась, засосала в груди. У обрыва он остановился. Следы прерывались, будто человек пошел дальше, полетел по воздуху. Но он не мог полететь, он мог только упасть.

Игорь Николаевич наклонился над обрывом. Внизу катилась вода, пенилась, натыкаясь на изогнутый берег, поворачивала и убегала через лес, вниз по ущелью. Она не бурлила, да и было ее гораздо меньше, чем днем, но сейчас, ночью, темный поток пугал, отталкивал. Мазин осмотрел берег метр за метром. И не увидел ничего, кроме воды и камней.

Кушнарев тоже пересек луг.

— Куда же он девался?

— Мысли приходят мрачные. Обратного следа нет.

— Сумасшедший парень!

И Сосновский считал Валерия способным на отчаян-

ное решение. Если они правы, нужно искать труп. Труп пораженного ужасом, сломленного, убившего себя преступника? Или очередной жертвы?

— Придется спуститься и поискать по течению.

Архитектор покачал головой.

— Не рано ли мы его похоронили, Игорь Николаевич? Человек молодой, полный сил. Задиристый, не меланхолик. Такие не склонны к самоубийству.

В словах Кушнарера слышалась разумная мысль. Вина Валерия не доказана, и самоубийство не больше чем гипотеза.

— Однако пройти по речке, не замочив ног, ему не удалось бы.

Мазин еще раз оглядел «пейзаж в лунном свете». Что-то изменилось во втором плане. Со стороны леса двигалась неожиданная фигура.

— О-го-го! Игорь!

— Борис Михайлович, — узнал Кушнарер Сосновского.

— Я ищу тебя по всему поселку, — сказал запыхавшийся Борис.

— А мы ищем Валерия.

— Зачем?

— Чтобы узнать, как он переправляется через горные реки.

Сосновский вытаращил глаза.

— Да он сейчас через собственную кровать не переправится. Набрался как бегемот.

— Валерий?

— Кто ж еще!

— Где он?

— Дома. В спальне.

— Ты уверен?

— Еще бы. Он обложил меня такой руганью...

— Убедительно, — заметил Кушнарер.

— Реальнее, чем мистика со следами, — согласился Мазин с облегчением.

— Какими следами?

— Видишь? Уперлись в обрыв. А мы — в следы. Что скажешь?

— На самом берегу снега нет. Он спустился и вернулся берегом.

— Просто, как колумбово яйцо. Хотя спускаться крутого, да и зачем?

— Спросишь у этого психа сам. Я с ним больше не имею никакого дела.

— Так обругал?

— Было...

— Через дверь обругал?

— Игорь, не поддавайся лунному гипнозу. Я видел его, даже пощупать мог, но чересчур несло сивухой. Парень так проспиртовался, что возле него курить опасно. Хоть табличку на трех языках вешай: «Ноу смокинг!»

— Почему он ушел из хижин? Он был здесь недавно.

— Я знаю. Он сказал.

— Что?

— Полностью процитировать не могу, но, исключив цензурные выражения, приблизительно так: убирайтесь, прокурор, я не в настроении и сильно пьян. И готов отстаивать свое одиночество вплоть до применения физической силы. В хижине мне... забыл точные слова... Смысл — не нравится. Поэтому он пришел домой, и из спальни его никто не вытащит.

— Ясно. Побеседовать с ним не удастся. Остаемся на точке замерзания. Зачем ты искал меня?

— Не понимаешь? Нырнул и исчез. Я беспокоился о тебе.

— Борис, я тронут. Предлагаю вернуться маршрутом Валерия. Пойдемте вдоль речки.

Мазин не хитрил, он не собирался осматривать берег. И он не знал, что увидят они всего в ста метрах от места, где оборвались следы, ему и в голову не приходило, кого они увидят.

На отмели под обрывом в напряженной позе изогнувшегося к старту бегуна лежал человек. Голова его находилась в реке, шапку снесло, и почти успокоившаяся вода скользила по редко поросшему черепу, а согнутая нога в новом резиновом сапоге ярко блестела в лунном свете. Другая нога, разутая, в носке домашней вязки, зацепилась за выступивший из песка камень.

Секунду или минуту все молчали.

— Демьяныч? — спросил Сосновский.

Мазин спустился по скользкому склону, придерживаясь за обнаженные, мокрые и холодные корни. Не промерзшая глина предательски уходила из-под ног, но он не упал. Он подошел к трупу и глянул в его лицо. На отмели лежал мертвый пасечник.

Следом скатился Борис и остановился, стряхивая комья грязи с колена.

— Я ошеломлен, Игорь... Кто его сюда?.. Как?..

Мазин не ответил. Все, что с трудом выкапывал он из хаотического нагромождения несопоставимых фактов, оказалось ненужным, ошибочным. Он испытывал чувство человека, сбитого с ног неотразимым ударом, хотя и стоял, и внешне спокойно рассматривал залитый холодным, издевательским светом труп, похожий на перевернутую скульптуру спортсмена, какие любили устанавливать в парках культуры двадцать-тридцать лет назад.

«Предположим, он пришел в хижину повидать Валерия. Не застал его... Пошел и бросился в реку? Глупо. Пойти и броситься в реку мог любой, кроме Демьяныча. И бросить в реку могли любого, кроме него! Так ты думал. И вот смотри, пожалуйста. Он лежит рядом. Мертвый!»

Игорь Николаевич вобрал глубоко воздух. Нужно было выходить из нокаута. Раз! Два!.. Пять... Семь... Пора вставать!

— Сними-ка с него сапог, Борис. Прежде всего нужно установить идентичность следов. Они исчезнут вместе со снегом, как только появится солнце. А труп никуда не денется. Вода падает, да и что мы поймем без экспертизы! Синяки могут быть и от ударов об камни, его несло по течению.

На бледном, застывшем в ледяной воде лице пасечника выделялись темные пятна. След удара был замечен и на затылке, но от чего наступила смерть — от ударов, или старик захлебнулся, или от того и другого вместе, или по третьей, неизвестной причине — гадать не стоило, требовалась экспертиза. Заняться нужно было тем, что вело к фактам.

Сосновский наклонился и потянул за каблук. Сапог легко скользнул по ноге. Он перевернул его и вылил воду. Стало понятно, почему другая нога оказалась разутой.

— Второй смыло. Сапоги номера на два больше.

— Вижу. Неудачный подарок. Старик это сразу заметил и не захотел примерять при тебе. Помнишь?

— Деликатный был мужик.

Они поднялись на луг. Появились легкие, прозрачные облака. Ветерок гнал их навстречу лунному диску, но

казалось, что сама луна заспешила, прорезая и расталкивая облака, чтобы укрыться за ближайшей горой.

Найдя особенно четкий след, Мазин приложил носок к передней его части и опустил сапог. Подошва совпала с углублением в снегу. Игорь Николаевич надавил, прижимая сапог к земле, потом поднял. След не деформировался. Все углубления совпали с выступами.

— Как в аптеке! — обрадовался Борис. — Это он шел от хижины к обрыву.

Кушнарев наблюдал за ними, скрестив руки на груди.

— А дальше?

— Дальше очутился в реке.

— Вот именно: очутился.

— Причины смерти будут установлены, пока же я склоняюсь к самоубийству. Он шел один.

— Демьяныч гораздо меньше, чем Валерий, походил на человека, склонного к самоуничтожению, — сказал Мазин, к которому постепенно возвращались здравый смысл и логика.

— Ты видишь...

— Вижу одно. Если тут произошло самоубийство, то оно напоминает любовную драму девятнадцатого века.

— Ну, скажешь!

— Посмотри сам. «Графиня с изменившимся лицом бежит к пруду». Вспомни рост Демьяныча и сравни со следами. Это же следы бегущего человека! Характернейший нажим на носки.

— Понимем причину.

— Смертельно пьян и ничего не соображал?

— В рот не брал, даже по праздникам.

— И бутылка в хижине полная. Пил, видимо, Валерий один. Второй вариант: сошел с ума. Внезапное помешательство.

— Теоретически не исключено. Отчего? Сознайся, у тебя мелькала мысль, что Демьяныч убийца?

— Мелькала, — признал Мазин коротко.

— Но ты ее отверг? Он не похож на убийцу.

— На графиню, буруеваемую страстями, еще меньше.

— Далась тебе графиня! Как могли его убить, если это не самоубийство? Кто-то позвал с берега, старик поспешил туда и получил камнем по голове.

— Масса возражений. Как убийца пробрался на бе-

рег, не оставив следов? Как он должен был вопить, чтобы его слышали в хижине! Откуда он знал, что старик там в одиночестве?

— Мы не подумали о несчастном случае.

— Вам пора подумать об отдыхе, — вмешался Кушнарев. — Не пренебрегайте вековой мудростью. Утренние мысли — лучшие мысли.

— Ночь же — время ошибок, — согласился Мазин.

— Что подтверждается статистикой преступлений, — присоединился Борис. — Коллектив всегда прав. Отбой до рассвета?

— Я, пожалуй, останусь здесь, — сказал Мазин.

— Здесь?!

— Передремлю в хижине. Подумаю.

— Запрись, по крайней мере!

Игорь Николаевич помахал рукой. Луна скрылась, потемнело, и два силуэта быстро затерялись на фоне леса и гор. Он остался один. Только этого он и хотел, потому что никаких конструктивных мыслей по-прежнему не было. Два человека боролись в Мазине. Один усталый, потерпевший поражение, мечтающий отдохнуть... Самолюбие другого не могло смириться с неудачей. А может быть, не самолюбие, а профессиональное чутье, которое подсказывало, что победа приходит нередко в самую трудную минуту, что вот-вот возникнет второе дыхание и сквозь мучительную бессмыслицу проступят контуры единственно возможной системы. Но где же эта критическая точка?

Нужно было прилечь, успокоиться, сосредоточиться, уснуть, на худой конец. Вместо этого он снова зашагал к реке.

Труп Демьяныча, невзрачного, худощавого старика, склонного к доморощенной философии, в промокших носках, порванных на пятках, лежал теперь в полуметре от воды. Река больше не могла, да и не пыталась дотянуться до пасечника, предоставив его полностью людям и закону. Мазин обратил внимание на сжатые в кулаки руки. Одну прикрывала пола расстегнувшейся куртки. Он приподнял ее и увидел кусочек белой ткани между скрюченных пальцев. Это был тот самый, выпачканный краской платок Михаила Калугина, который Мазин захватил в хижине и вернул вечером Валерию.

«Если бы я был суеверным, мне следовало бы выбросить эту тряпку немедленно. Не платок, а эстафе-

та смерти! Калугин вытирал им краски, я сунул в карман после выстрела, Демьяныч сжимал его в агонии. Остается Валерий... Что за чертовщина! Находка для Шекспира! Или для меня? Стоп, Игорь Николаевич! На сегодня достаточно».

На этот раз решение было принято неколебимое. Спать! Мазин приоткрыл дверь в хижину и поежился. Из комнаты улетучились последние остатки тепла. Он зажег лампу и присел над печкой. Разжечь ее не составляло труда. Щепки и дрова были заготовлены впрок.

«Разумеется, здесь еще могут обнаружиться интересные вещи. Если милиция со своей техникой поспеет завтра и осмотрит хижину при дневном свете, а не при мерцающей копилке, в которой догорают последние капли керосина, то...»

Никакой техники не потребовалось. И дневного света тоже. У самого поддувала между поленьями лежал портсигар, старый, без папирос, со сломанной пружиной. Когда Мазин взял его в руки, портсигар раскрылся. Он был недавно вычищен, но в углублениях осталась темная грязь, такая, что скапливается от долгого пребывания в сыром месте. На серебряной матовой поверхности Игорь Николаевич прочитал:

«Костя! Всегда жду!

Любимый город другу улыбнется,

Знакомый дом и нежный взгляд!

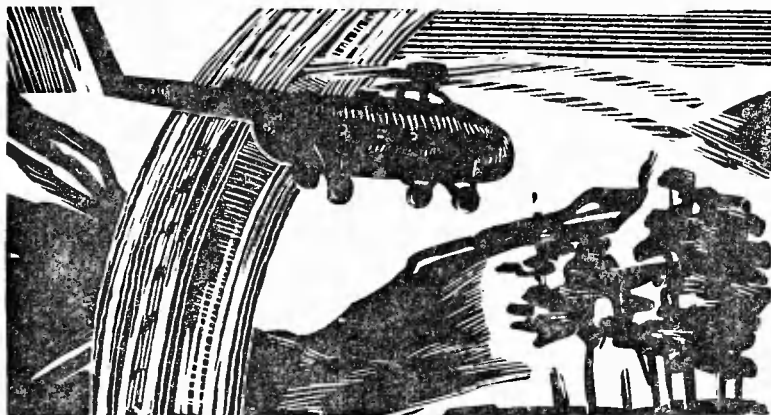
Твоя Клава. 14. X. 39».

А чуть ниже надписи были нацарапаны отдельные буквы и цифры. Царапины были повторены несколько раз. Видимо, писавший хотел углубить их, сделать заметнее.

«В — 137 ссв.

КС — 54 ююв».

Мазин закрыл портсигар. Цифры могли обозначать градусы, если «ссв» означает север-северо-восток, а «ююв» — юг-юго-восток. Но что такое В и КС? Водка и коньяк старый? Он усмехнулся и прилег на кровать.

5. РАДУГА

Ему снились война и нарастающий треск пулеметов. Треск усиливался, переходя в грохот орудий и моторов. «Сейчас!» — подумал Мазин, изготавливаясь к атаке, и открыл глаза. Он лежал одетый на койке, печь давно погасла, в хижине было холодно, зато в окно врывалось слепящим потоком омытое дождем утреннее солнце. Над ущельем не осталось ни облачка, вершины самодовольно сахарились в синем небе, а рядом с хижинкой гроыхала зеленая металлическая стрекоза, размахивая свистящим винтом, как татарин саблей. Потом вертолет подпрыгнул неуклюже и устремился вниз, к лугу, где вместо снега снова зеленела мокрая трава. Дверца машины отворилась, и в отверстие появился незнакомый человек в кожаной тужурке, а за ним офицер милиции в кителе и фуражке с высокой тульей.

— Игорь Николаевич! — закричал он, удивленно и радостно и, прыгнув на землю, побежал навстречу Мазину.

— Волоков! Дмитрий Иванович! Неужто ты? Здравствуй, дорогой!

— Здравия желаю, товарищ...

— Подполковник, — закончил за него Мазин. —

По-прежнему на одно звание впереди. Не ожидал тебя встретить.

— Нам в Тригорск позвонили из района. Калугин-то личность заметная, да и вертолета у них нет. Знакомьтесь с товарищами... Капитан из райотдела... А это Глеб, медик наш. Помните, когда «паука» брали?..

Мазин пожал руки приехавшим.

— Нарушил я ваше курортное времяпрепровождение? К вам даже преступники и те нарзан пить приезжают, лечатся, не работают. Ну ничего, немного разомнетесь.

— После вас-то?

— После меня. Каюсь, пытался разгрызть орешек на общественных началах, да зубы попортил. Положение, майор, серьезное. Пока вас дождались, произошло второе убийство. Думаю, убийство, хотя и другие предположения не исключены.

Волоков присвистнул.

— Про второе девушка не сказала.

Тут только Мазин заметил учительницу. Галина стояла поодаль в брюках и спортивной куртке.

— Галочка! Как же это вы?

— Ночью вышла. Когда подморозило. Светло было.

— Пришла в райцентр перед утром, — подтвердил майор. — Оттуда сообщили нам, мы забежали за ними, вот и прибыли все вместе.

— Где же Матвей?

— Дома папка, — ответил Коля.

Он только что примчался и во все глаза разглядывал вертолет.

— Хорош охотник!

— Кто еще убит, Игорь Николаевич?

— Я хочу сделать официальное заявление. Но без посторонних.

Это сказал не Мазин, а Олег. Журналист подошел, запыхавшись.

Волоков посмотрел на Мазина.

— Можно побеседовать в домике, — предложил тот.

— Вы, конечно, с нами?

— Если Олег не возражает.

— Я не возражаю. Доктор отчасти в курсе. Пусть будет свидетелем.

— Какой доктор? — не понял майор.

— Я не доктор, Олег.

— Тем лучше.

Мазин пропустил вперед Волокова и Олега и задержался, чтобы представить капитану подошедшего Сосновского.

— Борис, покажи, пожалуйста, где лежит Демьяныч.

Когда он вошел в комнату, Олег барабанил пальцами по столу. Заметно было, что он настроен решительно и не сомневается в своей правоте.

— Я буду говорить коротко, главное.

— Почему же? — возразил Волоков. — Говорите обо всем, что вас волнует. Главное мы с Игорем Николаевичем отберем.

— Я не волнуюсь. Я журналист. Моя фамилия Перевозчиков. Но это не моя фамилия. Это фамилия женщины, которая спасла меня во время войны. Мне было несколько месяцев, когда моя мать эвакуировалась из Ленинграда. Она умерла в пути, а я остался у этой деревенской женщины, которую очень уважаю и люблю. Она спасла меня, но ей самой приходилось туго. Я попал в детский дом, окончил школу, получил образование, как видите.

Я поставил цель узнать о своей семье. Но документы затерялись, а Перевозчикова помнила только, что мы из Ленинграда, что маму звали Тася, а отец был летчик. Мама говорила, что он погиб, и называла его Константином.

— Константином? — переспросил Мазин. — А мать?

— Тася. Наверно, Анастасия.

— Спасибо. Продолжайте, пожалуйста.

Вошел Сосновский и присел в углу.

— Вы понимаете, как мне было трудно. В Ленинграде тысячи людей носят такие имена. О возрасте родителей можно было только догадываться. Маме могло быть и двадцать, и тридцать с лишним. Внешний вид ничего не говорил, она же пережила блокаду! С отцом еще сложнее. Двадцать пять или сорок? Лейтенант или полковник?

Искал я долго. Даже в аэрофлотскую газету поступил, чтобы находиться среди авиаторов. Многие из них сражались на фронте, у них были друзья, бывшие пилоты. Я спрашивал, не знал ли кто летчика по имени Константин, погибшего в начале войны, у которого оставались в Ленинграде жена и маленький сын. Однажды командир нашего авиаотряда говорит: «Утвер-

ждать, Олег, ничего нельзя, но есть у меня приятель в Батуми... Летом гостил я у него, прошлое вспоминали. Рассказал и твою историю. Он человек горячий, взмахнул руками. «Вай! — кричит. — Это же Калугин Костя, мой лучший друг!»

— Калугин?

Фамилия произвела впечатление, но сам Олег не подчеркнул ее.

— К Михаилу Михайловичу мой отец никакого отношения не имел. Они однофамильцы.

— И летчик Калугин оказался вашим отцом? — спросил Мазин.

Олегу послышалось недоверие.

— Я уверен.

— Мы не спорим с вами. Рассказывайте.

— Теперь к сути дела. Когда я стал расспрашивать командира отряда об отце, он замялся. «Слетай сам попутной машиной в Батуми, — предложил. — Чанишвили лучше знает». Я немедленно полетел. Нашел Чанишвили. Он полковник запаса, встретил меня отлично. Обнял, говорит: «Вылитый отец! Сразу видно — Костин сын!» Но рассказывать не торопится. «Отдохни с дороги, в море выкупайся, вина нашего грузинского отведай Куда спешишь, дорогой!» Выпили мы, он и начинает: «Отец твой, Олег, был настоящий человек. Мы с ним еще на Халхин-Голе с самураев стружку снимали. Он орден Красного Знамени получил, я тоже. Потому, прошу, верь в отца своего, как мы, друзья его, верили. Бывают несчастья хуже, чем смерть в бою...»

Олег замолчал, собираясь с мыслями.

— В чем же заключалось несчастье?

— Отца очернили. Его память. Осенью сорок первого года, в разгар боев, он неожиданно получил приказ срочно вылететь на юг с секретным грузом. Перед вылетом Чанишвили видел его в последний раз. Отец негодовал, что его, боевого летчика, используют как воздушного извозчика. И вот что важно! Чанишвили спросил, что за груз повезет отец, и тот ответил: «Не знаю».

— Он не вернулся из полета?

— Он погиб. Последняя радиограмма была помечена здешними координатами. Отец сообщил, что полет продолжается, но в двигателе неполадки.

— На днях егерь Филипенко нашел в горах остатки

разбившегося самолета, — пояснил Мазин внимательно слушающему Волокову.

— Самолет разбился, — продолжал Олег. — Но тогда это не смогли установить, и отца заподозрили в измене. В том, что он перелетел к немцам. Радиограмму сочли обманом, приемом, чтобы отвести подозрения. Работала комиссия, опрашивали и Чанишвили. Он сказал, как и мне, что не верит в предательство отца. Ему сделали внушение. Аргументировали тем, что отец якобы бежал к немцам не с пустыми руками. Чанишвили доказывал, что отец не знал характер груза. Ответили: он мог догадываться. Поиски с воздуха разбитой машины не принесли результата. Официально отец считался пропавшим без вести, но на память его легло пятно.

— Чем доказал Чанишвили, что погибший летчик был вашим отцом? — спросил Волоков.

— Он не мог доказать. Но ведь все совпадает! Имя. Он — ленинградец, у него осталась жена с трехмесячным ребенком. Чанишвили писал в Ленинград; ему ответили, что Калугина эвакуировалась и по месту прописки не вернулась. Это мой отец!

— И вы взялись восстановить его доброе имя?

— Я решил найти самолет. Это единственная возможность доказать правоту отца раз и навсегда.

— Вы достигли цели. Поздравляю. Но какое отношение имеет погибший самолет к смерти художника Калугина?

Игорь Николаевич почувствовал, что волнуется. Каким окажется ответ на вопрос, так его занимавший и до сих пор не решенный?

— Калугина убил Матвей Филипенко. Убил, чтобы присвоить золото, находившееся в самолете.

Олег произнес эти решающие слова и снял очки, чтобы протереть стекла. Близорукие глаза утратили блеск самоуверенности. Таким он нравился Мазину больше.

— Вы сделали чрезвычайно важное заявление, товарищ Перевозчиков, — произнес Волоков официально. — Мы ждем ваших пояснений.

— Я готов, — ответил Олег чуть высокомерно, чем хотелось бы Мазину. Очки вернули ему самодовольное выражение.

— Откуда вы узнали, что в самолете было золото?

— Мне сказал Чанишвили. После войны он слышал, что золото отправляли в уплату долга союзникам за военные поставки. Через Кавказ и Иран.

— И такой груз не был найден! — поразился Волоков.

— Уверен, что искали формально. Убедили себя, что отец сбежал.

Сосновский поймал взгляд Мазина и мигнул слегка: «Видал, старик, какой поворот! Где нам было знать!»

Игорь Николаевич кивнул. Но ему хотелось взять Олега за куртку и тряхнуть так, чтобы отлетели подальше эти проклятые очки, через которые парень не видит ничего, кроме самого себя.

— А вы сразу напали на верный след? — продолжал майор.

— На Красную речку меня направил Михаил Михайлович. Я уже рассказывал товарищам. Мы познакомились случайно. Он делал зарисовки в аэропорту. Я заинтересовался его фамилией, подумал: не родственник ли? Оказалось, нет, но я ему чем-то понравился, он написал мне из Москвы. Я взял письмо с собой.

Олег положил на стол конверт.

Волоков прочитал вслух:

— «Милый Олег!

Вашими молитвами Аэрофлот доставил меня домой без повреждений, и я занялся обычными делами, то есть включился в московский ритм вечной спешки, которая часто напоминает бег на месте. Работается в столичной суете трудно, в душе я остался провинциалом и потому, едва распаковав чемодан, мечтаю бежать с этюдником на дачу, в связи с чем у меня возникло одно соображение. Буду рад, если оно вам понравится.

Запала мне ваша история! Я понимаю, что девяносто человек из ста по лености мысли или, напротив, от повышенной трезвости ума отнесутся к вашим намерениям скептически, но я, старый прожектор, на вашей стороне и предлагаю следующее: приезжайте в отпуск ко мне в Дагезан! Места в доме хватит, с моими, я уверен, вы сойдетесь, нам будет веселее, а для вас отличная база поиска. Насколько я понял, трасса полета проходила поблизости. Полазаете по горам, потолкуете со старожилками; если не повезет, в проигрыше не останетесь: горы вливают в человека жизненные силы.

Со своей стороны, прошу одно: ни в коем случае никому (даже из моих близких!) ни слова о том, что я в курсе ваших изысканий. Я достаточно известен, шумиху не переношу, особенно в печати (простите!). И если вас ждет удача — это удача ваша. Таково мое единственное условие. Если оно не покажется вам обременительным, телеграфируйте день приезда. Мы подготовим комнату.

Жду вашего согласия!

Мих. Калугин».

Письмо подтверждало прежний рассказ Олега. Тон его производил впечатление дружественного, искреннего, немного небрежного, но отнюдь не двусмысленного.

— Однако, Дмитрий Иванович, — сказал Мазин, — у Олега сложилось впечатление...

— Нет! Я проанализировал. Это вы с Кушнаревым наталкивали меня... Калугин не мог знать точного места падения самолета. Он ничего не знал о самолете до разговора со мной.

— Так он сказал?

— Не считайте меня кретином. Я основываюсь на фактах. Да, Калугин рекомендовал мне искать на Красной речке, но он не послал бы туда Филипенко, если бы знал о золоте.

— Как это на вас похоже! — воскликнул Мазин. — Почему же вы не сказали Калугину о золоте?

— Так было правильно.

— Еще бы!

— Надеюсь, вы не подозреваете, что я собирался присвоить золото? Я не мог довериться...

— А он вам доверял. В свой дом пригласил.

— Товарищ майор, — повернулся Олег к Волокову, — мне неизвестны должность и звание Игоря Николаевича, поэтому я прошу вас, как лицо официальное, дать мне возможность закончить свое сообщение. Мне не нравится, когда меня перебивают и обращаются, как с преступником. Повторяю, я не мог доверить дело государственной важности постороннему. Приглашение же на дачу вопрос сугубо личный.

— Спасибо. Разобрался. — Мазин оставил иронию. — Я не хотел вас обидеть, Олег. И не заподозрил ни в чем нехорошем. Решили вы так: сын вернет золото, которое, как считалось, похищено отцом. Это ваш долг и ваше право?

— Да. Что в этом плохого?

— Чуть-чуть ненужного тщеславия, капля самоуверенности, немного недоверия к людям... Короче, всего понемножку, а результат печальный.

— Можно, конечно, думать и так, но я не согласен. Я ни в чем не виноват.

— Виновным вы считаете Филипенко?

— Разумеется. Не зная, что находится в самолете, Калугин направил к озеру Филипенко. Он хотел помочь мне в поиске, хотел, чтобы в окрестностях не осталось «белых пятен». Егерь обнаружил машину, но ни слова не сказал о золоте.

— И вы решили, что Матвей присвоил его?

— А что бы подумали вы?

— Я бы принял такую гипотезу в числе других.

— Каких других?

— Золото могли найти и похитить до Филипенко. При падении оно могло оказаться в стороне от самолета и не попасть на глаза Матвею. Однако вы имели основания подозревать.

— Я оказался прав.

Олег поглядел на Мазина, но не с торжеством, а сдержанно. Тот молчал. Волоков ждал с любопытством.

— Скрывать правду от Калугина больше не имело смысла. Я поделился с ним опасениями. Михаил Михайлович был невероятно поражен, услышав про золото, конечно же, он ничего не знал о самолете, его советы были совпадениями — и только! Но он, как и вы, не хотел поверить в вину Филипенко. Это его и погубило.

— Каким образом?

— Он рассказал все Матвею.

— Как все?

— Детали мне неизвестны, но, когда я пришел вечером в гостиную, за считанные минуты до смерти, до того, как погас свет, Михаил Михайлович шепнул мне: «Матвей ничего не нашел. Побеседуем попозже, когда гости разойдутся».

— И ваш вывод?

— Единственно возможный. Калугин спросил у егерь, нашел ли он золото. Тот отказался и, воспользовавшись первой же возможностью, убил Калугина.

— А почему не вас?

— Ну, знаете!..

— Попробуйте все же объяснить.

— Это не так трудно. Калугин не назвал мою фамилию, и у Матвея сложилось впечатление, что он единственный, кто знал о золоте.

— Резонное предположение. И ножом он ударил?

— Что же ему оставалось делать?

— Но как попал нож к убийце, вы не представляете?

— К сожалению. Товарищ майор!..

— Минутку, Олег, — прервал Мазин. — Оставим пока Матвея, с разрешения Дмитрия Ивановича. Зачем стреляли в меня и кто, по-вашему?

Олег едва успел заморгать, но Мазин не ждал ответа.

— Не знаете? А что случилось с Демьянычем?

— С пасечником?

— Да. Почему он умер?

— Первый раз слышу.

— Охотно верю. Все, что вы говорили, верю. Не смотрите на меня, как на противника. Вы сообщили много интересного. Хотя и поторопились. Дмитрий Иванович еще не вошел в обстановку. Ему нужно ознакомиться с фактами, и тогда у него появится необходимость побеседовать с вами подробнее.

— Но мои обвинения против Филипенко вы игнорируете?

— Напротив. Я сопоставил их с тем, что вчера вам удалось проникнуть на Красную речку, и это подтвердило ваши подозрения. Существуют и другие основания, чтобы задержать Матвея, — сказал Мазин, не расшифровывая своей мысли, потому что думал он не только о подмененной пуле.

— Несомненно, — присоединился Сосновский. — Помню прочего, он незаконно хранит немецкий карабин.

— Возможно сопротивление? — спросил Волоков.

— Если мы не опоздали, — проговорил Мазин. — Я видел его сына возле дома, а окно открыто. И мальчишка бойкий...

Он не ошибся. Матвей сопротивления не оказал. В доме его они застали рыдающую жену.

— Говорила я ему, извергу, — кричала она взахлеб, — не доведет тебя лихость до добра! Дострелялся, живодер! На кого ж ты нас с дитем бросил?!

— Где ваш муж? — спросил Мазин по возможности мягко.

— В горы побег. Как вертолет прилетел, как увидел Матвей милицию, затрясся весь, а тут Колька бежит: «Папка, за тобой!» Он быстро фуфайку натянул, оленины вяленой напхал в сумку и через речку подался.

Мазин оглядел поросшие орешником склоны над рекой. Выше их, совсем как в день его приезда, курились, темнели, смыкаясь в тучу, неизвестно откуда набежавшие облака.

— А Николай где?

— В сарае ревет. Бойся показаться.

— Ладно. Не расстраивайтесь раньше времени. Борис, отдай свою пулю Дмитрию Ивановичу и расскажи о наших похождениях. А мне хочется с мальцом потолковать.

И он пошел через двор к сараю.

Охотничий вислоухий пес с опечаленным, растерянным взглядом ткнулся в ладонь Мазина шершавым холодным носом и отошел от двери, пропустив его в тесное помещение, где на березовом чурбаке сидел Коля и размазывал по щекам слезы.

Игорь Николаевич провел пальцами по взбившимся вихрам.

— Ревешь?

— Убью...

— Кого?

— Очкастого. Подстерегу в лесу и убью.

— Этим отцу не поможешь. Навредишь. Самого арестуют.

— Пусть!

— Нельзя, пионер!

— Пусть!

— А я сказал нельзя. Дело есть.

Коля поднял синие глаза. Они быстро заплывали слезами.

— Какой ты голубоглазый! Вытрись-ка, возьми платок. Два человека отцу твоему помочь могут — я и ты. Если тебя задержат, мне вдвое труднее станет. Поэтому кровную месть отложим до лучших времен. Сейчас работать нужно. Как думаешь, отец уйдет или поблизости скрываться будет?

Николай нахмурился, заколебался.

— Нужно мне доверять. Иначе нельзя. А я — тебе. Далеко отец?

— Не уйдет он...

— Тогда договор такой, вернее — задание. Не теряя ни минуты, отправляешься на поиски отца. Найдешь, скажешь: пусть не паникует. За то, что натворил, ответить нужно. Лишнего я не допущу. Пусть посидит день-два в лесу. Важно, чтобы ты знал где. И будь под рукой, чтобы я мог с отцом связаться, когда потребуется. Все запомнил?

— Запомнил.

— Доверяешь? Если нет, можешь отказаться.

Мазин дотронулся до грубо сложенной летней печки.

— Ночью мороз был, а у вас тут тепло.

— Папка топил. Что-то делал в сарае.

— Да... вот еще. Возьми, отдай отцу.

Игорь Николаевич держал в руке гильзу.

— Это... та, да?

— Она. Передай в знак доверия. И возвращайся побыстрее!

Он проводил взглядом мальчика, побежавшего через поляну к речке, и направился в поселок.

— Игорь Николаевич!

Галя шла навстречу, ступая по непросохшей траве мокрыми синими кедами.

— Галочка, вы сегодня хорошо выглядите.

— Благодарю, товарищ подполковник!

— Вы решили обращаться со мной официально? А я-то мечтал побродить с вами по горам, поискать эдельвейсы.

Галя вынула увядший цветок из карманчика стеганой куртки.

— Пожалуйста.

— Что это?

— Эдельвейс.

— Такой невзрачный?

— Я вам тоже невзрачной покажусь, когда приглядитесь. Поэтому попросите вашего друга, майора, отпустить меня домой. Мама задалась. Я ж собиралась туда и обратно, а застряла.

— Возможно, вы ему понадобятся.

— Зачем? Матвея ловить?

— Вы уже знаете?

— А то! Говорят, из-за золота он рехнулся. Двух человек убить, это ж нужно! Психопат несчастный!

— Вы верите в эту историю?

— Так сбежал же он. Был бы не виноват, зачем бежать?

— Мысль ваша, Галочка, только кажется логичной.

— Что, не так?

— Не знаю. Много странного.

— Странное знаете что? Вот видишь человека, и в голову тебе не приходит, что видишь его в последний раз. Михаил Михайлович сказал: «Иду за лампой!» И не вернулся... Ужасно это! А вчера возвращаемся мы с Олегом, вечереет, снежок чуть срывается, Демьяныч навстречу. «Здравствуйте, — говорю, — дедушка! Куда собрались на ночь?» А он ласково так, уважительно: «Матвея иду проведать, подарочек есть для него». Сверток под мышкой держит. И пошел... Навсегда...

— Демьяныч направлялся к Филипенко? Что было в свертке?

Галя покачала головой:

— Я вам, Игорь Николаевич, про то, что в душе возникло, рассказываю, а вы сразу на служебный лад переворачиваете. Сухой вы человек. Потому и эдельвейс вам не понравился. Не знаю я, что в свертке было.

— Галочка, простите, что потерял в ваших глазах. Кажется, опять гроза собирается.

Он посмотрел на тучи, утрамбовавшиеся на этот раз не на пути в долину, а сбоку, в понижении между горами.

— Это не наша. Сюда не доберется. Над Красной выльется.

Они проходили мимо пруда. Вертолет стоял на лужайке, но в домике никого не было. На берегу на откосе маячила длинная фигура.

— Валерий осматривает место происшествия.

Художник заметил Мазина с Галиной, побежал через луг.

— Доктор, постойте! Вы искали меня вчера?

— Доброе утро, Валерий! Я не доктор.

— Если я вам нужен...

— Теперь делом занялась милиция.

— Плевал я на формалистику! Если я вам нужен...

— Может быть, я вам нужен, Валерий?

— Черт с вами! Вы мне нужны! Всегда поворачиваете по-своему.

— Успокойтесь. Я хитрю. Вы мне тоже очень нужны, однако я в двусмысленном положении. Вторжение в сферу чужих полномочий...

— Не будьте служакой! — перебил художник. — Знаю, что вы не доктор, но как-то не представляю вас в мундире.

— Спасибо за признание. Что ж... Поговорить стоит. Подождите меня здесь, а? Я провожу Галочку и вернусь.

— Ладно...

Когда Мазин возвратился, Валерий стоял почти там же, только прислонился плечом к сосне.

— Заждались?

— Нет. Знал, что наврете. Нужна вам эта колдунья! Какую-то мысль преследовали.

— Была и мысль. Спросил кое-что у Глеба. Перекинулся парой слов с майором. Но вашего пренебрежения к Гале разделить не могу. В хижину зайдем?

— Нет. Не хочу туда. Лучше на воздухе. Что вы хотели узнать?

— Боюсь, что теперь, после смерти Демьяныча, это не так значительно, чем то, что хочется рассказать вам.

— Мне не хочется. Я себя за шиворот тяну! Только не стройте глубокомысленную рожу, не надувайте щеки, не изображайте гениального сыщика, который все знает! Ни черта вы не знаете и не узнаете, если я вам не скажу. Но я скажу, потому что я идиот!

— Нельзя ли помягче, Валерий?

— Нельзя. Столько лет считать себя умником — и вдруг убедиться, что ты круглый дурак! Такие переходы мягко не даются.

— Что это вы ополчились на собственную порядочность? Зачем?

— Порядочность? Ха-ха-ха! Впрочем, так с дураками и обращаются. Прimitивно! Голыми руками! Я разочарован, доктор. Нельзя меня так покупать! Я сам, понимаете, сам!

— Я сказал то, что думал, Валерий.

— Тем хуже. Хотя вы правы: дурак и порядочный — почти одно и то же. В моем случае особенно. Порядочный дурак! Незаурядный.

— Напрасно вы смешиваете эти понятия.

— А есть разница? Тонкие нюансы?

— Чтобы быть порядочным, требуется мужество.

— Как вы меня покупаете! — повторил Валерий. — Скажите еще, что любите меня, как родного, добра желаете!

— Зачем врать? Родных я люблю больше.

— И все же врете! Играете, как кошка с мышью, и ждете, ждете с вождением, когда же сорвусь я, выболтаю. Признания добиваетесь.

— Признания мало, чтобы установить истину.

— Когда брешут. А если правда?

— В чем правда?

— В том, что не могу я, не могу вынести, чтобы вместо меня, за мою вину вы упрятали за решетку этого примитивнейшего дикаря, ничтожного живодера Филиппенко!

— Он сбежал.

— Потому что идиот. Еще хуже меня. И с карабином наверняка. Пока вы его возьмете, половину перестреляет — и все ему! Вышка! Или как там у вас говорится?

Мазин не ответил.

— Молчите? Как удав, который ждет кролика? В одни ворота играете. Видите же, что у меня нервы сдали!

— Валерий, вы из тех людей, на которых после пьянки находят приступы покаяния и самобичевания. Я бы вам посоветовал опохмелиться. В хижине осталась бутылка.

— В хижину не пойду. И прекратите ложь! Ведь дрожите от нетерпения!

— От страха дрожу.

Художник широко раскрыл глаза.

— Боюсь, наплетете несуразного. Ну, лучше мне плетите, чем там, под протокол.

— Да прекратите ж вы под добряка работать! Глотайте кролика с потрохами, с ушками, с хвостиком пушистым. Пусть правда торжествует на земле. Пасечника гнусного я убил, а не Филиппенко.

— Попробуйте доказать! — вздохнул Мазин.

— До-ка-зять? — Валерий сжал кулаки. — Не жирно ли будет, товарищ подполковник?

— Валерий, я не понимаю, чем вы возмущены. Вы что, оваций ждали, букетов? Чем вы хвастаетесь? Ка-

кими заслугами? Кровопролитием? Зря! Признанием? Тоже не подвиг, между прочим. Майор Волоков — работник отличный. Если вы виноваты, докопается. Так что признание вам одному нужно. Чтобы на снисхождение и смягчение рассчитывать.

На лице Валерия появилась гримаса.

— Как вы со мной заговорили! Как заговорили!.. Впрочем, ждал.

— Не ждали. Привыкли, что нянчатся с вами.

Валерий напрягся.

— Гражданин подполковник! А что, если я побегу? Стрелять будете?

— Мой пистолет остался в служебном сейфе. Да он и не понадобится. Никуда вы не побежите. Некуда бежать! Поэтому рассказывайте, что у вас произошло с Демьянычем.

— Произошло! Дал ему по морде — и всё! Убивать не собирался.

— И он свалился в речку?

— Зачем в речку? На пол.

— Где вы его били?

— В хате. Не бил. Один раз ударил.

— За что?

— Заработал. Затрещина ему причиталась — это факт. А вот больше...

— Тут вы не уверены?

— Не уверен.

— По-вашему, убитый до берега сам добрался?

— Убитый? Смеетесь?..

— Кто смеется, Валерий? — Мазин перешел на «ты». — Одно из двух: либо ты убил старика — и тогда он не мог ходить по берегу, либо ты морочишь мне голову. Давай уточнять: что ты сделал после того, как ударил Демьяныча?

— Плюнул и ушел.

— И больше его не видел?

— Сегодня. В белых носках.

— Как же он попал в речку?

— Неужели не понимаете? Он очухался и решил сделать холодную примочку. Пришел на берег, но в голове-то кружилось. Споткнулся.

— И захлебнулся?

— Выпил лишнего.

— Сам виноват, выходит?

— Не знаю, как это по вашему кодексу рассматривать.

— А по-твоему, как?

— Если б я его не ударил, был бы жив. И Филипенко бы не сбежал.

— Филипенко-то в убийстве твоего отца обвиняют.

— Не может быть! Не убивал он отца.

— И это на себя возьмешь?

— Ну! Ну...

— Введи, пожалуйста, глаза в орбиты, Валерий, и не воображай себя ни жертвой, ни героем. Как родного я тебя не люблю, но помочь хочу. Насколько это возможно для такого избалованного сумасброда.

— Вы, кажется, сочувствуете мне, подполковник?

— Называй меня по имени и отчеству.

— Нахально прозвучало?

— Неуместно.

— Ладно. Не буду. Вы мне насчет старика поверили? Что я ударил и ушел?

— Да.

— Это по-человечески. Службист бы усомнился. Решил бы, что убил, оттащил на берег и бросил: плыви по волнам, нынче — здесь, завтра — там, до самого синего в мире...

— Оттащил? — заинтересовался Мазин.

— Ну вот, теперь ухватитесь.

— Не бойся. Следы его, не твои. Но экспертиза, Валерий, утверждает, что пасечник не утонул. В воде он оказался уже мертвым.

— Лапкой гладите, а коготки наготове?

— А тебя только лапкой можно? Небось жалеешь уже, что правду рассказал?

— Да уж эксперты ваши того не скажут. А в самом деле, ну зачем я наговорил вам это? Филипенко пожалел? Ну кто этот Филипенко?

— Человек. Сынишка у него есть.

— Гомо полусапиенс. Черт с ним! Смотрите, Игорь Николаевич, какой дождь на Красной речке льет! А у нас солнце.

— Туман у нас, Валерий. Как в твоей голове. О чем жалеешь? Чего мечешься? С собой воюешь. Хорошего в себе стыдишься. В маске щеголяешь. Приоткрыл чуть и перепугался! Да чего? Не суда даже, а того, что дураком сочтут. Почему? Человека всякая низость, хоть

случайно совершенная, хоть по обстоятельствам, тяготить должна, покоя не давать. Кто нас строже осудит, чем сами мы? Зачем совесть свою суду передоверять, прокурору, уголовному розыску? Ошибся — не наказания боясь, а новых ошибок! Наказание перенести можно. И не тюрьма тебе грозит, а сам ты себе мешаешь, лучшим в себе не дорожишь, между трех сосен крутишься, как слепой, да с гонором, со шгучками! Порядочность заговорила — дураком обозвался! Удалилась опасность — сразу фанфаронить! Развязность напустил. «Подполковник!..» Будто ты гусарский ротмистр на балу в дворянском собрании. И там старшим хамить не полагалось. А ты-то не ротмистр, а младший лейтенант запаса небось!

Ведешь себя глупо. Запутался, когда узнал, что на егеря вина пала. Не его ты спасать кинулся! Порядочность тут фундамент, а над ним здание большое, запутанное, с ходами, переходами, лестницами вниз, вверх, да все внутрь, вглубь, а наружу дверей не видно. Вдруг мелькнуло где-то на четвертом этаже. Ты туда — прыгать решил, а тебе трап подкатывают, как к межконтинентальному лайнеру. Пожалуйста! Ты и обрадовался. Интервью давать собрался. А мне не интервью, мне факты нужны. Все факты. Кое-что сказал — спасибо. Пояснил. Но главный-то нарыв остался. Не вскрыт. Кто отца убил? Говоришь, не егерь? Почему? Олег уверен, что он.

— Олег — самоуверенный болван.

— Всех разругал. А сам?

— Про меня вы уже сказали.

— Правильно сказал?

— Почти. Особенно про здание. Вниз да вглубь — и на месте! Филипенко не виноват, точно.

— Кто ж виноват?

— Кушнарев отца убил.

Мазин положил руку на плечо Валерия.

— Ты отдаешь себе отчет в таком обвинении?

— Отдаю.

Валерий сказал серьезно, глядя мимо Мазина, как туча смещается к югу, оставляя над Красной речкой чистое, вымытое небо.

— Доказать можешь?

— Это вы сами... Соберете по кирпичику. Зачем вы меня искали вчера?

— Я долго разговаривал с Кушнаревым.

— И он вас охмурил? Слезу пустил? Рассказал, как пострадал невинно?

— Об этом я узнал от Марины Викторовны.

— А что он об отце говорил?

— Он сказал, что Михаил Михайлович сидел в тюрьме.

— Мерзавец!

— Ты знал об этом?

— Узнал. Накануне смерти отца. И понял многое.

— Что он успел тебе рассказать?

— Все.

— И про побег?

— Вы знаете про побег? От Кушнарева?

— Да.

— Тогда он сам себе яму выкопал. Понимаете, что меня сдерживало?

— Догадываюсь.

— Растерялся я. Сообразить не мог, как поступить, что делать. А он решил, что в безопасности, что не знает никто... Что он говорил?

— Михаил Михайлович скрывал, что был осужден. Он пытался бежать, но неудачно. Получил дополнительный срок. Освободился в годы войны, воевал, но прошлого стыдился и сменил фамилию.

— Не понимаю, зачем ему понадобился такой вариант.

— Вариант?

— Смягченный.

— Валерий, давай присядем на то поваленное дерево.

— Что, в ногах правды нет?

Солнце постепенно прогрело лес, лучи его подсушивали отсыревшие ветки. Воздух наполнялся хвойным ароматом. Мазин достал из кармана портсигар, повертел в руках, постучал пальцем по крышке.

— Я думал, вы не курите, — сказал Валерий.

— Не курю. Эта штука попала ко мне случайно.

Портсигар пуст.

И, подтверждая свои слова, Мазин открыл портсигар, показал художнику и снова спрятал в карман.

— Очередной прием? — спросил Валерий.

— Вроде этого.

— Темп сбиваете?

— Если хочешь... Для себя главным образом. Чтобы без внутренней суеты осознать то, что ты мне скажешь.

— Могу и ничего не сказать.

Мазин посмотрел мягко, заботливо:

— Лучше скажи.

— Ладно. Побег оказался удачным. Наврал, мерзавец. Но лучше б такой удачи не было...

— Пожалуй.

— Не понимаете вы! Не в побеге соль. И страшное не это. Человека убили — вот где тайна.

Большой, неповоротливый комар пытался прокусить куртку Валерия, но только зря натужился, перебирая тонкими ножками.

— Кто убил?

— Сволочь эта. Но доказать, что отец непричастен, невозможно! Понимаете? Вдвоем они были, а свидетелей нет.

Валерий взмахнул рукой, и комар, оторвавшись от куртки, закружился над ним, выбирая новое место.

— Кого убили?

— Не знаю. Не спросил, а отец не успел. Как в бреду все получилось. Представить трудно. У нас так отношения складывались. Недружно. Несправедливо. С моей стороны. Я его консерватором считал и все прочее. А тут узнал, что неродной. Мальчишеские комплексы одолели. И еще... Но об этом не стоит. Это лишнее. Одно поймите: я его далеким считал, непонимающим, чужим, благополучным, удачливым, самодовольным. Деньги, дача, хвалы газетные, жена молодая... А он совсем другой жизнью жил. И вы поймите, поймите! — Валерий схватил Мазина за рукав и дергал, то притягивая, то отталкивая от себя. — Меня-то он любил! Ценил, уважал, а я ничего не видел. Почему так говорю? Со мной ведь он решил поделиться, мне рассказать! Довериться! Мое мнение ему важным оказалось! То есть подлинным сыном он меня признавал, а не пасынком, не воспитанником, не чужим! А я...

— Спокойнее, Валерий. Хорошо, что ты так говоришь, но спокойнее. Нужно спокойнее!

— Ладно. Отец позвал меня. Ну, я в уверенности, что очередная нотация... И вдруг обухом. «Сын! Хочу, чтоб стал ты моим судьей. Виноват я. Совершил ошибку, осудили меня справедливо, но не выдержал, молодость подвела. Бежал. Думал, повезло, а оказалось...

Бежали мы вдвоем. И так получилось, что погиб при этом человек. Клянусь, не я убил. Тот, другой. Запомни и поверь! Не я. Но и я виновен. Не помешал! Не предотвратил. Не спас. Всю жизнь вину эту загладить хотел. В твоих глазах особенно. Что мог, все сделал. Но выхода нет. Жив убийца, и сначала все... Откроется все. Не страшно. Одного боюсь: чтоб ты не осудил».

Валерий низко опустил голову, так что Мазин не видел его лица, видел один заросший затылок.

— Михаил Михайлович назвал Кушнарера?

— Да.

— Передайте его слова по возможности точно.

— Я хорошо запомнил. Я спросил: «Он тебе угрожает?» Отец кивнул. «Где он?» — «Здесь». О ком еще он мог говорить? Кушнарер знал отца много лет. Он сидел в тюрьме. Он жил у нас, ел, спал, брал деньги... Шантажировал.

— Чего же он захотел еще?

— Не знаю. Может быть, ничего. Может быть, у отца истекло терпение. Годы терпения.

— Но имя Кушнарера не прозвучало?

— Как же! Я не договорил. Я подумал о нем и спросил: «Это Кушнарер?» Отец заколебался на мгновение, посмотрел на меня и ответил... Я ручаюсь за точность фразы. Он сказал: «Кушнарер? Не Кушнарер, а Паташон». Понимаете?

— А вы?

— Это же ясно! Кушнарер — не Кушнарер, а Паташон. Преступник Паташон. Убийца.

— Однако у него убедительная биография.

— Легенда, а не биография. Которая вся шита белыми нитками. Я никогда, никогда не видел и не слышал, чтобы он занимался архитектурой или даже высказывал свои суждения. Он такой же архитектор, как вы детский врач.

— Кто же он?

— Профессиональный аферист.

Теперь вокруг них кружил не один, а целый десяток комаров. Мазин отломил ветку погуше и начал обмахиваться.

— Обычно аферисты не склонны нарушать сто вторую и ближайшие к ней статьи.

— То есть убивать?

— Да.

— Мы же не знаем, кого убили и при каких обстоятельствах. Отец не сказал, не успел. Пришла Марина, потом ваш друг.

— Резонно. Все, что вы сказали, резонно.

— Говорите лучше «ты».

— Можно? Спасибо, Валерий! Видишь ли, дорогой, тебе сейчас события яснее кажутся, чем мне. Ты не заботаешься о частностях, набрасываешь картину в современной манере, а я реалист, мне нужно, чтоб на лице каждая морщинка была проработана. Натуралист даже. Тебе Пикассо, а мне Лактионов. Уловил разницу?

— Не в вашу пользу разница.

— Польза общая будет, если исчезнут некоторые коварные пятна. Кушнарев не мог убить Демьяныча. Он со мной в это время был. И зачем?

— Про Демьяныча я вам рассказал.

— А эксперт? Забыл? Демьяныч-то в речке мертвый оказался.

— Напутал эксперт, ошибся.

— Бывает и такое, к сожалению. Так за что ты его?

— Нервы сдали.

— А конкретнее?

— Это личное.

— Догадываюсь. Но ты мне вот что поясни сначала. Помнишь, я тебе носовой платок возвратил?

— Опять тайм-аут берете? Темп сбиваете?

— Да нет, темпом я доволен. Где ты тот платок взял?

— Сам удивляюсь, откуда он у меня в кармане взялся. По виду — это отцовский платок, из мастерской. В краске.

— Отцовский? Не ты его выпачкал?

— Нет. Наверно, я захватил его случайно в мастерской. Но хоть убейте, не помню когда! Да чепуха это! Зачем вам?

— Вспомни, когда ты его в первый раз увидел?

— Что за смысл?

— Будет и смысл, если вспомнишь.

— Я наткнулся на этот платок, когда вы с Сосновским пошли наверх, к отцу. С пасечником. Я вышел тогда и, проходя мимо вешалки, достал его из кармана куртки. Но как он попал туда?

— Не помнишь? А потом?

— Поглом ничего особенного. Убедился, что он грязный, бросил в хижине. Там вы его подобрали. Вернули.

— И что?

— Опять ничего. Где-то валяется.

— Сажу ты им не вытирал?

— Что?!

— Все. Спасибо.

Валерий покачал головой.

— На здоровье. Так о чем вы догадываетесь?

— Разговор у вас с пасечником о Марине Викторовне был?

— Игорь Николаевич!.. Откуда...

— Секрета нет, Валерий. Демьяныч говорил мне о ваших отношениях.

— Отношениях? Не было отношений, не было! Ох, мало я его ударил! Куда грязную лапу протянул, а?!

— Любите?

— Называйте так.

— Не ожидал.

— Почему это?

— Говорят, молодежь упростила эти отношения.

— Упростила? Десять тысяч лет никто упростить не смог, а мы на глазах у вас переиграли? Чуть собачья! Подонки треплются. Впрочем, я сам такой был. Пока не обжегся.

— Больно обожглись?

— Хоть кричи... Что делать? Ну, скажите, что делать? Вы же все знаете! А тут воды в рот наберете. И никто не скажет. Не любит она меня. И хорошо это. Если б полюбила, совсем бы запутались. При отце отвратительно, а теперь невозможно. Но не легче ж мне от этого! Крутился, паясничал, как шут гороховый. И все. Ничего больше не было. Да и не могло. Не знаете вы Марину.

— Трудно узнать человека за два дня.

— Может быть, и вообще невозможно. Никогда. До конца. Теперь особенно. Много ли людей сами себя знают?

— Если человек прошел испытания...

— То-то! Что нам старики долбят? Мы вам счастливую жизнь завоевали! Да разве жизнь может быть счастливой или несчастной? Это люди бывают несчастные или счастливые. И в гражданскую и в революцию их больше было, чем сейчас! Цель пошире была. Меч-

та, а не план, научно обоснованный! По науке танк сильнее лошади. А человек на лошади не думал об этом, а гнал танки к чертовой матери! От тайги до бри-танских морей.

— Завидуете первоконникам?

— Завидую. Да не обо мне речь. О Марине. Она-то продукт эпохи. Оранжевый. С постоянной темпера-турой, влажностью, удобрениями... Что она про себя знает? Откуда ей знать? Благополучие одолело. Не одну ее. Вообще молодых.

— Молодых? Всех? Сомневаюсь.

— Про стройки скажете? Таймыр, Мангышлак, Кара-кум? Так ведь пустынь на всех не хватит! И там сто-метровочки проложат, заасфальтируют, каблучками дранть начнут. Опять теплица. Кафе «Молодежное», ки-нотеатр «Юность», эстрадный оркестр «Романтики»! Все под стеклом, неоновым ровным светом мигает. Вы-веска, а не знамя над полками, по планете проносящи-мися. Попробуй в этом времяпрепровождении разберись в себе!

— Многие разбираются, и неплохо. Напрасно ты обобщаешь.

— Да я не про многих. Я про нее. Думаете, Марина за отца из расчета пошла? Любила она его по-своему, хотя не осознала себя, вот что. Час ее не подошел. А внутренне она человек. И меня поняла, наверняка по-няла, что за поведением моим ненормальным, скомо-рошым настоящим есть, поняла и то, что нельзя, и ме-ня понять заставила. Как Татьяна, если хотите, если смеяться не будете.

— Не буду.

— Это хорошо. Вы хорошо говорили. Но не упро-стили мы ничего. Это неважно, что сейчас с девчонкой переспать легко... Смотря с какой опять-таки... Люди людьми остаются, и настоящих полно, хоть и циниками представляются. А каждый надеется сквозь мишуру свет увидеть, не неоновый, настоящий. Да вы поглядите! Здорово-то как!

Мазин посмотрел туда, куда протянул руку Вале-рий, и увидел между деревьями взметнувшуюся над ущельем арку. Празднично яркие цвета солнечного спек-тра, неразъединимо переходя один в другой, перекину-лись от хребта к хребту над речкой, лесом, снеговыми пиками, высоко и низко, так что вершина радуги тре-

петала там, где тянулись самолетные трассы, а основа-ния упирались в видимые простым глазом расщелины.

— Хорошая примета, — сказал Мазин.

— Да вы смотрите, смотрите...

И Валерий улыбнулся Мазину, забыв на минуту тре-воги, опасения, невеселые раздумья.

«После такой улыбки мне придется поверить всему, что он наговорил», — подумал Игорь Николаевич, до-жидаясь, пока художник вернется на грешную землю. И он вернулся.

— Что вам еще хотелось узнать?

И тут Мазин задал вопрос, который возник внезап-но не только для Валерия, но и для него самого.

— У тебя есть паспорт?

— Паспорт?

— Ну, пусть не паспорт, любой документ, подтверж-дающий личность.

— Мою? Вы что?..

Валерий, как под гипнозом, вытащил затрепанную книжечку.

— Это удостоверение. Правда, карточка отвалилась.

— Фотография мне не нужна. Спасибо.

Мазин вернул удостоверение и рассмеялся.

— Я ж говорил, что радуга — хорошая примета. А теперь скажи, наконец, за что ты ударил пасечника? Валерий, сбитый с толку «проверкой документов», не противился.

— Представьте мое состояние. Отец. Марина. Пата-шон. Все перепуталось. А тут является этот духобор с сивухой.

— Водку принес Демьяныч?

— Со стаканчиками.

— Зачем он пришел? С выпивкой. Он же непьющий.

— Не понимаю. Что-то потребовалось. Предложил выпить. Я отказался. Выпил уже немало и больше пить не хотел. Пил я, чтобы заглушить себя, но напиться, превращаться в скота не собирался. Но главное — не понравился он мне, вел себя нагло.

— Нагло? — удивился Мазин, не представляя де-ликатного пасечника в подобном состоянии.

— Не хамил, разумеется, открыто, но внутренне как-то нахальничал. Развалился, наследил ботинками.

— Какими ботинками?

— Отвратительными, грязными ботинками.

— Тебе не померещились они спяну? — Мазин под-
нялся, отмахиваясь от комаров. — На мертвом Демья-
ныче были сапоги, резиновые сапоги, которые привез
ему Борис Михайлович.

— Не мог же я так упиться! У меня память на де-
тали.

— Оставим пока... Итак, старик раздражал тебя?

— Действовал на нервы. Вытащил бутылку, не со-
мневаясь, что я стану пить. Дальше — больше. Слу-
шаю — и ушам не верю. Заговорил о Марине.

Валерий замолчал.

— Что именно?

— Что-то гнусное, хотя и елейно. Я ударил. Он
лязгнул зубами — и... и все!

— Все так все. От удара по лицу он умереть не мог.
Как дальше жить будем, Валерий?

— В пустыню удалюсь. Подобно древним отшель-
никам. Если в тюрьму не посадите.

— Боишься?

— Боюсь. Когда признаться решил, не боялся. А те-
перь неохота.

— Завтра и в пустыню не захочется?

— С пустыней безвыходно. Вы не в курсе, как там
налажено снабжение акридами? На стройках союзного
значения?

— Только для передовиков производства, — улыб-
нулся Мазин.

— Порядок. Рисовать их буду, поделаться. А что та-
кое акриды?

— Не знаю. Я еще многого не знаю, Валерий. По-
этому ты води себя сдержанно. И в отношении Кушна-
рева тоже.

— Сами разберетесь? Отца-то уберегите. Сможете?

— Надеюсь. Ну, друг, досматривай радугу, а меня,
я вижу, один молодой человек спешит о чем-то проин-
формировать.

И Мазин двинулся, обходя встречные деревья, туда,
где, нетерпеливо перебирая ногами, стоял Коля Фили-
пенко.

— Нашел отца?

— Нашел. Верит он вам, Игорь Николаевич.

— А ты веришь?

— Ага...

— Тогда ответь мне честно, очень честно, Николай.

Что нашел отец возле разбитого самолета? Вы же там
вместе были?

— Да ничего мы там, Игорь Николаевич, не нашли.
И дядя Миша меня расспрашивал. Про ящик какой-то.
Я ему сказал: кроме портсигара, ничего мы не нашли.
Честное пионерское!

— Этого портсигара?

— Ага... Его папка дяде Мише отдал. Еще как
пришли.

— У отца Калугин тоже спрашивал?

— Не... У меня. И предупредил: «О нашем разгово-
ре, Николай, отцу не говори! Ему обидно будет».

Над ущельем блекла, размытая синевой, радуга.

6. ПОЛДЕНЬ

Вертолет не поднимался над скалами. Он избегал их, повторяя изгибы Красной речки, взбираясь навстречу ей выше и выше, подскакивал там, где она обрушивалась водопадами, хитрил, изворачивался вместе с нею, одолевая дикое, заросшее и заваленное скончавшими век деревьями ущелье. Вот путь преградил еще один лесистый откос. Но это уже не были островерхия, вонзающиеся в небо ели. Кто-то тяжелой рукой провел по верхушкам и пригнул ветки к земле. Красноватые кряжистые стволы пограничными столбами вытянулись по краю плато, отделяя лес от высокогорья, от зеленых и разноцветных альпийских лугов, искромсанных в низинах белыми языками снежников. Лететь стало вольнее, панорама расширилась, речка перестала быть стержнем, на который нанизывался стиснутый склонами пейзаж; она потерялась, го растекаясь по кочковатому болотцу, то исчезая под сырым, тяжелым снежным настом. Везде искрилась, сверкала на солнце влага, и Мазин жалел, что нельзя распахнуть запылившийся иллюминатор, как выставляют весной надоевшие, ненужные двойные рамы.

Поздно вечером он зашел к Волокову и, осведомившись, как идут дела, сказал:

— Возможно, я смогу помочь вам, Дмитрий Иванович. Но сначала нужно побывать на Красной речке.

— А преступник не сбежит, Игорь Николаевич?

— Нет. Скажи своим ребятам, пусть спят спокойно. Глебу — персональная благодарность. Он мне помог.

Потом Мазин вернулся домой и долго беседовал с Сосновским.

— Кажется, это единственное решение, Борис? Или я увлекаюсь?

— Не сомневаюсь, что ты прав.

И все-таки почти до рассвета он не мог заснуть...

...Черная тень, бегущая впереди вертолета, уменьшилась. Летчик набрал высоту, чтобы пройти над плоской вершиной одной из двух гор, взметнувшихся над долиной крутыми, осыпающимися, голыми склонами. Рядом с машиной появился распластавшийся в воздушном потоке орел. Он смотрел на шумливую, брюхатую, с вытянутым хвостом птицу подозрительно, недобро. Проводил немного и, накренившись, ушел, легко спланировав вниз, к озеру, которое, как и говорил Мазину Коля, синело среди льда оттаявшими полыньями. Тень от вертолета пересекла озеро и заметалась в теснине. Машина начала снижаться. С одной стороны Мазин увидел узенькую, рвущуюся на выступях ленточку водопада, с другой надвинулись коричневатые камни. Он понял, что это и есть Красные скалы.

Человек в гимнастерке ждал их внизу. На шее у него висел карабин. Признав старшим среди прилетевших Волокова, егерь подошел и потянул через голову ремень.

— Добровольно сдаюсь на решение правосудия, — произнес он заранее, видимо, заготовленную фразу и, оглянувшись на Мазина, добавил: — Вины за собой никакой не имею!

После этого Матвей положил карабин на землю.

— Вы Филипенко?

— Так точно, товарищ майор. Разрешите заявить, никакого золота тут и в помине не было. Самолет же вон там находится, а летчика прах, то есть что осталось, поблизости. Все как было, ничего не трогал.

— Посмотрим.

Они пошли цепочкой: рядом с Матвеем Олег, за ним следователь из прокуратуры, потом Волоков, и в хвост капитан с Глебом. Валерий остался с Мазным.

— Почему Паташона не арестовали?
— Не весь материал собран.
— Здесь-то что искать? И зачем вы меня притащили? Забил вам Олег мозги несуществующим золотом. Горючее зря сожгли!
— Милиция обязана проверять такие заявления.
— Я-то зачем?
— Ты мне сейчас поможешь. Борис, дай ему компас.

Сосновский вынул круглую коробочку. Валерий с недоумением покрутил ее перед глазами.

— Ты можешь определить направление север-северо-восток?

Художник подержал компас на ладони, дожидаясь, пока успокоится стрелка.

— Сюда?

— Сюда. Отправляйся к водопаду и отмеряй от подножья ровно сто тридцать семь шагов на север-северо-восток.

— Повинуюсь, потому что абсурдно.

Пока он вышагивал по дну теснины, Сосновский заметил:

— Если это не шаги, а метры, возможно расхождение.

— Вряд ли у него была рулетка.

— Эй! — закричал художник. — Что дальше?

— Стой на месте.

Мазин подошел к Валерию, взял компас и направился к Красной скале. Оттуда он отсчитал пятьдесят четыре шага и вернулся почти на то же место, где ждал художник. Речка здесь срывалась с уступа небольшого водопадиком, под ним виднелось углубление, куда не проникал поток. В углублении зеленели мхом камни.

Мазин присел на корточки.

— Неужели вы думаете, что там, внизу, золото? — спросил Валерий присмиревшим, изменившимся тоном.

— Не уверен.

— Я спущусь, — предложил Валерий.

— Поосторожнее. Не поскользись.

Художник двумя прыжками соскочил вниз и, прижавшись к откосу, протиснулся в углубление, не задев потока. Сверху были видны спина и затылок с растрепавшимися волосами.

— Есть!

Он повернулся в волнении, и вода хлестнула его по лицу.

— Что?!

— Ящик железный, вроде тех, в которых возят кинофильмы.

— Ты можешь вытащить его?

— Попробую.

Валерий дернул за ящик и отскочил, снова попав под водопад.

— Он легкий! Это не золото.

— Оставь ящик и вылезай. Вскрыть его может только следователь. Как положено по закону.

Валерий растирал по лицу брызги.

— Что ж произошло, Игорь Николаевич?

— Что понял, расскажу...

Они сидели на широком брезенте, который летчик вытащил из машины. Посредине Мазин положил испачканный носовой платок, портсигар и почерневшие, обожженные в печи подковки с ботинок.

— Передаю вам, Дмитрий Иванович, — сказал он.

— Вот еще, — буркнул Филиппенко и бросил на брезент гильзу. — Пуля в пруду, Игорь Николаевич.

— Нож я передал вчера, — заключил перечень Сосновский.

Мазин отодвинул гильзу немного в сторону.

— Не знаю, как начать... В плане поиска или шире? Попробую, как получится. Завершилась трагедия, растянувшаяся на много лет. Случай облек ее в драматическую форму, так что разгадка непонятного выдвинулась на первый план. Но все тайны рано или поздно раскрываются, силлогизмы уступают место раздумьям, проблемы криминалистические сменяются нравственными, человеческими... Впрочем, я собираюсь держаться в рамках фактов.

Был паренек. Талантливый паренек. Он еще не знал, что талантлив. Так случается нередко, особенно в молодости. Люди склонны переоценивать свои возможности, но бывает и наоборот, их не замечают. Он совершил ошибку и поплатился за нее строго. Закон для всех одинаков, однако сами мы разные, и время течет для нас по-разному, особенно за решеткой. В семнадцать лет оно может показаться бесконечным. Три года для заматерелого преступника — семечки, Михаил

лу Калугину (я буду называть его так) они представлялись вечностью.

Он пытался бежать, и срок увеличился. Да, Валерий, Михаила Калугина поймали. — Мазин повернулся к художнику, собравшемуся возразить. — Кушнарев не обманул меня. И тебе отец сказал правду. Но Кушнарев сказал о первом побеге, а Михаил Михайлович имел в виду второй. Он спешил и говорил только о главном.

Срок увеличился... Теперь ему и конца не было. Парня охватило отчаяние. Поставьте себя на его место — и вы поймете! Я не оправдываю Калугина. Он совершил уже две ошибки, и обе, с точки зрения закона, были преступлениями. Закон действовал неотвратимо, но справедливо. Однако ему, человеку, предельно эмоциональному, положение казалось безнадежным...

И он совершает третью ошибку. Ошибку, за которую придется поплатиться жизнью... Не скоро. Впереди еще четверть века. А пока возникает мысль снова бежать. И тут, к счастью, как показалось Михаилу, и к большой беде на самом деле, находится человек, который берется помочь. У этого человека, несмотря на сравнительно молодой возраст, уже много имен, но самое популярное из них Паташон.

Безобидная кличка... Не Акула, не Удав. Шутовская кличка. Представляешь мелкорослого человечка, склонного к юмору, любителя посмеяться. Тогда еще помнили этого забавника из «немного кино». Но мне приходилось замечать, что из таких невзрачных шутов вырастают самые коварные и злобные «удава» и «акулы», не по кличке, а по сущности. Может быть, на них сказывается и путь в «высшие круги» преступного мира.

С чего обычно начинается «акула»? Он первый парень в своем квартале, его боятся, его девушки любят, он щедр, не скопидомничает, по-своему великодушен. Нарушает закон сначала из озорства, из безнаказанности, от небольшого ума, по нашему недосмотру, а потом уж обнаруживает, что забрался далеко, что путь назад труден. К трудностям же не приучен. И появляется злоба. Увы, не на себя, а на окружающих, на жизнь, которая «подвела». Ведь начиналось все так хорошо, весело, а что вышло? И вот затерялся, растворился бесшабашный парень. Вместо него «акула». «Акула» не озорует на улице. Он там дела делает. И подбирает нужный человеческий материал. Из младших. Которы-

ми можно помыкать, затягивать и посмеиваться: «Развяжи-ка мне ботинки, Паташон. Постои на стреме, Паташон. Пролезь в это окошко, тебе, худому, удобно!»

Почему же Паташон расшнуровывает ботинки, бегает за папиросами и в конце концов лезет в окошко? Ему выгодно.

Мальчик не тянется к ученым, зато любит поско-морошничать, скорчить рожу, передразнить, подметив чужую слабость. Его выходкам смеются, но с ним не дружат. При случае он и по шее получает — это не опасно, мальчишка хил, побаивается дать сдачи. Он одинок среди сверстников. Прибавьте, что и дома не сладко: скорее всего безотцовщина, малокультурная, вечно занятая, раздражительная мать.

И вдруг все меняется. Замухрышку больше нельзя трогать. Потому что дело не ограничится ответной затрещиной. Грозят неприятности покрупнее. Он сам поражен. Те, кто вчера издевался, сегодня боятся. Не его, конечно. «Удава» или «акулу». Но и его. Ему уступлена частица могущества. И он увидел, что бойкие классные заводилы не меньшие трусы, чем был он сам. Помимо прочего, это открытие не способствует правильному восприятию жизни. Создается обманчивая, но правдоподобная модель. Сила в руках сильного. Это западает. На всю жизнь. А так как физической силы Паташону не хватает, он оттачивает изворотливость. Ему нравится не прощать обиды, мстить тем, кто считает себя сильным. В нем нет великодушия. Он готов при случае унижаться, но он ничего не забывает. Это опасный преступник.

Я думаю, что именно такой человек встретился в колонии с Калугиным. Он там не в первый раз, он постиг тюремную науку, и сроки его особенно не пугают. Далеко остался школьник-замухрышка. Паташон — вор в законе, его обслуживают, ему угождают. Его боятся. Теперь уже его самого. И не без оснований. Хотя внешне он не так страшен. И комплекция не та, и шутки-прибаутки не забыты. Некоторые недалекие работники даже считают Паташона не худшим заключенным. Он не бузит, не режется бритвой, не устраивает демонстраций. Не работает, правда, но на то он и вор в законе. Однако отбывать срок ему больше не хочется. Началась война, армия отступает, ему мерещится анархия, жестокая вольница, безначалие, мерещится «его

время». Так соединяются несовместимые интересы не только разных, но полярно противоположных людей. Возникает кратковременный трагический союз. Им «ве-зет».

О подробностях побега приходится догадываться. Однако детали несущественны. Можно предположить, что Паташон, у которого были связи в уголовной среде в Закавказье, выдвинул план пробираться на юг через горы. Край в этой стороне безлюдный, а перевалы доступны. Чем соблазнился Калугин, не знаю. Скорее всего Паташон пообещал достать ему документы, без которых невозможно было попасть в армию, а именно на фронте, как показало будущее, стремился смыть вину Михаил Калугин.

Теперь о самолете. Летчик Константин Калугин выполнял важное задание. Ему был доверен ответственный груз. Но не золото.

Олег вскочил.

— Это тоже предположение?

— Нет, это факт, Олег. Груз, который вез Константин Калугин, рядом с вами. Ящик находится в нише под водопадом.

С волнением металлическую коробку подняли и поставили на брезент. Открыть ее удалось не без труда. Всем хотелось поскорее взглянуть на содержимое. Наконеч Волоков откинул крышку.

— Бумаги. — И, отделив клочок слипшегося, почти уничтоженного временем и природой листа, добавил: — Разобрать, что это, на глаз невозможно.

— Может быть, техническая документация эвакуированного предприятия? Или штабные документы? Чертежи оборонного объекта или военной продукции? — предположил Сосновский.

— Я думал о чем-то подобном, — сказал Мазин. — Если золото и возили в Иран, о чем мне неизвестно, то не из прифронтовой зоны и, вероятно, не таким образом. Не знаю, как возникла эта легенда, но не в этом дело.

Олег выглядел потесненным с позиции, однако не разбитым.

— Кто же, по-вашему, спрятал ящик? Откуда вы узнали о тайнике?

Мазин подвинул в его сторону портсигар.

— Бумаги спрятал Константин Калугин. Теперь

ясно, что он не разбился вместе с машиной и выпрыгнул с парашютом. Он понимал, что металлический закупоренный ящик не будет уничтожен, что он может уцелеть. И летчик, спасая груз, извлек его из-под обломков и спрятал в надежном месте. Он сделал все, что мог. Унести ящик с собой было нельзя. Хотя в нем и не золото, он достаточно тяжел для путешествия по тропам и перевалам. Укрыв груз, Константин Калугин нацарапал на портсигаре координаты. Почему не на бумаге? Наверно, побоялся довериться ненадежному материалу. Ведь предстоял путь через реки, снег, и мало ли что еще ждало его!

— Как попал к вам портсигар? — спросил Олег.

— Об этом я скажу немного погодя. Вы видели его? Мне больно разочаровывать вас, Олег, но летчик Калугин не был вашим отцом.

— Не считаю вопрос доказанным. Имя женщины...

— Клавдия, а не Анастасия.

— Женщина, которая спасла меня, могла спутать имя матери!

— Но ваша мать умерла и похоронена в деревне, где вы остались. А жена летчика Калугина прожила еще двадцать пять лет.

Мазин смотрел теперь не на Олега, он смотрел на Валерия. И тот не мог оторвать глаз от подполковника.

— Зачем вы смотрели мое удостоверение? — спросил он с трудом.

— Ты уже догадался. Мне нужно было узнать твое отчество. Что ты знаешь об отце?

— Я считал, что он бросил маму.

— Нет. Его убил Паташон. Теперь я в этом не сомневаюсь. Константин Калугин был тем человеком, в гибели которого признался тебе Михаил Михайлович. Говорю «признался», потому что и себя считал он виновником этой смерти. Для матери же он пропал без вести, а возможно и хуже, дезертировал, бежал. Не осуждай ее за слабость, Валерий. Молодая женщина с ребенком осталась одна, тянутся нескончаемо трудные военные дни. И вдруг случайно (так ей кажется) Клавдия Федорова знакомится с демобилизованным солдатом, студентом. Он учится в Москве, собирается стать художником, в Казань приехал на короткое время, однако заинтересовался ею, пишет, помогает. Какая женщина останется равнодушной к таким знакам внимания, осо-

бенно когда — будем откровенны — мужчин стало гораздо меньше!

Между тем молодой художник предлагает выйти замуж. Чем еще можно объяснить его поведение, кроме настоящей любви? И любовь находит отклик. Ведь пять лет прошло, как исчез Константин Калугин. Война кончилась, надежды на его возвращение угасли... Мы все верим в людей, нам больно обманываться в них, но требовать от Клавдии Федоровны безграничной верности памяти мужа, требовать отречения от жизни ради памяти было бы несправедливо. Особенно потому, что ей и в голову не могло прийти, что привело к ней Михаила. Еще не Калугина...

На каждый поступок обычно влпает большой комплекс соображений. Думаю, очень многое повлияло и на решение Михаила Михайловича. Но уверен, в основу легла потребность загладить вину. «Какую?» — спросите вы, и особенно ты, Валерий. Я, как и ты, убежден: будущий художник Калугин не убивал летчика Калугина. Верю и его словам и во всю его остальную, прожитую с того дня, жизнь. Однако существует еще криминалистическая наука, и я надеюсь, найдутся доказательства, и неопровержимые.

Випа, которую испытывал Михаил Михайлович, была глубже, чем сознание того, что он не уберег летчика, стал невольным пособником его гибели. Мне кажется, что случай этот подвел итог, завершил цепь ошибок, начавшихся с того ужасного дня, когда согласился он охранять приятелей-преступников, грабивших киоск или ларек. И тогда, когда пришло впервые решение бежать, был он виноват. И когда пытался броситься под поезд, и когда бежал, наконец, «удачно».

Поступки эти, конечно, разные, и рассматривать их следует по-разному, но было в них и общее: с каждой ошибкой росла вина перед жизнью, перед людьми, перед самим собой, суживалась дорожка, впереди становилось темнее, мрачнее. И тут вспышка — смерть летчика! Убийство...

Зачем убил его Паташон? Чтобы заполучить пистолет или избавиться от лишнего свидетеля, на которого неожиданно наткнулись в пути? Во всяком случае, не для того, чтобы завладеть грузом. Он был спрятан до встречи. О грузе беглецы и не подозревали... Но убийство паверняка было подлым, зверским. И оно ошеломило

парня. Наконец-то он понял, куда ведут неверные тропки.

Не знаю, как расстались они с Паташоном. Его последующие похождения еще придется проследить, но ясно, что пути его с Михаилом разошлись круто. К большому сожалению, не навсегда.

О дальнейших событиях судить легче. Испытавший глубокое потрясение юноша добрался до фронта и не щадил там жизни. На гимнастерке появились орденские ленточки. Он пролил кровь, он имел основания считать, что расплатился сполна за небольшое, в сущности, преступление, совершенное по мальчишескому недомыслию. Но прийти и рассказать правду он не решился.

Внешней необходимости в этом как будто и не было. После бесконечных неудач пришла полоса везенья. А когда начинает везти, то везет во всем. Даже там, где сначала удачи не замечаешь. Михаил Михайлович жил и воевал под доставшейся по случаю фамилией. Неблагозвучной фамилией. Вы знаете ее, Валерий?

— Да.

— Марина Викторовна тоже знала. Эта фамилия сохранилась в документах. Нарочно фамилию Дураков не выберешь. И не только по эстетическим соображениям. Она режет слух, привлекает внимание, запоминается. Значит, выбора не было, пришлось воспользоваться тем, что подворачивалось под руку. Как это произошло, пока неизвестно, но каким образом Михаил Михайлович избавился от неприятной, постоянно грозящей разоблачением фамилии, я знаю, как знали и в его семье, не подозревая об истинной причине перемены.

Многие ли мужчины принимают фамилии своих жен? Единицы. Если кто и решится, то не от хорошей жизни. Нужны убедительные основания, чтобы такая замена показалась окружающим оправданной, не вызвала подозрений. Но что может быть естественнее, чем желание молодого художника сменить фамилию Дураков? Каково читать на афише: «Выставка Дуракова»? Какой повод для шуток! А люди искусства самолюбивы. И жена это понимает. Правда, фамилия Калугин принадлежит первому мужу, но зато и сыну! И это почти усыновление.

Так появляется художник Калугин. Везенья здесь больше, чем расчета. Да и расчет не шкурнический. Вина перед погибшим летчиком, перед его сыном, стрем-

ление расплатиться за ошибки, начать новую жизнь, в семье, по-настоящему — все это просматривается очевидно.

Мне кажется, я понимаю этого человека и его поступки. Даже то, что, привязавшись к тебе, Валерий, он не пошел на формальное усыновление. Думаю, что он не считал себя вправе лишить тебя отца, вычеркнуть его из твоей жизни. Единственный в семье, он знал правду, знал, что Константин Калугин — жертва обстоятельств и злой воли. И он не мог обокрасть убитого и обогнанного человека. Полагаю не без оснований, что Михаил Михайлович всегда собирался раскрыть тебе правду.

Ложь давила на него, отравляла радости и успехи. Он мирился с ней в надежде, что придет час, когда он восстановит справедливость, сможет довериться тебе, Валерий. Но как это было трудно! Как воспримет правду Клавдия Федоровна? Поверит ли до конца? Не заподозрит ли в убийстве Константина? А сам ты, Валерий?

Калугин бесповоротно осудил первую часть своей жизни, но во второй ему было чем гордиться. Успех он завоевал трудом и талантом, завоевал заслуженно. В семье он поступал так, как казалось ему единственно правильным. Годами складывалась уверенность, обретался смысл существования. И все это нужно было отдать на суд тебе, Валерий, человеку незрелому, не пережившему столько, сколько пережил он, многого не понимающему. Однако иного пути не было. Калугин уклонился от суда государственного, но не мог полностью довериться и суду собственному. Лишь ты имел в его глазах право на суд. Не юридическое, но по-своему неоспоримое. Потому что ты был сыном Константина Калугина.

Однако вернемся к фактам. Не зря считают, что мир тесен. Работая над картиной о летчиках (не случайно, наверно!), Калугин познакомился с Олегом Перевозчиковым, который разыскивал отца, погибшего якобы при известных нам обстоятельствах. Еще раз уточняя, Олег! Вы не сказали о золоте?

— Нет.

— Это в вашем характере, но не думаю, что это его лучшая черта.

Олег провел пальцами по бородке.

— На первый взгляд Михаилу Михайловичу снова повезло. Судите сами! Видимо, он рассуждал так: Олег

заблуждается, пусть же он найдет самолет. Правда о летчике Калугине вскроется, позорное пятно будет смыто. Валерий узнает об отце все... кроме того, что отчим был недобрым свидетелем его последних минут... Таким образом, откроется правда только необходимая. По счету будет выплачено, тайна же умрет на этот раз навсегда. И Михаил Михайлович после колебаний, не сразу, а письмом приглашает Олега в Дагестан, выдвинув условие...

— Довольно хитро придумано, — сказал Олег.

— Нет. Калугин не был хитрецом. Скорее он был человеком слабавольным, склонным к решениям, которые напрашивались сами, лежали на поверхности. Он постоянно опасался противопоставить себя обстоятельствам. Даже когда бежал... Его тяготила ложь, но он предпочитал оставаться на грани полуправды. Полуправда и привела его к гибели. Но не вам упрекать его, Олег! Вы тоже скрыли то, что считали истиной! А две полуправды — это уже ложь, та ложь, которая и определила ход трагических обстоятельств.

Олег подергал бороду, но возражать не стал.

— Калугин старается, чтобы вы не тратили время впустую. Когда выяснилось, что проникнуть в теснину затруднительно, он посылает сюда Матвея — верное доказательство, что о грузе он не подозревал. Зато вас, Олег, это взволновало сверх меры.

— Мне важно было найти золото и вернуть его государству.

— Знаю. Поэтому вы и решились с большим опозданием довериться Калугину. Как он воспринял ваше сообщение?

— Он был поражен.

— Наверно, сообщение ваше не только изумило, но и обрадовало Калугина. Помогая вам, он не предполагал, что делает дело уже не личное, а государственное. Он поверил вам и одновременно поверил в то, что Матвей не видел никакого золота. Вам он поверил, потому что знал, что летчик не погиб в машине, а спустился с парашютом и успел побывать на месте катастрофы. Следовательно, он мог спрятать груз. Где? Ключ к загадке лежал в кармане Калугина. Об этом я узнал от Коли.

Егерь подвинулся поближе.

— Это вы про портсигар, Игорь Николаевич?

— Да. Когда ты отдал его Калугину?

— Сразу, Игорь Николаевич, как вернулись мы с Колькой, я сперва к Михал Михалычу зашел. Говорю, так и так, лавина, значит, мостом тут легла, и пройти можно, хоть и трудно, а там самолет, здесь, значит, и скелет лежит, а в кармане у него, значит, где карман был, — эта штука. Я его подраил малость.

— Ты прочитал надпись в портсигаре?

— А то как же! Клава, значит, ему подарила. И еще буквы там. Я подумал, летчицкие ориентиры, не подумал, что здесь...

— Ясно. Что сказал тебе Михаил Михайлович?

— Говорит, оставь, Матвей, мне покамест, потому что парень этот с бородой тут ищет, и в газету писать хочет, и про тебя, про меня, значит, напишет, но потом, а пока все не нашли, не нужно говорить, чтоб не помешать сбору материала, что ли...

— И ты больше никому о портсигаре не сказал?

— После нет.

— Разрешите спросить мне, — вмешался Олег. — Когда Калугин сообщил тебе о золоте?

— В жизни не говорил! Не сойти мне с места!

Мазин остановил зарождавшийся спор:

— Успокойтесь! Калугин спрашивал о находке у Николая, который ходил сюда вместе с отцом. Он ведь не говорил вам, Олег, что беседовал с Матвеем. Он сказал только, что Филипенко золота не брал. Ведь Матвей вряд ли отдал бы портсигар, если бы понимал, что значат нацарапанные там цифры.

— Это наивно! Не понимаю, зачем вам так упорно выгораживать Филипенко? Предположим, что отдал портсигар. Но с мальчиком-то разговор был! Или вы думаете, что сын ничего...

— Ерунда, Олег! — нетерпеливо поднялся Валерий. — Оставь Матвея в покое. И так намудрил. Протри очки и успокойся.

— Не горячись, Валерий, — предостерег Мазин.

— Извините, Игорь Николаевич! Спасибо, что вы этот клубок распутали. Мне трудней всех... Не умещается, что рядом мой отец лежит. Страшно встать и подойти. Но не сомневаюсь, что мысли и жизнь Михаила Михайловича такие были, как вы рассказали. Все это я видел, чувствовал, но не знал... Вы ж понимаете... Он тоже мне отцом был. И я от него не отрекусь.

Но почему вы про того, кто дважды отца убил, молчите? У вас система, доказательства... я понимаю. Но мерзавец ускользнуть может!

— Нет, Валерий. Он умер.

— Умер?! Я видел его, когда садился в вертолет.

— Ты видел Кушнарева, а не Паташона. Это разные люди. Так и сказал тебе Михаил Михайлович. Паташон же — Демьяныч. Остальные его имена уточнит Дмитрий Иванович.

— Но его убили. Неужели я?..

— Нет. Однако можешь считать, что ты с ним расквитался. Больше того, удар этот, я полагаю, спас твою собственную жизнь. Постараюсь аргументировать свою точку зрения. Олег пояснил, как Михаил Михайлович узнал о спрятанном грузе. Но как узнал о нем Паташон?

Сам он сказал мне, что они встретились на базаре в Тригорске. Художник Калугин и... пасечник Демьяныч. Между прочим, самые отчаянные, бесшабашные преступники старательно пекутся к старости о своем здоровье. Может быть, они понимают, что это, собственно, чудо — то, что они дожили до старости, и стремятся продлить это чудо по возможности. Паташон же вряд ли отличался бесшабашностью, да и здоровьем похвалиться, видимо, не мог. Поэтому его обращение к природе не так уж загадочно. Объяснима и склонность к доморощенной философии. По-своему и он пытался осмыслить прожитое, хотя и не увидел в жизни ничего, кроме «мудрой беспощадности», как он мне доверительно сообщил. Так или иначе, старость пришла, силы дряхлели; возможно, ему казалось, что и в самом деле с мирской суетой покончено, завозился с пчелками, не без пользы — и доход, и медок целебный...

Обманчивая тишина! Такой человек не способен измениться, даже если б и захотел. Без малого полвека преступной жизни — не ошибка молодости. Да и вряд ли Паташон сожалел о прошлом. Он не стал другим, он только растерял зубы. На беду, не все...

Калугин, очевидно, не сразу узнал Паташона. Это не удивительно. Не виделись они десятилетия, а знали друг друга недолго, да и выглядели в то время по-другому. У «Демьяныча» же память оказалась лучше. Сказалась волчья закалка, вечно в бегах, раздумывать некогда, и врага и своего узнавать с ходу нужно, а то головы не сносишь! Однако и он сомневался. И если б Калугин по

широте характера не пригласил пасечника в Дагезан, возможно б, и обошлось.

Но возникли контакты, появилось время присмотреться. И Паташон убедился — он! Что же делать? Умнее было бы отойти от греха подальше. Нет! Не та личность. Жажда поживиться, и не только поживиться, покуражиться, испытать садистское наслаждение, издеваясь над беспомощным, попавшим в капкан человеком, — вот что подмывало Паташона. И тактику он выбрал подлую: объявляться не открыто, а постепенно, намеками: я или не я, сам догадайся, а покоя не будет, и пощады тоже не будет.

Калугин, как ты помнишь, Валерий, мрачнел, но еще надеялся, что свойственно людям в самом безысходном положении. И тут — золото! Понимаете, что это слово для Паташона значило? Это не деньги, бумажки, которые он шантажом выудить собирался. Это сам смысл его жизни, символ, если хотите. Так определились пружины действия. Помножьте золотой мираж, вспыхнувший ярко, на злобу, ненависть к Калугину, которому, с точки зрения Паташона, в жизни несправедливо «повезло», на страх, возникавший по мере того, как приоткрывалась история гибели летчика, представьте психологию и опыт профессионального преступника, и вам станут понятны и решимость этого хилого на вид старичка, и его неожиданная энергия, и, скажем прямо, недюжинная смекалка, которая долго сбивала меня с толку. Впрочем, на каждый ловкий ход приходилась и обязательная ошибка, пусть малозаметная, но неизбежная. Это закономерность.

Как узнал он о золоте? Я не смогу ответить на этот вопрос без вашей помощи, Олег.

Что-то переменилось в Олеге. Он не воспринял слова Мазина как очередную атаку.

— Не исключено, что он подслушал мой разговор с Михаилом Михайловичем. Помните, мы ехали вместе в машине, когда я узнал от Гали, что самолет найден? Я с ней зашел к Матвею.

— Было, — кивнул егерь.

— От тебя я направился прямо к Калугину. Он сам открыл мне. Я сказал, что нужно поговорить по важному делу. Он предложил выслушать меня во дворе.

— Не пригласил в дом? — уточнил Мазин.

— Да. Теперь понятно. У дома был привязан к де-

реву ишак. И Калугин говорил тихо. А я волновался. Кажется, мы стояли недалеко от открытого окна. Но около гаража.

— В гараже есть внутренний выход, — сказал Сосновский.

— Да, есть. Увидев меня, Паташон мог спуститься в гараж и подслушивать, стоя у окна. Но как я мог это предположить?

— Предположить было трудно, — согласился Мазин. — Хорошо, что этот факт прояснился. Спасибо, Олег. В последние дни Паташон наверняка следил за каждым шагом Калугина. Не спускал с него глаз и одновременно поспевал за всеми, кто так или иначе соприкасался с погибшим самолетом. Не исключая тебя, Матвей.

— Виноват, Игорь Николаевич.

— Договаривай, что не успел. Повинную голову меч не сечет.

— Перехватил он меня, гад, когда я с Красной речки вернулся. Иду, значит, к Михал Михалычу, а он, зараза ласковая, на ишаке трусит. «Здравствуй, Матвей, — гундосит. — Откуда идешь, куда?» Короче, расстрепал я ему и портсигар показал. Щупал он его, щупал, отдал.

— Это произошло до разговора с Калугиным?

— Ну да. А потом я, дурак, еще хуже сморозил. Зашел к нему и ляпнул: «Ты, Демьяныч, за портсигар по-малкивай покуда. Михал Михалычу я его передал».

— Важная деталь, Матвей, — сказал Мазин удовлетворенно. — Новая для меня. Итак, Паташон в результате слежки собрал обширную информацию, и час от часу она приобретала для него характер угрожающий. Провел он почти всех. Мы с Борисом Михайловичем, увы, не исключение. Сидя в нашем домике, он узнал, что Калугин собирается говорить с Сосновским, с юристом, и, хотя разговор не состоялся, медлить невозможно, Калугин решил...

Но и Паташон решился. Прогремел выстрел. Дерзко, неожиданно и, к сожалению, удачно. Подробности не так важны. Возможно, поднимаясь в мансарду, он и не спланировал все в деталях. Возможно, пытался запугать художника, вынудить его отказаться от признания... Наверно, Михаил Михайлович остался тверд, наверно, не сообразил, что гром покроет грохот выстрела, да и не

верилось ему, наверно, в такое, много лет прожил он в другом, человеческом мире...

Обманчивая удача пришла к Паташону. Выскользнул из гостинной и вернулся он незаметно. Потом по желанию Марины Викторовны отправился в мастерскую, «обнаружил» мертвого и позвал нас с Сосновским. Когда подозрение пало фактически на каждого, Демьяныч выглядел светлее других. Но преступник неизбежно находится в состоянии опасения. Он склонен переоценивать, преувеличивать опасность и стремится всеми средствами увеличить, расширить подлинную или мнимую безопасность.

И тут-то перед Паташоном возникла ушкальная возможность получить первосортное психологическое алиби. Он слышит предложение Бориса Михайловича объявить, что Калугин жив, и предпринимает ход, я бы сказал незаурядный. «Убить» художника вторично! Кто станет подозревать человека, знавшего, что Калугин мертв? Паташон воспользовался ножом, который считал твоим, Валерий. Это новая возможность отвести подозрения, расширить зону безопасности! Как же раздобыл он нож?

— Кажется, я сообразил, — сказал журналист и просунул палец в дырку в кармане джинсов. — Валерий открыл бутылку и вернул нож, а я сунул его не в специальный узкий карманчик, а в большой, дырявый. В суматохе, после известия о ранении хозяина, я не заметил, как нож выскользнул и упал на медвежью шкуру, на которой стоял стул. При слабом свете свечей подобрать его незаметно не составляло труда.

Мазин кивнул.

— Верно. Мне следовало догадаться об этом. Нужно было получше рассмотреть вашу одежду, Олег, и вспомнить, кто где сидел. Паташон снова поднялся в мансарду, пока мы с Борисом Михайловичем замешкались на почте. Ход этот ввел меня в заблуждение, хотя что-то и чувствовалось в нем нарочитое, искусственное, фальшивое. Но ощущение было смутным. Усиливалось постепенно. До самой смерти Демьяныч маячил у меня на втором плане. Смерть его, как ни парадоксально, потряхнув хаос фактов, сгруппировала их в систему. Казалось бы, именно смерть должна была стать главным алиби для безобидного пасечника, твердо вписав его в графу «жертва», а не «преступник», но еще до смерти

Паташон накопил столько доказательств невинности и непричастности к событиям, что гибель «Демьяныча» выглядела абсолютно необъяснимой, если только не поставить под сомнение все эти «доказательства».

И я пошел назад. Начал анализировать не улики, а алиби и прочие сопутствующие обстоятельства. Не сразу и не без поражений пробирался я через факты. Так было, например, со следами на снегу. Первое впечатление — пасечник бежал, спешил. Эта версия вела в тупик. Выручил меня ты, Валерий. Ты вспомнил, что он приходил не в сапогах...

— Но кто ж убил его, Игорь Николаевич?

— Сейчас разберемся. Сначала выясним, как он очутился в реке, потому что Глеб прав — Паташон попал в воду уже мертвым. Когда ты сказал, что Демьяныч пришел в ботинках, я вспомнил его слова о сапогах. Он говорил, что сапоги оказались велики и он собирает-ся уступить их Матвею.

— Игорь Николаевич! — прервал Филипенко.

— Погоди, Матвей. Дойдет очередь. Картина резко изменилась. Следы не принадлежали больше маленькому бегущему человеку. Они были оставлены высоким, идущим обычным шагом человеком, который нес нечто тяжелое, отчего и вдавливал снег носками.

— Точно, Игорь Николаевич, но не я ж...

— Не ты. А чьи это подковы? — Мазин показал на обгоревшие кусочки металла на брезенте. — Откуда они?

— В летней печи нашли?

— Там. Сын твой подсказал. Когда тебе пришлось в голову сменить обувь?

— Да как донес его до речки, обернулся, а след остался, как пропечатанный. Ну, думаю, что делать? Заметать, все равно заметно. Тут меня и ударило: никто ж не видал, как он мне сапоги эти проклятые при-волол. А на нем видали. Расшнуровал я ботинки, а сапоги вместо них натянул.

— Без портянок?

— Не до портянок было.

— Как же тебе удалось надеть ботинки на два номера меньшие?

— Да на кой они ляд мне сдались!

Мазин расхохотался.

— Это меня и убедило. Ты ж единственный человек,

который мог уйти вброд босиком по ледяной воде. Валерий бы не решился.

— Я привычный.

— Но ты замечаешь, Матвей, что факты не в твою пользу?

— А то нет! Потому и сбежал. Ну да вы же разобрались.

— Еще не совсем. Что ты сделал, когда вошел в хижину?

— Трубу открыл.

— Отлично! — обрадовался Мазин.

— На заслонке его отпечатки, — подтвердил Глеб.

— Что это значит? — спросил Валерий.

— Это значит, что Паташон умер от угара; и когда Филипенко, войдя в хижину, увидел его мертвым, он открыл заслонку.

— Точно, Игорь Николаевич. Толкнул двери, а оттуда угаром бьет. На полу гад этот скорчился, синяк под глазом. Тронул я его, мертвый по первому сорту. «Что за беда! — думаю. — Ведь если кто видал, как я шел к хате, а луна какая стояла, вы ж помните, опять на мне сойдется. И пуля, и карабин, и тут еще — докажи, что не верблюд, попробуй!» Аж заплакать захотелось. Но слезами-то горю не поможешь, сами понимаете. Один выход — спровадить мертвяка в речку. Никто и не поймет, куда девался. Высунулся я, огляделся, вроде тихо. Взвалил его на плечи — мать родная! След остается. Ну, про след сказал я. Кинул его в воду и побрел с ботинками. Думал, унесет, а его, заразу, прибило.

— Ботинки принес — и в печку?

— Куда ж еще? Подбросишь где — найдутся. Закапывать охоты не было, а печка топилась как раз.

— Но кто задвинул заслонку? — напомнил Валерий.

— Сейчас поймешь. Зачем, Матвей, ты пришел в хижину?

— Валерия повидать хотел.

— После разговора с «Демьянычем»?

— Ага. Когда он мне сапоги принес. Не понял я его тогда, что он за намеки делал. Смутно говорил. И пугал и обещал что-то вроде бы.

— Я объясню, Матвей, чего он добивался. И как пашел собственную смерть... Я говорил, что смерть пасечника стала переломным моментом в моем поиске. До не-

го внимание мое было сосредоточено почти целиком на личности Калугина. Узнать удалось немало и от Марины Викторовны, и от Кушнарева. Все больше я убеждался, что корни конфликта затерялись в прошлом, что находка самолета всколыхнула какие-то неизвестные силы, действующие беспощадно и динамично. Гильза, которую вы видите, свидетельствовала особенно наглядно, что сила эта не укрощена. И вдруг она обрушивается на безобидного пасечника!

Старика убили... Вначале я подумал так. Но зачем, если он ни в чем не замешан? А не замешан ли? Он принес в хижину бутылку водки, хотя сам не пил. Принес ночью. Очевидно, для срочных, не совсем обычных, требующих «смазки» затруднительных переговоров. Это не похоже на поведение человека незаинтересованного, незамешанного. Судя по всему, шел он к Валерию, а улики падают на Матвея. Да еще какие! Насколько голубым казался пасечник, настолько мрачно выглядел Филипенко. Насколько мрачно, что возникали сомнения. Что за всеобщее злодейство! Убить Калугина, покушаться на меня, утопить пасечника! Между тем в истории с пулей Матвей показался мне не хладнокровным и изощренным, а прямолинейным и наивным.

Итак, я двинулся назад. В этой ретроспекции было одно, самое неприятное для меня звено: я не мог понять, с какой целью в меня стреляли. Мы с Борисом Михайловичем поддались соблазну смелой, но не украшающей нас гипотезы: что-то я проморгал, а противник считает, что, наоборот, он у меня в руках. Гипотеза оправдалась. Но как? Противник действительно гонялся за решающей уликой, но не за мной, хотя предмет его погони побывал и в моих руках, у меня под носом. Простите каламбур, не в переносном, а в самом буквальном смысле.

Вот платок, которым я вытирал нос и морщился от непривычного запаха. В воде и на морозе запах смягчился, почти исчез, но происхождение его очевидно: Михаил Михайлович привык вытирать платком краску, заменял тряпку, если не находил ее под рукой. Мы же с тобой, Валерий, едва не лишились из-за него жизни. Когда я это понял, я понял все.

Ты не мог вспомнить, как попал к тебе платок. Предположил, что захватил его в мастерской. Это неверно. Из мастерской платок вынес Паташон, не предполагая, что он станет причиной того страха и даже паники, ко-

торая сопровождала преступника все оставшиеся часы жизни и толкала на новые преступления и ошибки. А в конечном счете привела к гибели.

Мазин развернул платок.

— Вы видите следы краски, пятна сажи и не так заметные, но несомненные маслянистые полосы. Это ружейная смазка. Паташон затирает платком отпечатки пальцев. Ружьем Калугин, как известно, пользовался редко, и оно было обильно смазано. Протерев после выстрела ствол и приклад, убийца сунул платок в карман куртки. Спустившись, он или позабыл о платке, или вполне резонно предположил, что по карманам лазать не будут. Так или иначе Паташон повесил куртку в прихожей, но упустил маленькую деталь.

— Я понял, Игорь Николаевич! — прервал Валерий. — Его куртка висела рядом с моей. Куртки-то как две капли воды. Я полез за платком, взял его и позабыл...

— Но ты наверняка доставал его! А Паташон это видел. Нетрудно представить его состояние. Ему известно, что отец говорил с Валерием. Что он успел сказать? Валерий вытащил из его кармана важнейшую улику. Разве такое может быть случайным? Наконец, Валерий не скрывал от пасечника свою неприязнь. Инстинктивную. Но откуда ему было знать истоки неприязни? Правда, Валерий медлит, не действует. Но что на уме у этого неуравновешенного парня? И как поведет он себя, когда появится милиция? Нет, милиции дожидаться нельзя. Нужно действовать! Новое убийство задумано тоже хитро, однако и удачные замыслы не всегда осуществляются, как по маслу, а тем более два раза подряд. Решено было застрелить Валерия из карабина Филипенко, оставить на месте выстрела гильзу и отвести опасность еще дальше, запутать нового человека. Я сказал, застрелить Валерия, и в этом-то и заключалась разгадка непонятного. Паташон охотился не за мной! Хижина, где ты обычно околачивался, и ослабевшее стариковское зрение — вот что определило ошибку.

Матвей, разумеется, был смущен. Сначала старик завез ему карабин с невиннейшим видом. А это у него получалось, старость и хилость Паташон использовал на хорошем актерском уровне. Потом Коля прибегает: стреляли! Нервы у тебя сдали. Матвей. Начудил с пулей.

— Точно, Игорь Николаевич, — согласился егерь.

— Но сын тебе и тут помог. В уничижительной для меня форме, правда. Николай заявил ответственно: «Мой папка не промазал бы!»

— Да навряд, Игорь Николаевич.

Все засмеялись.

— Ишь, гад, какую он сеть на меня запустил! Он, значит, убивать будет, а меня в тюрьму?

— Возможно, тебе грозило кое-что и похуже. Планы Паташона на твой счет были обширнее и хитрее. Из чего он исходил? В самолете было золото, но его не нашли. И не найдут, раз Калугин мертв, а портсигар захвачен. Следовательно, нужно выждать, пока уляжется шум, и забрать все спокойненько. Но как? На ишаке сюда не въедешь, пешком и Олег споткнулся. Не для Паташона эта дорожка. А Матвей может. Вот ему то кнут, то пряник. Запугал — и сапоги следом. Понимай, мол, с каким человеком дело имеешь! Нужен ты ему был, Матвей, чтобы пробраться сюда за золотом.

— Не сказал он, Игорь Николаевич, но намекал, точно. «Выгодное дело знаю. За меня держись, не пропадаешь...» Такое плел...

— Ну, а что ждало тебя, догадаться нетрудно. Делиться и оставлять свидетеля было не в правилах Паташона. Однако вернемся к Валерию. Замысел преступника не удался. Возможности свои он переоценил: глаза уже не те, да и руки. В меня не попал как следует. Между тем отведенное ему время истекло. Погода улучшилась. И хотя Паташон при любой возможности намекал на твою «вину», Валерий, подтвердить ее могло лишь «самоубийство» или, по крайней мере, несчастный случай, похожий на самоубийство запутавшегося, мучимого совестью пьяного человека. И вот с бутылкой в кармане Паташон идет к тебе, Валерий. По пути занес сапоги Матвею, закрепил начатую интригу, заполучил еще одно полуалиби: если кто и обратит внимание на его ночные перемещения, он был у Филипенко. Повстречались Олег с Галиной: «Куда, дедушка?» — «К Матвею». Складно! Но не знал он, что трудится впустую, что никакого золота не существует, что все уловки обманывают прежде всего его самого, что безнадежно и окончательно заблудился он в своем порожденном безумным переплетением страха и жадности фантастическом мире. Нет, я не считаю его сумасшедшим. По-своему он был нормален и, останься жив,

ответил бы перед судом без скидок. Но с точки зрения человеческой, естественной, гуманной говорить о «нормальности» поведения Паташона не приходится.

Его приходится только опасаться. Однако ты, кажется, был далек от этой мысли, Валерий? Хотя и отказался пить самогон.

— Самогон?

— Да. В бутылке была не водка, а самогон. Градусов шестьдесят с гаком. Хлебнув стопку такого пойла, ты, уже будучи пьяным, наверняка свалился бы с ног. Что и требовалось. Печь догорала, набитая угольями...

Валерий хлопнул себя ладонью по лбу.

— Я знаю, когда он прикрыл трубу. Я выходил...

— Теперь ясно. Потому что при тебе закрыть заслонку было все-таки рискованно.

— Я выходил. Появление этой мерзкой рожи подействовало на меня отвратно, но хотелось сообразить, зачем он явился. Я вышел и протер лицо снегом.

— А он тем временем задвинул заслонку. И взял носовой платок.

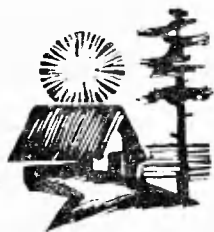
— Платок валялся.

— Паташон использовал его в последний раз. Это был практичный человек. И он не собирался оставлять отпечатки пальцев на заслонке. Вот откуда сажа на платке. Когда ты вернулся, он не успел его спрятать, сжал только в кулаке.

— И заюлил: «Оставлю тебе водочку, Валера, сам я непьющий. Пойду, если сердишься. «Я ему: «Забери бутылку!» Он: «Как хочешь, а напрасно пренебрегаешь стариком». Ну и намекнул, сказал гадость... Вы знаете. Ударил я его. Но убивать не хотел.

— Ты и не убил. Но, падая, он ушибся затылком и потерял сознание. Но ненадолго. Однако этого оказалось достаточно. Угар начал действовать.

Вот мы все вместе и разобрались. Буду рад, если мои наблюдения пригодятся следствию.

СОДЕРЖАНИЕ

Через лабиринт. Повесть 2

Три дня в Дагезане. Повесть 146

Шестаков Павел Александрович

**ЧЕРЕЗ ЛАБИРИНТ. Повести, М., «Молодая гвардия»,
1971
304 с., с илл.**

Р2

**Редактор А. Строев
Оформление художника Б. Федотова
Художественный редактор Л. Белов
Технический редактор А. Захарова
Корректоры А. Стрелихеева, З. Харитонова**

**Сдано в набор 9/XI 1970 г. Подписано к печати 22/III
1971 г. А01164. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 2. Печ.
л. 9,5 (усл. 15,96). Уч.-изд. л. 16,7. Тираж 100 000 экз.
Цена 64 коп. Т. П. 1971 г., № 215. Заказ 2276.**

**Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Мо-
сква, А-39, Сушцевская, 21.**

64 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

